

Нелли Шульман

ВЕЛЬЯМИНОВЫ

НАЧАЛО ПУТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вельяминовы - Начало пути

Нелли Шульман

**Вельяминовы. Начало
пути. Том первый**

«Автор»

2026

Шульман Н.

Вельяминовы. Начало пути. Том первый / Н. Шульман —
«Автор», 2026 — (Вельяминовы - Начало пути)

Приключения представителей боярских родов Вельяминовых и Воронцовых в
Московии, Сибири, Европе, Вест-Индии и Турции на широком историческом
фоне середины и конца XVI века.

© Шульман Н., 2026

© Автор, 2026

Нелли Шульман

Вельяминовы. Начало пути. Том первый

ТОМ ПЕРВЫЙ
КНИГА ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Москва, февраль 1548

Жена боярина Федора Вельяминова Аграфена умирала.

В сентябре, принеся раньше срока мертворожденных близнецов, Аграфена обезножела. Несколько недель она лежала без движения, отвернувшись лицом к стене, не стирая с лица быстрых слез.

К Покрову, немного отойдя, Аграфена проехала с мужем по московским церквям, щедро раздавая подаяние во спасение души. Федор боялся смотреть ей в глаза, горевшие мертвенным блеском на исхудавшем лице, с резко выдающимися скулами, и сухим ртом. Дома, с мужем, боярыня больше молчала или звала себе в покои младшего сына Матвея. Из десяти живых сыновей и дочерей, что принесла Аграфена, до юности дожили только двое.

Старший сын, инок Вассиан, принял постриг три года назад, достигнув семнадцати лет. Он родился калекой, с заметным горбом, и беспомощной левой ногой. Сын рос разумным мальчиком. Федор с Аграфеной поняли, что нет для него иного пути, кроме монашеского подвига. Приняв постриг, Вассиан мог остаться в Москве или спастись у Троицы, однако он выбрал трудный путь, понеся свет православия зырянам. Второй год Вассиан монашествовал в Чердынском Богословском монастыре на реке Колве, в Пермском крае.

После рождения старшего сына Аграфена дала обет Богородице. Боярыня обещалась проползти на коленях по всем московским церквям, буде Владычица смилостивится над ними и дарует им здоровое дитя.

Матвею исполнился год, когда осенью, в развезенной колесами телег жирной московской грязи, его мать ползла от паперти к паперти, заливаясь слезами благодарности. Мальчик рос крепким и красивым. Аграфена, было, поверила, что после долгой череды выкидышей и мертвых младенцев сможет принести мужу наследников.

Однако судьба распорядилась иначе. Аграфена шептала молитвы, постилась, покупала у ворожей таинственные амулеты, у странствующих монахов ладанки и святую воду. После Рождества, выстояв длинную службу в продуваемом злыми ветрами Успенском соборе, боярыня слегла с лихорадкой.

Три десятка лет прошло с тех пор, как восемнадцатилетнего Федора венчали с Аграфеной у Федора Стратилата в Коломенском. Невесте шел пятнадцатый год. Федор Вельяминов влюбился в свою нареченную с той поры, как увидел ее, двенадцатилетней девочкой, на крестинах у сродственников.

Рядом со златоволосой, кареглазой Аграфеной, хрупкой, словно птичка, но бойкой и острой на язык, высокий и крепкий Федор казался себе неуклюжим увальнем.

Венчали их на Красную Горку, в ясное черемуховое утро. Первую ночь они провели в подмосковном имении Вельяминовых.

Дождавшись темноты, они распахнули окно опочивальни, выходящее в густой лес на Воробьевых горах. Река под холмом переливалась, сверкала, словно глаза Аграфены. Осмелев, Федор коснулся ее. Обняв его, уместившись в его руках, девушка шепнула:

– Ох, и люб же ты мне был, муж мой, мочи нет, как люб.

– А сейчас? – охрипшим голосом спросил он.

– Еще пуще... – Аграфена лукаво взглянула на него.

Не в силах себя удержать, Федор, иступленно целовал ее. Груня нежилась под его рукой, отвечая на поцелуи, сначала несмело, а потом требовательно, настойчиво.

Стоя у постели жены, Федор вспоминал, как зарывался лицом в ее разметавшиеся по подушке волосы, вдыхал их жасминовый запах. В первую ночь она была вся горячая, ладная, верткая. Даже утратив девство, она только коротко охнула и подалась навстречу Федору, обхватив его всем телом, так, что он перестал понимать, где он, а где она.

С каждой новой беременностью, со смертью младенцев, с выкидышами, Аграфена ссыхалась и горбилась. Волосы жены истончились и побелели, глаза стали тусклыми.

– Матвей! – Аграфена, очнувшись, нащарила руку мужа. Федор погладил знакомую ладонь.

– Едет Матвей, едет. Он с царем на охоте, я отправил туда гонца.

– Доедет ли... – тонкие пальцы лихорадочно обирали простынь. —Прощаться бы...

Она опять впала в забытие. Федор, как все последние недели, с отвращением подумал о себе. Рядом умирала его возлюбленная жена, младше его на четыре года, превратившаяся в старуху, а он, боярин Вельяминов, оставался здоровым и крепким.

Ростом и широкой костью он напоминал медведя, с почти нетронутыми сединой темными кудрявыми волосами и лазоревыми глазами. Федор ловил на себе любопытные женские взгляды из-под платков. На подворье у него шныряло много быстроногих московских девок, готовых ублажить боярина.

Тело здорового, нестарого мужчины, требовало своего. Федор уезжал на охоту. Соколы и сапсаны Вельяминова считались лучшими на Москве. Медведя он до сих пор брал один, вооруженный лишь ножом и рогатиной.

Многие бояре без зазрения ходили к веселым вдовушкам или в потаенные срамные дома, но Федор так не мог, не умел. Он был однолюбом, и стыдился бы после такого смотреть в глаза жены.

– Федя...

– Здесь я, Груня.

– Как умру я, позаботься о Матвее, не будь с ним крут. Вот еще что..., – жена слабо шевельнула рукой, но даже короткий жест ее наполнял величие. Аграфена была из рода Головиных, ведущих начало свое от императорской династии Царьграда.

– Федя, женись еще раз. Тебе нужна жена... не такая... как я. Ох, и любила я тебя, Федя, милый мой... как жаль... уходить..., – прозрачные слезы побежали по исхудавшему лицу. Федор целовал впалые щеки, к горлу подступило рыдание.

– Обещай мне, обещай!

Он прижал ее голову к груди.

– Помолись за меня у престола Богородицы, Груня, ибо Царица Небесная и сын Ее, Господь наш, мне свидетели, что любил я тебя более жизни самой.

– Матушка! – кудрявый золотоволосый подросток, вбежав в горницу, рухнул на колени подле постели. Аграфена, просветлев лицом, с трудом подняла руку, положив ее сыну на голову. Матвей иступленно целовал ее ладонь.

– Матюша, отца почитай, не прекословь ему, и будет тебе мое материнское благословение с небес. Заступничество Пресвятой Богородицы защитит тебя, сыночек. Кончаюсь я, Федя, позови инокинь.

Монахини, кучкой столпившиеся у раскрытой двери, громко завели канон на исход души. Матвей рыдал, уронив голову на постель. Аграфена, подняв на мужа на мгновение ожившие глаза, шепнула: «Похорони меня, любимый, с детками нашими, скоро я с ними встречу. Спасибо тебе».

Не услышал, а почувствовав ее краткий вздох, Федор аккуратно уложил голову жены на подушки.

Дворня стояла темной толпой в свете морозного утра.

– Преставилась боярыня Аграфена, – глухо сказал Федор: «Плачьте по ней».

Боярин пошел через двор, в легкой рубашке, без шапки. Люди расступались в испуге, ибо страшно было закаменевшее лицо Федора Вельяминова.

Часть первая

Москва, 1549

По случаю святой Пасхи на патриаршее богослужение в Успенский собор созвали всех бояр, даже самых захудалых, из дальних подмосковных вотчин.

Весна выдалась холодной, за неделю до Пасхи засеял снег. В народе шептались, что заморозки послал Господь в наказание за теплую зиму, когда при первом Казанском походе царя под лед Волги ушла осадная артиллерия и часть войска. Простояв под стенами Казани неделю, не решившись на штурм, царь вернулся в Москву. В марте скончался в своем дворце ненавистник Руси хан Сафа—Гирей. Втайне от его преемника царь Иван готовил новый поход.

Федор Вельяминов чуть не погиб в декабре на тонком льду Волги, спасая с воеводами тех, кого еще можно было спасти.

Под тягучее пение хора он нашел глазами Матвея. Пятнадцатилетний сын стоял прямо, на красиво очерченных губах играла улыбка. Подросток пошел в материнскую породу. Невысокий, изящно сложенный, кареглазый, с шапкой золотых волос, Матвей гарцевал по улицам Москвы на роскошном вороном жеребце. Сын проводил время в охотничьих забавах и праздности. Государь его привечал. Младший Вельяминов был всего на четыре года младше Ивана. Подросток напоминал царю о его собственной юности. Не дозволив Матвею остаться с войском, царь взял его в Нижний Новгород, где он дожидался исхода казанских событий.

Федору царская приязнь была не по душе. На Москве болтали о царевых забавах, о творящемся за белокаменными стенами Кремля, однако Вельяминов никак не мог скрыть сына от зоркого ока Ивана.

Бояре надеялись, что Анастасия Романовна, выбранная из полутора тысяч боярских дочерей и повенчанная с Иваном два года назад, сможет обуздать буйный нрав супруга. Она сидела сейчас на троне рядом с крепким, крупным Иваном, темноволосая, кареглазая, похожая на диковинную куклу в расшитых золотом и драгоценными камнями одеждах. Первая дочь, родившаяся у молодой четы, умерла в младенчестве, однако ходили слухи, что царица опять понесла. Бояре ждали появления сына, царского наследника.

Федор рассеянно всматривался в лица ближних боярынь. Крупная Василиса Аксакова, приземистая разбитная Авдотья Бутурлина, красавица Прасковья Воронцова, приходившаяся ему двоюродной сестрой, и какая—то новенькая. Высокая, стройная, белокожая, женщина стояла, опустив голову. Федор видел только ее сцепленные замком красивые пальцы, униженные перстнями. словно почувствовав на себе чужой взгляд, боярыня встрепенулась. Певчие грянули «Аллилуйя». Федор заметил ее глаза, большие, серые, с зеленоватым отливом, как вода в осенней Москве—реке.

Служба закончилась, царь с царицею двинулись к выходу, за ними потянулась свита. Поравнявшись со стольником Михаилом, приходившемся мужем Прасковье Воронцовой, Вельяминов придержал сродственника за плечо. Воронцов, годов на двадцать младше Федора, вел себя с ним не по—свойски, как с ровней, а скорее, как с дядюшкой.

– Есть у меня до Прасковьи дело, Михайло. Невместно в храме Божию о сем говорить, однако и медлить не годится... – Федор испугался, что незнакомка окажется обрученной, а то и мужней женой. «И тогда, – горько подумал он, – куковать тебе бобылем, Федор Васильевич».

За год вдовства никто из боярынь и дочек боярских ему не приглянулся. Как минуло полгода со смерти Аграфены, сродственницы, будто сговорившись, принялись хлопотать о его новой женитьбе. Сватали Федору вдов и девиц из хороших родов, показывали их в возках или

в церквях, но до сих пор никто не заставлял его сердце биться так сладко, как когда он увидел свою Аграфену. Вот разве что сегодня.

– Милости просим к нам, Федор Васильевич, за ради святой Пасхи, – кивнул Михайло, – и Матвея с собою берите.

За пятнадцать лет, прошедших с венцов брачных, Прасковья родила двойняшек Марию и Степана, а два года назад в семье появился последыш, Петенька. Мария с детства неровно дышала к троюродному брату, девице уже исполнилось четырнадцать.

– Матвей у царя будет, а я заеду, коли не шутишь..., – коротко махнув на прощанье, Федор зашагал к своему возку.

Прасковья подошла к мужу, постукивая высокими каблуками, спрятанными под подолом парчового сарафана.

– Дядька Федор к нам приедет, – хмыкнул Михайло.

– Ну и славно, – отозвалась Прасковья, – нечего в святую Пасху дома одному сидеть, не дело это.

– Сказал, разговор у него до тебя есть.

– Ох ты, Господи..., – Прасковья приложила пальцы к покрасневшимся щекам: «Не иначе приглянулся ему кто, народу—то сколько было. Царицу проводим до покоев и приеду. Нынче Бутурлина у нее остается».

Вскочив в седло, Михайла рысью пустил коня на Рождественку, в городскую усадьбу.

Несмотря на веселый нрав, Прасковья Воронцова вела хозяйство рачительно и строго. За грязь, леность или воровство дворню секли нещадно и отправляли в деревенские усадьбы. В доме всегда уютно пахло свежеспеченным хлебом, полы каждый день скребли с песком.

Обед подали семейный. За столом собрались только Прасковья с мужем, близнецы Мария и Степан, да Вельяминов.

– Дядя Федор, а правда, что мы осенью опять пойдем воевать Казань?

– Похоже на то, Степа..., – Федор задумчиво отставил кружку с медом, – без Казани пути на восток нам нет. Пермский край получается, как отрезанный ломоть, а там земли исконно русские, их новгородцы брали сотни лет назад. Волга Руси нужна, по ней нам торговать с Персией и Индией, а сейчас ханы Казанский и Астраханский в Каспийское море нас не пускают.

– Говорят, что в Индии все идолам поклоняются, – Марьюшка смущенно запнулась: «Читали мы со Степой повесть о хождении за три моря тверского купца Афанасия Никитина, дак он пишет, что в Индии сто вер, и все разные!»

Воронцовы воспитывали детей в послушании, но были из тех редких на Москве родителей, что считали, что обучать надо не только сыновей, но и дочерей. Близнецы, родившиеся с разницей в полчаса, с колыбели росли рядом.

– Веру, Марьюшка, любую надо уважать, ежели человек праведный и достойный. Есть среди всех народов и глупцы, и люди бесчестные, да и на Руси таковых хватает, – вздохнул Федор.

Прочли благодарственную молитву, дети разошлись по горницам. Боярыня Прасковья подперла рукой мягкую щеку:

– Думаешь, что они дети, а ведь растут. Марию сватают, да она все Матвея дожидается.

– Не надо ей дожидаться, – жестко сказал Федор, – у Матвея не честный брак, а девки срамные на уме да попойки с дружками. Стыдно мне так говорить, сестра, однако совсем он от рук отбил. И не накажешь его по—отцовски, царь Иван во всем Матвея покрывает. Государь, хоть и молод, а норовом крут. Скажешь, что поперек, и закончишь жизнь, как покойник Андрей Шуйский.

Прасковья поежилась. Бояре помнили страшную смерть князя Шуйского, отданного на растерзание своре дворцовых псов семь лет назад.

– Ты мне лучше вот что скажи, боярыня, – Федор отхлебнул меда, пытаясь справиться с напавшим на него кашлем: «Что у вас там за девица сероглазая? Боярышня она али жена венчанная?»

Облегченно улыбнувшись, Прасковья незаметно толкнула Михаила ногой под столом.

– Вдова она, братец, больше года вдовее, с марта еще. Муж ее был боярин Тучков, Василий Иванович. Сама она новгородка, да с венчания в Твери жила. Как муж погиб, дак ее сродственники в Москву забрали.

– А что с ее мужем случилось? – поинтересовался Федор.

– В марте переправлялся через Волгу, а лед истончился, дак и ушел он в полынью. Хороший человек был Василий Тучков, богобоязненный, скромный, на милостыню щедрый, – ответил Михаил.

– Небось, семеро по лавкам у вдовы—то? – буркнул Федор, удивляясь своей неприязни к ни в чем не виноватому покойнику Тучкову. Боярин одернул себя: «Свечу на его помин пожертвую и акафист закажу».

– Не дал им Бог потомства. Восемь лет прожили душа в душу, но не даровала Пресвятая Богородица радости, – торопливо ответила Прасковья.

– Что ж ей, к тридцати годам? – вспомнив строгое лицо сероглазой, Федор попытался угадать, какого цвета у нее волосы:

– Под кикой и не разглядишь. Золотые, как у Аграфены, соломенные, рыжие..., – он почувствовал, что краснеет.

– Двадцать четыре в апреле сполнилось, не вертихвостка какая—нибудь, не девчонка..., – размеренно бубнила сестра: «Женщина разумная, спокойная. Дом вести приучена, хозяйство у них в Твери богатое, родитель ее вдовый в Новгороде торгует...».

– Ты ее Параша, нахваливаешь, словно я жениться собрался! – усмехнулся Федор: «Что ж она, не боярского рода?»

– Да кто их разберет в Новгороде! – в сердцах отозвался Михайло: «По отцу она Судакова, имя древнее, известное, однако ты знаешь новгородцев, у них и бояре торговать не гнушаются. Тучковы, куда она замуж вышла, тоже тамошние. Царь Иван Великий их в Тверь выселил, как новгородские вольности отменил».

– Значит, Тучкова... – задумчиво проговорил Федор Вельяминов: «А звать—то ее как?»

– Феодосия, боярыня Феодосия.

В наступившей тишине до крестовой палаты из горниц донеслась колыбельная. Мамка баюкала маленького Петю Воронцова. В распахнутое окно вливался кружащий голову апрельский ветер.

– Сватами поедете? – Федор исподлобья взглянул на чету Воронцовых. Увидев их просветлевшие лица, боярин успокоено улынулся.

Добравшись до своей горницы, Феодосия Тучкова первым делом скинула надоевший за день тяжелый опашень и летник. Женщина осталась в одной рубашке. Со святой Пасхи над Москвой нависла изнуряющая, совсем не весенняя жара, изредка прерываемая страшными грозами. Дворовый люд болтал, что в подмосковном Коломенском в коровник залетел чудный огненный шар, испепеляющий все на своем пути.

– Матушка Феодосия, – шептала ей пышнотелая боярыня Василиса Аксакова, – говорят, что шар тот миновал коров насквозь, внутренности ихние сжег, однако шкуру не тронул, ибо входил и выходил через отверстия, кои Богом дадены..., – рассказчица залилась жарким румянцем, более подобающим невинной девице, нежели матери пятерых детей.

– Много есть чудес у Господа всемогущего..., – степенно перекрестилась Феодосия.

Сидя на подоконнике, глядя в медленно темнеющее небо, женщина улыбнулась, вспомнив разговор. За год Василиса стала Феодосии хорошей подругой. Боярыня Аксакова только сокрушалась, что больно тоща Феодосия, и неплохо бы ей нагулять жирка перед свадьбой.

Подумав о свадьбе, Феодосия положила голову на колени. Женщина задумалась, наматывая на пальцы, как в детстве, соломенные локоны. Сватали ее много, однако все не те. Засылали сватов недавно овдовевшие бояре, которым нужна была мать для сирот, хозяйка в доме и теплое тело на ложе.

Привыкнув к размеренной жизни с возлюбленным мужем Василием, наполненной чтением книг, сбором лекарственных трав, письмами вдовому отцу и новгородским подругам, Феодосия совсем не была уверена, что хочет детей.

Она не знала, кто из них с Василием был виной в бесплодном браке, однако через три года после венчания супруги поняли, что такова воля Бога. Тучковы решили, что, видно, избраны они Всевышним для иного предназначения, пока не раскрывшегося явно.

Живя у родственников покойного мужа, людей придиричивых и строгих, Феодосия чувствовала себя нахлебницей. В Тверь ей было вернуться невместно. Молодой вдове не пристало одной жить в усадьбе. Будь она лет пятидесяти, да с детьми, никто и слова бы не посмел сказать, но Феодосии исполнилось всего двадцать четыре.

Она могла уехать в Новгород к отцу. Никита Судаков давно звал дочь домой, ибо не было у него лучшего помощника в торговых делах, но сначала дорогу развезло осенними дождями, потом прошли Рождество, Великий Пост, Пасха, а Феодосия все находилась при царице Анастасии.

Царица отличала ее от других боярынь. Феодосия, старше Анастасии всего на пять лет, была ближе всех ей по возрасту. Феодосия была умна и начитана, а царица, словно ребенок, любила слушать рассказы о дальних странах и путешествиях. При дворе Феодосия скрывала ученость. Среди московских боярынь редко кто умел читать и писать, а тем более знал латынь и греческий.

После смерти Василия отец послал ей долгое письмо, заклиная никому не выдавать семейной тайны, даже будущему мужу, если таковой найдется.

—Помни, Феодосия, — писал Никита Судаков, — что тайна сия велика есть. Немногие знатные роды Новгорода передают ее из поколения в поколение. Твой покойный муж знал о ней, ибо Тучковы, хоть и были изгнаны из Новгорода, тайной этой тоже владели.

Однако ежели кто сторонний узнает ее, то нам грозит смерть на дыбе и на костре, как мученикам, погибшим за веру от рук архиепископа Геннадия, да будет проклято имя его. В церковь ходи, иконы дома держи и поминай имя Иисуса, как ни в чем не бывало, ибо уверен я в твоей твердости, дочь моя. Письмо сожги, дабы не попало оно случайно чужим глазам.

В конце она нашла приписку: «Люди в Москве не похожи на новгородцев и не ценят учености. Поэтому скрывай и начитанность свою, дабы не вызвать подозрений».

Феодосия утерла слезинку, скатившуюся из глаза. Ей, выросшей на вольном северном воздухе и попавшей из уютного родительского дома в любящие объятия Васи Тучкова, хоть и жившего в Твери, но духом тоже новгородского, было тяжело в шумной Москве.

После смерти мужа, готовясь к отъезду в столицу, она сожгла все рукописные тетради с молитвами. Даже через пятьдесят лет после страшной казни архимандрита Кассиана в Новгороде и дьяка Курицына со товарищи в Москве само хранение этих манускриптов было смертельно опасным. Однако Феодосия помнила все молитвы наизусть. Не их ли она произносила с детства, при закрытых ставнях и зажженных в подполе дома Судаковых свечах? На тайных встречах собирались немногие истинно верующие Новгорода, передававшие из поколения в поколение память об учении, за которое умерли их деды и прадеды.

Феодосия медленно сняла с шеи нательный крест. Повернувшись, прочь от заката, залившего Москву кроваво—красным светом, она зашептала тайную молитву.

Царица Анастасия Романовна проснулась не в настроении. Настежь распахнутые окна не спасали, в покоях стояла духота.

Над Москвой который день громоздились грозовые тучи, но дождь проливался больше над окраинами, в Коломенском, в Измайлово, над Воробьевыми Горами.

По Красной площади гуляли столбы пыли, кремлевский сад поник, деревья стояли вялыми листьями. Одурающее пахло пышно цветущей сиренью. От назойливого духа кустов у беременной на третьем месяце Анастасии болела голова.

Вытянувшись на ложе, она огладила свое еще по—девичьи стройное тело ладонями. Царственному супругу она пока ничего не говорила. Иван, с его крутым нравом, узнав, что Анастасия в тягости, мог запереть жену в покоях, сохранения чрева ради.

Лежа на спине, она провела почти половину первой беременности. Бабки—повитухи отчего—то решили, что Анастасия может скинуть. Сколько царица не уверяла, что ее мать родила восьмерых и до последних дней ездила в возке и ходила в церковь, бабки были непреклонны. К ней приглашали шутих и сказительниц. Анастасии тогда больше всего хотелось бежать по кремлевскому холму босиком к Москве—реке, шлепать по мелководью, брызгаться теплой речной водой.

Девочка у нее родилась хилая, болезненная. Царевна не прожила и трех месяцев.

—В этот раз все будет по—другому..., — пообещала себе Анастасия, приподнявшись на локте. Царица устало вздохнула:

—Ты и в прошлый раз хотела положить конец его пьяным забавам, а что вышло? Лежала, как жук, опрокинутый на спину, и даже ребенка здорового произвести на свет не смогла....

Царь Иван любил жену, однако норова своего подчас сдержать не мог, да и не хотел, а дразнить его невместным поведением было и вовсе неразумно. В гневе Иван становился опасным. Анастасия, обжегшись пару раз, зареклась прекословить мужу.

Когда на смотре боярских девиц из сонма красавиц Иван выбрал именно ее, дочь небогатой вдовы, семья Анастасии взошла на ступени трона царского, став частью ближних бояр Ивана. Анастасия помнила унижительные проверки, интриги и зависть претенденток. Многие девицы на смотре родились в куда более знатных семьях. Однажды ночью Анастасия проснулась от шороха в опочивальне, в царском тереме, где чуть не вповалку спали девушки.

Наклонившись над ней, держа свечу, Иван пристально изучал ее лицо. Анастасия чуть не закричала от ужаса. Царь быстро зажал ей рот ладонью. Иван постоял немного, разглядывая ее. Не сказав ни слова, он удалился в свои покои.

Анастасия долго смотрела расширенными от страха глазами ему вслед. Царь был высокий, сухоощавый, и двигался легко, как рысь.

Потом она поняла, что каждую ночь Иван обходил опочивальни с девицами, любясь их сонной прелестью, отмечая тех, кого потом отберут в первую дюжину. Из нее царь и брал себе единственную девушку, будущую царицу московскую.

Когда Иван, по обычаю, обойдя двенадцать девиц, остановившись перед Анастасией, протянул ей вышитый платок, знак выбора, девушка чуть не потеряла сознание.

Однако сомлеть в такую минуту означало смерть не только для нее, но и для ее родных. Другие семьи распустили бы слухи, что мать скрыла хворость дочери, отправляя ее на смотрины. Представив ссылку в глухое Заонежье, стиснув зубы, Анастасия с поклоном приняла платок.

Девушка удивилась улыбке царя. Лицо Ивана обычно было недобрым, даже хищным, но сейчас в его глазах плясали искорки смеха.

Настроение государя менялось, как погода в весенней Москве. По—своему оберегая жену, Иван не принуждал ее к полуночным забавам. Анастасия вздохнула:

—Но слухи, слухи..., На чужой роток не накинешь платок.

Потянувшись, Анастасия хлопнула в ладоши. Таз для умывания внесла Феодосия. Царица привычно поразилась красоте новгородки.

– Доброго утречка вам, матушка—царица, – напевно проговорила Феодосия: «Хорошо ли спалось?»

– Да не очень, – зевнула Анастасия: «Все духота, и воняет на Москве ужасно».

– Как не вонять, ежели в покоях неделю не убирали..., – Феодосия подала Анастасии богато вышитое полотенце: «Девки прислужницы совсем разленились, только языками чешут».

Анастасия покраснела. Проведя детство в бедной усадьбе, она не могла справиться с леностью слуг. Сама же убирать она не хотела, такое царице было неместно.

– Может, ты хоть их приструнишь? Вокруг тряпки грязные валяются..., – Анастасия ткнула пальцем в угол, где высилась куча нестиранного белья, – так и клопам недолго завестись.

– Мух у нас уже с излишком, – сухо заметила Феодосия, убирая таз с полотенцем:

– Берите возки, государыня, поезжайте на денек в Коломенское. Там тишина, не то что в Москве, гвалт беспрестанный. Отдохнете, искупаетесь, в такую жару вода в реке, как молоко парное. Я останусь, и уберемся везде как следует.

Прасковья Воронцова, готовившая в соседней горнице платье царицы, прислушалась:

– Самое время, – решила она, – без лишних ушей сподручной разговор завести.

Возки с царицей, боярынями, мамками и санными девками поползли через наплавной мост, соединявший Тверскую и Серпуховскую дороги.

Согнав в покои прислужниц, боярыни заперлись в опочивальне Анастасии, разбирая платье. Юная царица, ровно малый ребенок, едва поносив, бросала в угол покоев опашени с драгоценными камнями и расшитые летники.

Прасковья искоса взглянула на Феодосию.

– Долго ль, боярыня вдоветь располагаешь? Не пора своим домком зажить?

Феодосия вздохнула:

– Свахи ездят к сродственникам, но не глянется мне никто. После Васи покойного никого не хочу.

– Лукавишь, боярыня..., – Прасковья перекусила нитку, коей пришивала пуговицу к опашению, – ой, лукавишь...

– Ты, Прасковья, сколько лет с мужем живешь? Пятнадцать вроде?

– На Красную горку пятнадцать было.

– Сколь я помню, говорила ты, что замуж идти тебя родители не неволили. Ежели придется человек тебе по сердцу, так дадим свое благословение.

Прасковье вспомнилось лето после венчания, жаркий июнь в подмосковной вотчине Воронцовых, цветы на лесной поляне, где в полуденной хмари понесла она близнецов. Было ей тогда чуть менее пятнадцати, а Михайле семнадцать, и были у нее волосы черны, ровно вороново крыло, а глаза сияли нездешней лазурью.

– И меня батюшка не неволил, – Феодосия удивилась словно затуманенным глазам Прасковьи, – однако тяжело мне Васю забыть, будто вчера все случилось.

– Но не станешь же ты век одна куковать? Ты не в своем доме сейчас и не в родительской вотчине, надо и свое хозяйство заводить.

– Дак и сватают все на хозяйство, Прасковья Ивановна, да у кого жена преставилась, и с детками ему не управиться, – отозвалась Феодосия, – а не ради меня самой сватают.

– Есть один боярин, – Прасковья замялась, – роду хорошего, богатый. Хоша он и вдовец, но сыны у него взрослые. Один монашествует, другой к царю близок, а насчет хозяйства, не ради оного он тебя сватает, а потому, что видел тебя.

– Но не говорил! – Феодосия смяла в руках царицыну рубашку:

—Как можно девицу али вдову сватать, и словом с ней не перемолвившись! Не кривая, не косая, и слава Богу! Вдруг я дура набитая, двух слов связать не могу. Впрочем, у вас на Москве это все равно. У вас жены сидят, аки колоды, в теремах, к людям им хода нет.

—Ты, матушка—боярыня, не сердчай, а далее послушай, — мягко остановила ее Прасковья:

—Боярин тот сродственник мой близкий, и ежели хочешь ты с ним встретиться, то готовы мы с Михайлой пособить.

— Наедине, что ли? — заалев, ахнула Феодосия: «Невместно же!»

—Нет, конечно. Но и поговорить, коли друг другу по сердцу придется, можно будет. Только, Федосья Никитична, не молоденец боярин—то.

—Я тоже не слеточек какой, — рассмеялась Феодосия.

—Вдвое тебя старше, — отозвалась Прасковья:

—Брат мой двоюродный, Федор Вельяминов. Так что сказать мне ему, боярыня?

Еще гуще заалев, Феодосия прикусила нежную губу.

—Хотела б я с ним свидеться, — едва слышно пробормотала она, опустив голову.

Феодосия вспоминала дни, проведенные в ожидании встречи с Федором, как напоенные дурманом. Взяв что в руки, она сразу все и роняла. Сродственникам она отвечала невпопад, и долго смотрела в майское небо, где вереницей шли белые, ровно сахарные облака.

Вельяминова она заприметила давно. Могла ли Феодосия не заметить этакого медведя, на голову выше и вдвое шире в плечах, чем остальные бояре? Изредка, на богослужениях, она украдкой, алея щеками, бросала в его сторону быстрые взгляды. Нравился ей боярин Федор, ох как нравился! Был он совсем не похож на покойного Василия Тучкова, невысокого, худощавого, с льняными северными волосами. Васю Феодосия знала с детства, понимали они друг друга с полуслова, и никто не удивился, когда, войдя в возраст, они повенчались. Были они оба спокойные, приветливые, сдержанные, ровно и не муж с женой, а брат с сестрой.

И любились они с Васей так же, спокойно и нежно, и не ведалось Федосье, что есть на свете любовь иная. Исподволь глядя на Федора, она чувствовала, как тяжелеет ее высокая грудь, раскрываются и влажнеют губы, перехватывает дыхание. Было это совсем по—иному, чем с покойным мужем. Феодосия страшилась и одновременно тянулась к доселе неведомому ей чувству.

Прасковья Воронцова долго думала, как бы устроить свидание Федора с Феодосией. Пригласить к себе сродственника она могла в любой день, на то он и сродственник, но вот как Феодосии оказаться в то же время рядом? Хоша и вдовела боярыня, но, молодой и бездетной, было ей невместно одной разъезжать по Москве.

—Боюсь, придется Федору засылать сваху, — озабоченно сказала Прасковья, снимая тяжелую, надоевшую за день кикку, встряхивая угольно—черными власами:

— Федосья же Никитична, пожалуй, и упрется, аки ослица валаамова. Как, мол, сватать, не поговорив наперед с невестой? Несогласливый они народ, новгородцы.

Михайла с подушек усмешливо смотрел на жену

—Помнится, одна боярышня с глазами васильковыми так же когда—то уперлась. Не хочу, не поговоривши—то. Посадили молодых рядом, девица взор в пол как устремила, так и не взглянула на молодца ни разу.

—Смотрела я на тебя, — рассмеялась Прасковья, — исподтишка только. Ты тоже герой, хоть бы полсловечка вымолвил.

— Поди, что вымолви, когда рядом такая краса, — Михайло привлек к себе жену, зарывшись лицом в ее волосы, — я и сейчас иногда теряюсь, на тебя глядячи.

— Феодосия—то не я. Она за словом в карман не полезет.

—Да чего проще—то! Петины именины на носу, поедem к Федосьиным родственникам, заберем ее и потом привезем обратно. Не об чем будет слухи распускать.

Так и оказалось. Сидя в закрытом возке, Прасковья посматривала на Феодосию. Подруга крутила на пальце выбившийся из—под кики льняной локон, перебирала подол опашения, пристукивала об пол мягкой сафьяновой туфлей.

— Мнится мне, боярыня, кровь твоя северная быстрее потекла, — усмехнулась Воронцова:

— Али я неправа?

— А? Что? — вздрогнула Феодосия.

Прасковья только махнула рукой. Толку от боярыни Тучковой сейчас было мало.

На Петиных именинах мужчины и женщины, как полагается, сидели раздельно, по соседним горницам. После обеда гости собрались по домам. Прасковья за надуманным делом увела Феодосию на женскую половину. Боярыня прислушалась:

— Вроде все уехали. Можно идти.

Сидя у ларца с хозяйскими драгоценностями, Феодосия рассеянно перебирала жемчужные ожерелья.

— Уже? — очнувшись, покраснела боярыня: «Как же это будет—то?»

— Хотела сама, чтоб с тобой говорили, — Прасковья подтолкнула боярыню к лестнице, — дак и говори.

Когда Прасковья невзначай обронила брату, что Феодосия Тучкова была бы не прочь с ним встретиться, жизнь Федора, до той поры размеренная, наполненная царской службой и домашними заботами, будто перевернулась. Словно понесли его кони по зимней дороге, где дух захватывает, и хочется увидеть, что ждет дальше, за слепящей стеной метели.

Федор Вельяминов сидел в крестовой горнице, бросив большие руки на льняную скатерть, не слыша того, что говорил Воронцов. Боярин смотрел на образ Богородицы в красном углу. Невместно было думать так, но узрел он в строгом лике сходство с Феодосией. То же тонкое, северное лицо, большие глаза, смиренно опущенные к младенцу Иисусу.

Тихо скрипнула дверь. Феодосия стояла в проеме, высокая, в парчовой кике, делающей ее еще выше. На бледных щеках женщины горели два алых пятна.

— Здрава будь, боярыня..., — поднимаясь, он услышал, как предательски хрипло звучит его голос.

— И ты здрав будь, Федор Васильевич, — она взглянула на него прозрачными серыми глазами. Феодосия шагнула к нему, будто вручая себя его защите. Никто еще не смотрел на нее ровно на чудотворную икону в церкви.

Не было бы в горнице Воронцовых, — мелькнуло у Федора в голове, — упал бы я на колени перед такой красой и не поднимался бы более до дня смерти моей.

Они сели друг напротив друга. Феодосия склонила голову, не в силах выдержать его смятенный взгляд.

Оба молчали, пока под каким—то предлогом Воронцовы не вышли из палаты, оставив Федора с Феодосией одних.

За окном клонился к закату длинный московский день.

— Так что же, Феодосия Никитична, — первым прервал молчание Федор, — какое будет твое решение? Вот я весь перед тобой. Лет мне немало, на шестой десяток скоро перевалю. Сыны выросли, один монашествует, другой при царе Иване Васильевиче. Хозяйство мое большое и налаженное...

— Не ради хозяйства я, — голос Феодосии надломился, — да, и ты, Федор Васильевич, думаю, не ради него...

— Не ради, — ответил он, ощущая, как вскипает кровь, не поднимавшаяся в нем с той поры, как слегла покойница Аграфена, — не ради хозяйства, Федосья Никитична...

— Я хоша и вдовею, Федор Васильевич, но, по—хорошему, тебе с отцом моим надобно поговорить. Путь до Новгорода не близок, но грамоту можно с гонцом послать..., — покосившись на Федора, Феодосия опять опустила голову.

– А ты как сама располагаешь? Люб я тебе, али нет?

– Был бы не люб, разве пришла бы я? По сердцу мне, что ты не сваху заслал, а хотел сперва поговорить со мной.

– Мнится мне, боярыня, долгонько будет нам с тобой о чем поговорить..., – просветлел лицом Вельяминов.

– Ой, прав ты, боярин, ой прав! – Феодосия рассмеялась. Прасковья Воронцова, стоявшая у двери в соседней горнице, облегченно перекрестилась.

– Пошли им, Всевышний, брак честный да ложе безгрешное.

Вернувшись в усадьбу, Вельяминов послал слугу за Матвеем. Застать сына дома было непросто, он дневал и ночевал в покоях царя Ивана, но не сказать ему о женитьбе Федор не мог.

– С Вассианом все легче пройдет..., – боярин мерил шагами крестовую палату:

– Пошлю грамотцу в Чердынь, да и дело с концом. Он инок, от мирской жизни отрешен, наследства ему не надобно. С Матвеем надо осторожно говорить. Бог знает, народятся у нас с Феодосией дети али нет. Она семь лет с мужем покойным прожила и не понесла. Хотя не ради детей я хочу ее в дом ввести...

Федор поймал себя на том, что представляет себе Феодосию, сидевшую в палатах Воронцовых в парче и шелках, с плотно покрытой кикой головой, совсем в другом виде. Покраснев, как мальчишка, боярин не заметил вошедшего в горницу Матвея.

– Звали, батюшка?

– Звал..., – Федор взглянул на сына. Матвей покачивался на высоких каблуках сафьяновых сапог. Воротник ферязи, расшитый жемчугом, он поднял вверх, тонкие пальцы отягощали перстни. Золотые, длинные волосы подростка завивались, падая на парчу.

– Кольчугу—то пошто надел? – Вельяминов заметил блеск стали в разрезах ферязи: «Ты при государе состоишь, кто тебя тронет?»

– Сговорились мы сегодня на мечях упражняться, батюшка, засим и кольчуга, – развел руками сын.

– Садись, – Федор указал на лавку, – разговор до тебя есть.

Матвей послушно сел.

– Глаза—то у него Грунины, – понял Федор, – ишь какие, ровно лесной орех, – он откашлялся:

– Мать твоя покойница перед смертью взяла с меня обещание, и намерен я его исполнить.

– Что ж за обещание?

– Обещал я жениться после ее смерти..., – наруганные щеки сына побледнели.

– Не могла она..., – голос Матвея прервался: «Не могла матушка о таком помыслить! Любила она тебя!»

– Дурак ты, сын, – вздохнул Федор.

– Не гневаюсь я потому, что молод ты еще. Вырастешь, дак поймешь, что любящее сердце не о себе думает, а о том, кого любит. Да и пошто я тебе все рассказываю? Дело я порешил. Ты скоро своим домом заживешь, с мачехой видеться будешь редко.

– Кто же она, батюшка? – осторожно спросил Матвей.

– Ближняя боярыня царицы, Тучкова Феодосия, новгородка. Вдовее она, больше года уже.

– Как скажешь, батюшка, так и будет..., – Матвей поклонился: «Воля твоя, не мне тебе перечить».

– Ну, иди с Богом, – разрешил Федор.

Матвей поцеловал отцовскую руку. Боярин облегченно выдохнул:

– Вроде бы и обошлось..., – он велел слуге принести перо и чернила, писать грамоты.

– Любил мальчишка мать..., – размышлял Федор Вельяминов, – но на то она и мать, иной не дадено. Женить бы его, да вроде рано, только пятнадцать лет миновало. Года бы еще три

али четыре погулять ему. И как царь Иван Васильевич на сие посмотрит, неведомо, а супротив царя идти, не враг я себе..., – он бродил по крестовой палате:

– Ах, Феодосия, Феодосия, что ты со мной сделала, сероглазая? Борода у меня в седине, а с тобой словно мальчишка. Скорей бы повенчаться, но еще от будущего тестя жди теперь ответа. Никита Григорьевич не откажет, знатности у меня поболее, чем у него и богатства немало, однако невместно в брак честной вступать без отеческого благословения. Но я бы хоша завтра взял Федосью, пусть и в одной рубашке, да хоша бы и без нее.

Такие мысли пришли в голову боярину Вельяминову, что писать грамоты стало совсем невмоготу.

Выйдя на двор, Матвей отпихнул попавшуюся под ноги шавку. Черно ругаясь сквозь зубы, юноша вскочил на коня.

–Еще и детей народят..., – орудуя хлыстом, Матвей отгонял нищих, жавшихся к стремянам богато убранного седла:

–Пожаловаться, что ли, царю Ивану? Негоже, кто я перед отцом? Отрок неосмысленный, что батюшка скажет, то и велено делать. С этой его..., – Матвей сдержал грязное словцо, – надо осторожнее. Не ровен час, побежит к царице слезы лить. Ладно, недолго мне осталось в отчем доме обретаться. Надо во дворец переезжать, царь Иван меня неохотно в усадьбу отпускает. Разумно надо себя вести, тихо. Велят понести образ на венчании, дак понесу, еще велят что, дак сделаю. Не след отцу перечить. Но, как время мое настанет, наплачутся они. Я наследник Вельяминовых, другого не будет, пока я жив..., – поднимая копытами пыль, гнедой жеребец Матвея несся к Кремлю.

Грамотцу старшему сыну Федор писал недолго, однако над посланием будущему тестю пришлось изрядно покорпеть. Требовалось расписать все свое родословие, до седьмого колена, перечислить угодья и усадьбы, и упомянуть, что ежели благословит их Господь и народятся у Феодосии дети, то будет отписано им это, и это и еще вот это.

Делить наследство Федор не хотел, да и не мог. Матвей, единственный сын, получал после его смерти все, однако у боярина имелись деревеньки с душами, доставшиеся от родни по материнской линии. Их—то и хотел он закрепить за будущими детьми Феодосии.

Царские гонцы, меняя лошадей, добирались до Новгорода за пять дней.

–Хорошо, что лето на дворе..., – Федор запечатал грамоту..., – осенью или весной долго бы пришлось ответа ждать, по распутице.

Феодосия, сидя при свече в своей горнице на усадьбе родственников, тоже писала отцу.

—Человек он хороший, хотя, конечно, тайны я ему не открою. Как ты, батюшка, и заповедовал, иконы я дома держу, в церковь хожу исправно, а что у меня на душе, то дело лишь мое и Бога Единого. Ежели Он даст нам с Федором детей, то по прошествии времени посмотрим, рассказать ли им все и как это сделать.

Ты, батюшка, пришли к венчанию книги мои из Новгорода и тверской усадьбы. Мнится мне, что Федор не против учения. Сам он обучен и читать и писать, слышал о заморских странах и немного знает по—гречески...

Грамота ушла не с царскими гонцами, а с особыми доверенными людьми, которых новгородские купцы использовали для доставки срочных сообщений из Москвы. Так и получилось, что Никита Судаков получил грамоту дочери на день раньше, чем письмо от будущего зятя.

Отпустив гонца с серебряной монетой, он задумался. Странно было ожидать, что, дочь—красавица, всю жизнь проведет вдовой, но Никита удивился ее выбором приближенного к царю боярина

—Зря не уговорил я Федосью после смерти Василия вернуться в Новгород, – Судаков достал чернила и перо:

—Здесь бы она замуж вышла за своего, меньше было бы забот и хлопот. Когда Вася посватался, все было ясно и понятно, ровно белый день, а теперь что? Близко к царю, оно, с одной стороны, лестно, но с другой – тревожно. Иван Васильевич молод, нравом горяч, попасть в опалу легче легкого. Да и неизвестно, каким окажется этот Федор. Человек он немолодой, привычки у него устоявшиеся, трудно будет с ним Федосье. Она хоша и разумна, но привыкла к другой жизни, не московской.

Никита Судаков сжег доставленную грамоту. Всю переписку они с дочерью уничтожали, так было спокойнее. Очинив перо поострее, он писал четким почерком.

—Просишь ты у меня, дочь, отцовского благословения. Не дать его тебе я не могу, ты не дитя и я доверяю твоему выбору. Однако будь осторожна. Сама знаешь, москвичи иные люди, на новгородцев не похожие. Следи, чтобы не проговориться о тайне, иначе взойдем мы все на костер и дыбу, и ты, и муж твой, и дети ваши и я.

Книги твои собираю, но прими мой совет и сперва поговори с мужем, как он поглядит на либерею в хоромаш. Грамотных у нас не везде жалуют, разузнай, по сердцу ли ему ученость жены.

Засим посылаю тебе отцовское благословение, а любовь моя вечно пребывает с тобой, моей единственной дочерью, как и любовь Бога Единого, что создал небо и землю...

Федору Вельяминову Никита Судаков отписал коротко:

— На брак согласен, за Феодосией, единственной наследницей, закреплено все имущество рода Судаковых, которое отойдет ей после смерти Никиты Григорьевича, а от нее в род Вельяминовых.

Отдельной грамотой Никита перечислил земельные угодья, рыбные ловли на Ладогге и Онеге, соляные копи в Пермском крае, золото и серебро в монетах и слитках, драгоценные камни, меха, шелк и бархат.

—Также шлю икону Спаса Нерукотворного новгородской древней работы, в ризе сканного дела, с алмазами и рубинами, как мое благословение...

Никита бросил взгляд в красный угол. Спас висел в центре иконостаса, закрытый золотым окладом. Виден был только потемневший лик.

—Надобно другую икону выбрать на его место..., – Судаков вышел из крестовой горницы. В своих палатах, куда хода никому, кроме Феодосии и доверенного слуги, не было, Никита первым делом снял нателный крест.

Только здесь отец Феодосии чувствовал себя в безопасности. Тайная жизнь, ведомая им долгие годы, приучила его к осторожности. Ни единым вздохом не давал он повода усомниться в своей приверженности церкви. Никиту считали столпом благочестия. Щедрый жертвователь собора Святой Софии, он славился, как кормилец сирых и убогих. Только здесь, среди трепещущих огоньков свечей, обратив взор на восток, он мог беззвучно прошептать заветные слова молитвы, к коим Никита привык с отрочества, когда родители открыли ему свет истинной веры.

Излил он Спасителю и тревогу свою о дочери, и тоску по матери ее. Более двадцати лет вдовел Никита, а в дом никого так и не взял. Из своих никого подходящего ему по возрасту не было, а на чужой жениться было опасно. Однако Никита напомнил себе, что Господь, опора и защита всего, что создано Им: «Поднимаю глаза свои к горам, – шептал он, – откуда придет мне помощь? Моя помощь от Всевышнего, Создателя неба и земли».

С утра Прасковья Воронцова сбилась с ног. Сговор и рукобитье решили устроить на Рождественке. С рассвета в поварне кипела работа. Дворовые девки пекли, стучали ножами, над усадьбой вился запах свежего хлеба и румяных пирогов.

Федор Вельяминов заслал к родственникам Феодосии сваху, старую боярыню Голицыну, однако, получив согласие от Никиты Судакова, боярыню он отрядил только в знак соблюдения обычаев. Выслушав речи свахи, Феодосия коротко кивнула, на том обряд и закончился.

На сговоре читали рядную запись, перечисление приданого, что давал Никита Судаков за дочь, долю Феодосии из владений покойного мужа, да обещания Федора, закреплявшего за ней и ее детьми, буде таковые народятся, души с землями.

Невесту на сговор привезли ее московские родственники. Сидя в горнице Прасковьи Воронцовой, посаженной матери, Феодосия дергала гребнем волосы, спутавшиеся под тяжелой кикой.

– Вот же обряд пустой, – в сердцах думала женщина, – кому какое дело до деревень, душ и рыбных ловель? Нет, чтоб повенчаться и все, дак ведь еще ждать надо. Петровки на носу, теперь только в августе свадьбу можно устроить. После сговора с Федором и повидаться нельзя, не по обычаю такое до венчания. Когда ж поговорить с ним про книги, что батюшка пришлет из Новгорода? Может, и не поговорить, а все проще сделать..., – разобрав льняные пряди, Федосья взялась плести косу.

Едва она успела надеть кик, как за ней пришли боярыня Голицына с Прасковьей.

Федор не видел невесту с их давешней встречи, в той горнице, где сидели они сейчас, разделенные гостями. Вельяминов смотрел не нее во все глаза. Лето повернуло на холод, неделю шли дожди. В неверном свете туманного дня, промеж жемчуга ожерелий, виднелась ее белая кожа, билась голубоватая жилка на стройной шее.

Михайло Воронцов, посаженный отец, монотонно читал рядную запись. Слушая и не слыша его, Федор напомнил себе, что за Петровки надо обустроить женскую часть дома. С тех пор, как схоронили Аграфену, боярин и не ступал туда. Когда—то богатые покои пришли в запустение.

Вельяминов хмыкнул:

– Да как бы это сделать—то? Привезти Федосью в усадьбу нельзя, теперь ее до самого венчания не увидеть. Но как обустраивать, ее не спросивши. У новгородских на все свое мнение имеется. Вдруг ей не понравится, как я там все обделаю? Надо у нее выведать, что ей хочется, да и приступить..., – он бросил взгляд на серебряную чернильницу с пером, кою приготовили для подписей под рядной бумагой:

– Понятно, как, – развеселился Вельяминов, – новгородка моя читать умеет, и писать тако же.

Боярыне Феодосии, свету очей моих.

Посылаю тебе, возлюбленная моя, благословение и пожелание доброго здравия. Я сам здоров, однако скучаю о тебе и жду не дождусь дня венчания.

Решил я испросить твоего совета. Пора начинать работы в женских горницах, ибо хотелось бы мне, да, думаю, и тебе, чтобы к свадьбе они были готовы. С письмом посылаю тебе план горниц, исчерченный моей рукой. Отпиши, боярыня, чем обивать стены, какие ковры тебе надобны, да куда что ставить.

Остаюсь преданный твой слуга и желаю нам скорее свидеться под брачными венцами.

Развернув искусный чертеж, Феодосия вздохнула:

– Не могу я, не могу! Как не сказать ему? Он поймет, не осудит, не выдаст меня и батюшку. Не могу я жить, скрываясь, таясь и прячась от мужа своего..., – она вертела грамотцу, не зная, как ей быть.

Никита Судаков рано привел дочь к истинной вере. Когда Феодосия заневестилась, на двор к ним зачастили свахи. Отец сказал ей:

–Выбирать, дочка, нужно из своих. Тяжко всю жизнь таиться от родного человека, если он не посвящен в тайну.

–Ты, батюшка, потому и не женился после смерти матушки..., – Феодосия прижалась головой к его плечу.

– Потому..., – кивнул Никита: «Среди своих дочерей али вдов, годных мне по возрасту, не нашлось, а чужую брать было нелегко. Довольно того, что всю жизнь хоронимся».

Феодосия отерла глаза. Ей вспомнилось заученное в отрочестве наизусть описание казни дьяка Курицына со товарищи:

–В деревянных клетках сожжены они были, на торжище, на потеху народу, и горели мученики за веру, а вокруг стоявшие плевали в них и бранили словесами черными..., И Федора ведь не пощадят, – поняла она:

–Даже если он донесет на меня и батюшку, он сам пойдет на дыбу. Ах, боярин, боярин, сказать бы тебе все, да нет слов таких, не придумали еще..., – Федосья взялась за перо.

Кланяется боярыня Феодосия нареченному своему, и посылает свое благословение. На чертеже твоём, вельми искусном, сделала я пометки, где какую расставить утварь.

Везут мне из отцовского дома и тверского имения несколько книг печатных и рукописных..., – задумчиво покусав перо, Феодосия переписала строку:

–Несколько десятков книг. Разложи их по сундукам, а те пусть стоят вдоль стен. Еще нужны сундуки для трав, что я собираю.

Стены можно обить бархатом из возов с приданым, присланных батюшкой из Новгорода. Оттуда же можно взять ковры, их там вдосталь.

Засим остаюсь верная твоя слуга
Феодосия Тучкова

Озадаченно хмыкнув, Федор почесал затылок:

– Сундуки для книг на Москве разве что у царя Ивана заведены. Впрочем, пусть будут сундуки. Коли книги везут, надо их куда—то девать...

Боярин Вельяминов учился греческой грамоте у Юрия Траханиота, прибывшего в Москву в свите Софьи Палеолог, а богословию его обучал сам Максим Грек, еще до опалы. Федор любил книги, однако за царской службой и домашними заботами не часто находилось у него время для чтения.

Пишешь ты, возлюбленная моя Феодосия, что везут тебе книги из Новгорода да из Твери. Ежели среди них есть греческие, сможем мы читать вместе, а если ты знаешь языки иные, оно и хорошо. Надеюсь, что смогу я, несмотря на годы свои, начать учить языки иноземные.

Остаюсь в ожидании скорой встречи с тобой, здрава будь и весела.

Первым делом, нареченный мой, шлю тебе пожелания здоровья и благословение свое. Есть среди моих книг и греческие, и фабулы, и философские трактаты, а еще лечебники и Псалтырь.

Если таково твое желание, боярин, то смогу я обучить тебя читать на латыни и по—немецки. В Новгороде многие на оных языках не только читают, но и говорят.

Остаюсь верная твоя слуга Феодосия.

Душа моя и тело томятся по тебе, боярыня, и не будет мне покоя до тех пор, пока не окажусь я рядом с тобой перед алтарем.

Что до учености книжной, то я ценю людей разумных, и в тебе увидел источник оного. Как сказано в притчах Соломона праведного, жену добродетельную кто найдет? Цена ее дороже жемчугов.

Счастлив я, что встретил в тебе мудрость. Да пребудет с тобой благословение Господне во веки веков, а любовь моя пребывает с тобой неизменно.

Венчали новобрачных в белокаменной церкви святого Иоанна Лествичника, на следующий день после Орехового Спаса, в жаркий полдень на исходе лета, когда Москву окутал запах яблок, меда и каленых орехов.

С утра обряжали невесту. Царица Анастасия, будучи в тягости, приказала ближним боярыням ночевать в ее покоях. Выстоять венчание ей было тяжело, но невестины приготовления царица пропустить не хотела.

На рассвете Феодосию вымыли в дворцовой бане, напарили вениками, обтерли настоями целебных трав, прополоскали косы в святой воде, привезенной накануне из Саввино—Сторожевского монастыря.

—Покажись—ка, Феодосия, — царица сощурила карие глаза: «Ох, и хороша ты, боярыня, словно лебедь белая!»

Феодосия стояла в одной нижней рубашке. Жарко покраснев, она потянула из рук Василисы Аксаковой зеленый шелковый летник с изумрудными застежками.

Евдокия Голицына, дальняя сродственница Воронцовых, расчесывала Феодосии волосы.

—Муж—то твой, — вполголоса сказала она, — хорош по всем статьям. Я Аграфене, жене его покойной, крестной матерью доводилась. Она и через двадцать лет после свадьбы каждую ночь с ним была, да и днем, случалось, своего не упускала.

Хлопотавшие рядом женщины зарумянились. Прикрывшись ладошками, боярыни тихо хихикали.

— Чего скалитесь? — шикнула на них Голицына: «Небось, девок здесь нет. Все с мужьями живете, детей рожаете, не святым же духом сие происходит».

— Ай да Евдокия Васильевна! — захлопала в ладоши Анастасия: «Истинно, как правду скажет, так скажет! Тебе бы, Федосеюшка, тоже деток мужу народить, Матвей—то совсем взрослый, он все с царем Иваном Васильевичем, а дак бы еще больше радости в дому было», — царица выставила вперед округлившийся живот.

— На все Божья воля, — потупилась Феодосия.

—На Бога надейся, да сама не плошай, — наставительно проворчала старая боярыня Евдокия, вдевая в уши невесты тяжелые серьги с индийскими смарагдами, — знаешь, как говорят, водою плывучи, что со вдовою живучи.

Боярыни во главе с самой Анастасией прыснули от смеха.

Феодосию одели в три летника, тяжелый парчовый опашень, унижали пальцы перстнями. Принесли подарки от жениха. В золотой шкатулке лежали жемчужные ожерелья, кольца с яхонтами, лапами и аметистами, в серебряной, со сканью, лакомства и сласти.

Венчались вдовец с вдовицею. Служба была простая, венцы возлагали не на головы, а на правое плечо новобрачных. Свадебный пир в московских палатах тоже прошел скромно. Гостей у Вельяминовых собралось десятка три, ближайших сродственников и друзей.

Матвей нес в церкви перед невестой образ Богоматери. За столом, устроившись напротив новоиспеченной мачехи, подросток исподтишка смотрел на ее точеное, словно у Владычицы на иконе, лицо. Она сидела рядом с мужем, опустил глаза, щипая тонкими пальцами каравай на серебряном блюде.

Федор Вельяминов не видел Феодосию больше месяца. Вдыхая ее травяной запах, боярин незаметно, под столом, рвал шелковый плат. В церкви, меняясь кольцами, он едва устоял на ногах, почувствовав мягкую податливость ее руки. Однако сейчас, на глазах у всех, нельзя было коснуться даже мизинца жены.

После последней перемены блюд посаженный отец Михайло Воронцов, поклонившись молодым, протянул им завернутого в льняное полотенце жареного лебедя.

– Не пора ли гостям дорогим ехать со двора, не пора ли молодым идти почивать?

Новобрачных с шутками и прибаутками проводили в опочивальню, усталую мехами, на пороге обсыпали конопляным семенем. По углам дрожали огоньки свечей, глаза Феодосии сверкали кошачьим блеском. Она шагнула к высокому ложу. Шепнув: «Погоди!», Федор прислушался. На дворе все стихло, последние гости разъехались.

Стянув с Феодосии жесткую шуршащую парчу, Федор оставил ее в одном шелковом летнике. Она торопливо сдернула кольца, вынула серьги, самоцветы градом застучали по доскам пола. Бабья кика тоже полетела прочь, Феодосия замотала косы платком.

Они вышли, таясь, по крутой боковой лестнице. Неприметный возок ждал во дворе. Сев на козлы, Федор помчал по узким улицам к перевозу на Москве—реке.

Тишина стояла в слободе, только изредка взлаивали собаки да скрипели уключины весел. Ниже по течению, над заливными лугами вздымались купола Новодевичьего монастыря. У крутого берега на темной воде покачивалась лодка. Ловко перебравшись на скамью, Феодосия опустила пальцы в теплую волну.

– Господи Иисусе всемогущий и всемилостивый. . . , – работая веслами, Федор, с радостью понимал, что тело его все еще сильно, – убереги жену мою от всякого зла и напасти, сохрани ее в мире и спокойствии, ибо Ты знаешь, жизнь свою я за нее отдам, каплю за каплей.

Феодосия смотрела на мужа, как в тот майский вечер у Воронцовых, когда стало ясно ей, что пойдет она за ним в счастье и печали, в горе и радости, до края земли и неба. Его волосы трепал речной ветер, губы незаметно шевелились.

Лодка уткнулась в песчаный берег. Подав жене руку, Федор замер. Помстилась она ему русалкой, наядой, о коих он читал в старинных книгах.

Над ними высился дремучий бор. У дороги, ведущей вверх от переправы, у коновязи негромко заржали кони. Почувяв человека, лошади вскинули головы. Белый иноходец под женским седлом, тайно купленный Федором в Литве и доставленный в Москву за три дня до свадьбы, потянулся мягкими губами к Феодосии. Протянув узкую ладонь, она погладила коня по холке.

– Твой, – Федор приблизил губы к ее уху: «Садись».

Феодосия птицей взлетела в седло. В юности она скакала с отцом по северным равнинам, под низким небом, ощущая на лице дыхание ветра с Варяжского моря. Здесь было все иным. Над крутым откосом реки простиралось усыпанное звездами полночное небо, со скошенных лугов веяло сладким запахом уходящего лета.

Федор осадил своего жеребца. Наклонившись к Феодосии, боярин коснулся губами ее волос. Взявшись за руки, они пустили коней шагом. Потом лошади пошли быстрой рысью, через поля на юг. Спешились на маленькой поляне, где среди камней журчал ручей. Почувствовав рядом дыхание мужа, привстав на цыпочки, Феодосия обвила его руками. Не разнимая объятий, они опустили на хранящую дневное тепло траву. Белый иноходец тихонько заржал, словно затосковав по оставшейся в родных краях подруге.

Феодосия не знала более, где верх, где низ, где твердь земная, и где пространство небес. Казалось, еще миг, и рухнет она в небытие, откуда нет возврата, где осталась темная кровь, стучащая в висках. Все, что наполняло ее жизнь, развеялось в ночном воздухе, где остались только они вдвоем. Словно только что и только для них Всевышний сотворил лес и реку, устлал землю цветами, зажег звезды в глубине небес.

– Всякое дыхание да славит Господа. . . , – успела подумать Феодосия. Потом она забыла и слова, и языки и самое себя, слившись с мужем, чтобы стать единым целым и не расставаться более никогда.

Феодосия Вельяминова обустроила свои горницы в московской усадьбе зело причудливо. В сундуках лежали книги, на стене висели диковинные часы с боем немецкой работы, в особых ларцах вдоль стены хранились сушеные травы и готовые лекарские снадобья.

За высокой конторкой она растирала травы, а иной раз составляла рецепты, покусывая в задумчивости гусиное перо. В травнике, саморучно ею переплетенном, бисерным почерком она записывала лечебные сборы от лихоманки, от почечуя, от грудницы.

Здесь же стояла подаренная Федором шахматная доска с фигурами из рыбьего зуба и янтаря. Оба супруга разумели в мудреной игре.

Пахло в горнице приятно, то ли лесом, то ли солнечным лугом.

– Хорошо у тебя, матушка, – Прасковья Воронцова опустила в бархатное кресло, – и тепло как, словно в раю. Книг сколько, будто в либерее у государя Ивана Васильевича!

Побывать в либерее, знаменитой царской библиотеке, начало которой положила еще Софья Палеолог, было давней мечтой Феодосии. В палатах царя якобы хранились рукописи из разрушенной Александрийской библиотеки и старинные карты времен Чингисхана.

– Скажешь тоже, – хозяйка расставляла на столе взвары и заедки, пряники, огурцы и тыквы, вареные в меду, дорогую диковину, колотый сахар: «У государя от книг, говорят, сундуки ломаются, а у меня хорошо, если наберется десятка три».

Укравкой приглядываясь к Феодосии, Прасковья отмечала в ней перемены. У боярыни впали щеки, под ясными серыми глазами, залегли тени. Иной раз Феодосия замирала на миг, словно прислушиваясь к себе. Сладкого она не ела, велев подать себе ржаного хлеба с солью.

– Зубы ноют, а от сластей еще больше, – беспечно отмахнулась она от расспросов

–Понесла, должно..., – догадалась Прасковья. Боярыня укравкой осенила Федосью крестным знамением:

–Господи, оборони от беды, первого ребеночка в такие года рожать. Петя у меня третий был..., – подумала Прасковья, – и то мы оба чуть не померли..., – она поежилась, вспомнив страшные два дня. Младенец был крупный, шел спинкой. Как ни старалась повитуха, а ручку дитяти она сломала. Сама Прасковья после родов месяц не вставала.

Садясь в возок, Прасковья быстро притянула к себе Вельяминову: «Матушке—заступнице, пресвятой Богородице молись, Федосеюшка...». Подруга коснулась прохладными губами щеки Прасковьи.

– Зубы, как же, – Воронцова откинулась на подушки, – ни у кого на Москве таких жемчужных зубов нет, чему там болеть—то! Хороша Федосья, хоть и ученая, а в дому ловкая и травница справная!

Перебирая атласные мешочки со снадобьями, что дала ей Феодосия, – Пете от кашля, мужу Михаилу от болей в давно раненой ноге, Маше, что недавно заневестилась, по женской части, – Прасковья незаметно задремала под ровный ход возка.

Феодосия постояла во дворе усадьбы, кутаясь в соболью шубку, дрожа под ноябрьским, пронзительным ветерком. Боярыня взглянула в сумрачное небо:

–Прасковью не обманешь. Она троих родила, глаз у нее наметанный.

По расчетам выходило, что пошел третий месяц, как Федосья понесла. Побаливала слегка набухшая грудь, по утрам ее мутило, особенно когда из поварни доносился съестной дух.

Федор пока ничего не приметил. Феодосия так же скакала на белом иноходце, когда выбирались они одни на прогулку в подмосковной, бедра ее оставались узкими, а походка легкой.

– Сказать бы надо, – Феодосия взбежала по лестнице в горницы, – Матвея сегодня не ждем, у царя он, вот и скажу.

За три месяца замужней жизни она виделась с пасынком едва несколько раз. Матвею отвели отдельные горницы со своим входом. Юношей он рос приветливым, но иногда взгляд

его казался совсем не отроческим. Холодно смотрел Матвей, словно размышляя, что за человек перед ним и чем он может быть полезен

– Ежели мальчик родится..., – вздохнула боярыня, – Матвей еще испугается, что отец его обделит ради второго наследника, упаси Господи.

К приезду мужа Феодосия всегда переменяла одежду. Если ужинали они вдвоем, боярыня снимала кiku, надевая расшитый серебром лазоревый опашень. Она закручивала светлые косы тяжелым узлом на затылке. На шее переливалось мужнино подаренье, драгоценное ожерелье из алмазов и индийских яхонтов.

Каждый раз, ловя взгляд мужа, она смущалась. Покойный Василий смотрел на жену светло и ласково, но никогда ее кровь не бурлила, как под жаркими глазами Федора. После восьми лет супружества думала Федосья, что знает все о случаемся между мужчиной и женщиной на брачном ложе, но на поверку оказалось, что это далеко не так. Каждый раз она с радостью покорялась мужниной воле, позволяя уводить себя дальше, по дорогам, ей ранее неведомым.

Федор Вельяминов подхлестывал коня. За три месяца он вспомнил давно позабытое тепло домашнего очага, красивую жену, каждый раз встречавшую его улыбкой. Федосья смотрела на него так, что сразу хотелось отнести ее на ложе и остаться там с ней навсегда.

С покойницей Аграфеной было иначе. В последние годы Федор испытывал к рано составившейся, болезненной жене жалость, а не желание. Даже соединявшее мужчину и женщину в супружестве, превратилось для него в источник тревоги, а не наслаждения. Зная, что не живут у них дети, Федор всякий раз боялся, что обрекает жену на горе и невзгоды.

После ужина он пересел в большое кресло. Феодосия, как было у них заведено, принесла из своих горниц книгу, ловко устроилась у него на коленях. Она читала фабулы Эзопа. Федор упивался ее голосом, бойко выводившим греческие слова.

Закончив басню про льва и лису, жена смешливо взглянула на него:

– Так и я, Федор Васильевич, смотрела на тебя вначале, не смея заговорить.

– Однако ж привыкла? – взявшись за ее косы, он распускал льняные пряди.

– Привыкла—то привыкла, – рассмеялась Феодосия, – а все одно, остерегаюсь, ино кто я перед львом?

– Львица, – пробормотал Федор, целуя ее в шею, расстегивая опашень. Федосья прильнула губами к его уху: «Разве ж стала бы я львицей, ежели не лев, что рядом со мной?»

Каждый вечер Федор хотел сломать лестницу, что вела в опочивальню, такой долгой казалась ему дорога наверх.

Обнаженное тело жены напоминало Федору изваяния языческих богинь, виденные им на рисунках в рукописях, по которым учился боярин. Он поцеловал сомкнутые, затрепетавшие под его губами веки.

Феодосия истомлено пробормотала: «И кто из нас более молод? Каждый раз думаю, что ты, а не я».

Он провел пальцами по нежной щеке.

– Молодого вина выпьешь, и скоро протрезвеешь, а старое пьянит надолго.

– Выбрала я напиток по душе и не изменю ему до конца дней своих..., – Феодосия закинула руки ему на шею.

Целуя ее полуоткрытые губы, Федор не сразу разобрал, что пробормотала жена, уткнув лицо ему в плечо.

– Что? – вскинулся он..., – что ты сказала?

– Дитя у нас будет, Федор. Третий месяц как понесла я..., – Феодосия села, обхватив колени руками.

Он испугался, вспомнив, как это бывало у Аграфены, подумав о ее боли, о муках, о крови умиравших в ее чреве младенцев.

– Потому и не говорила тебе, что хотела наверняка знать.

– Иди ко мне..., – попросил Федор. Жена скользнула в его объятия, он зарылся лицом в душистые волосы.

– Не бойся..., – Феодосия ощутила телом и душой и страх его, и надежду: «Не бойся, милый. Доношу я нам здоровое дитя до срока».

Федор бережно провел рукой по ее груди, по еще плоскому животу.

– Господь да благословит дитя наше, ибо зачато оно в любви и в ней рождено будет.

Феодосия прильнула к нему:

–Иди ко мне, милый, ибо нет мне иного счастья, кроме как когда ты желаешь меня.

Она задремала. Федор почти всю долгую осеннюю ночь провел без сна, сомкнув руки там, где таилось его, еще не рожденное, дитя.

Святки Вельяминовы провели в московской усадьбе. Феодосия носила легко, но Федор не захотел ехать в подмосковную на праздники:

– Береженого Бог бережет. Не потому я против, что не хочу, чтоб ты радовалась. Но сама знаешь, зима в этом году поздняя, дороги еще не укатанные, лед..., – он осекся. Совсем некстати было упоминать о гибели ее первого мужа: «Дорога туда длинная, а ну как что случится, – вздохнул Федор, – успеется еще, погоди немного».

Феодосия не стала спорить. О прогулках верхом или катании на санях с горки ей тоже можно было забыть.

Федор каждый вечер приезжал домой пораньше. Негоже было боярыне в тягости разгуливать одной. Кучер, по приказанию Федора, пускал коней шагом. Опосля короткой езды, они с Федосьей возвращались в усадьбу.

Как—то за воскресным обедом Феодосия не выдержала:

–Нешто я, Федор, сахарная и растаю, или из глины и могу ненароком разбиться? Здоровье у меня хорошее, дитя растет, как ему положено. Что ты меня в четырех стенах запер? Даже к сестре своей Прасковье не отпускаешь.

Федор ни слова не сказал, лишь желваки заходили на скулах. Отодвинув блюдо, муж вышел прочь из горницы, хлопнув дверью так, что задрожали косяки.

Феодосия подперла рукой щеку:

–Ровно бешеный. Как сказала я, что понесла, так его словно подменили. Носится со мной, будто я сосуд драгоценный, разве только на полку не ставит.

За спиной раздались шаги.

–Прости, милая моя..., – сев рядом, Федор привлек ее к себе:

–Прости, что обидел тебя, не повторится более такое. Не хотел я тебе говорить, да, видно, придется. Ты носишь дитя наше, дай Бог, не последнее, но для тебя оно первое. Не хоронила ты, упаси Боже, младенцев, не видела, как страдает кровь и плоть твоя, и страдает—то как, словечка сказать не может..., – голос мужа прервался. Феодосия не смела поднять на него глаза.

–Берешь его, крошечного, беспомощного на руки, слышишь, как вздыхает он в последний раз, а сердечко бьется все реже. Видишь его слезки и просишь, Господи, меня лучше возьми! Какой родитель за свое дитя не пострадает, боль не потерпит? Зачем Ты, Господи, младенца невинного мучаешь? Потом гробик делают крохотный, будто кукла в нем лежит, курят ладаном, поют, а ты стоишь и, стыдно сказать, проклинаешь Бога, а потом все заново..., – он отвернул голову: «И так восемь раз, восемь раз провожал я гробы детей своих».

Глаза его будто остекленели, но ни единой слезы не пролилось из них. Федор только скрежетнул зубами, да сжал кулаки так, что побелели костяшки.

– Федя, родной, прости меня..., – Федосья гладила его по плечу.

— Потому и берегу я тебя сейчас, Федосеюшка..., — он поцеловал теплую ладонь жены, — кроме тебя и дитяти нашего нет у меня никого. Старшие сыны, отрезанный ломоть, а вы со мной до конца дней будете. Немного тех дней осталось..., — Федор мягко приложил палец к ее губам, не давая ей себя перебить, — и хочу я, чтобы провела ты их в радости, прославляя Всевышнего, а не проклиная Его.

— Не знала я, что можно так любить, как я тебя люблю..., — Феодосия застыла на мгновение, — с Васей покойным по—иному было. Ты мне будто глаза раскрыл, Федор. Просыпаюсь я и радуюсь, что ты рядом, днем тоже вспоминаю тебя. Все ли ладно у боярина, здоров ли он, какие у него дела и заботы? Вечером вижу тебя, и сердце мое спокойно. А ночью... — Феодосия залилась краской.

— Продолжай, сказавши слово, скажи и второе..., — Федор поймал себя на улыбке.

— Ночью понимаю, что милостив Господь ко мне, раз удостоил меня любви такой муж.

Взяв ее за подбородок, Федор взгляделся в серые, прозрачные глаза.

— Думаешь, Федосья, что Он свои милости только по ночам оказывает? Господь, как сказано в псалмах Давидовых, не спит и не дремлет. Бывает, и днем Он удостоит людей Своего присутствия.

Феодосия пуще заалела.

— Скромница мне досталась, — поддразнил ее Федор. Руки его ловко проникли туда, куда ходу им доселе было только ночью:

— Скромница, добродетельная, разумная. Да ты ли это вчера... — Феодосия, не выдержав, закрыла ему рот поцелуем. Легко подхватив ее на руки, Федор понес жену наверх. Наложив засов на дверь, он прижал Феодосию к себе: «Давно хотел я тебя на свету рассмотреть».

Матвей Вельяминов и Степан Воронцов с вечера уехали на охоту по свежавыпавшему снегу. На исходе дня собрались они с другими отроками ходить ряжеными. Марьюшка Воронцова сидела с подругами на Рождественке. Девицы гадали под присмотром боярыни Голицыной. Получилось, что Воронцовы, оставив на попечение мамок младшего сына, которому скоро исполнялось три года, одни, словно молодожены, приехали к Вельяминовым к гости.

После ужина женщины удалились на свою половину. Сбросив сафьяновые сапожки, Федосья забралась с ногами в кресло.

— Уставать я стала, Параша, к вечеру.

— Дак ты не девчонка, — улынулась гостья:

— Я, когда близнецов носила, чуть поболее пятнадцати годков была. Не поверишь, с Михайлой на охоту ездила, речку переплывала за две недели до родов. С Петей же больше лежала, не было сил двинуться, годы—то не те.

— Да и Федор еще, — Феодосия вздохнула, — носится со мной, ино я больная. Я и говорила, и толковала, что с дитем все в порядке, однако ж он ни в какую. Сижу здесь, аки в тюрьме.

Прасковья повела бровью.

— Ты его строго не суди, у него в мыслях Аграфена—покойница. Она, не про нас будь сказано, то ли порченная была, то ли еще что, но не жили у нее младенцы. Восемь раз они хоронили, и это только те, кого она живыми рожала, а мертвых и выкинутых было не счесть. Неспроста Федор боится, дело—то нешуточное. Не в укор, Федосея, говорю, но ты еще молода, а Федору шестой десяток скоро пойдет. Читала ты от Писания, про царя Давида и девицу Ависагу—сунамиянку? Так и ты утешение на старости лет мужу своему. Ты с ним не спорь, норов свой новгородский придержи.

— Всем бы такой шестой десяток, — вспомнила Феодосия. Щеки ее покрыл румянец.

Прасковья усмехнулась.

— Дай Бог вам радости и веселия на долгие годы.

Внизу, в крестовой палате Михайла Воронцов держал разговор с Федором:

– Что ты, Федор Васильевич, про женитьбу Матвееву думаешь?

– Помилуй, Михайло, шестнадцатый год парню пошел. Отцов наших и тех в такие юные лета не женили. Пусть погуляет, торопиться некуда. Он при государе состоит, кто знает, как Иван Васильевич на это посмотрит.

– Я к тому веду, что Марья наша в сторону твоего сына давно поглядывает. Девка она нравная, кроме Матвея, никто пока ей по душе не пришелся. Ей пятнадцать исполнилось, свахи зачали ездить..., – Михайло вздохнул: «Мы бы и не против отдать ее за Матвея, все же сродственник».

– Что ж вы ее под венец гоните, – удивился Федор, – пускай еще под родительским крылом побудет.

– Мы не гоним, однако сам знаешь, как кровь юная бродит. Степан пошел в Прасковью, тих да разумен, а на Марью, как посмотрю, вижу мать свою покойницу. Та волошских кровей была, как что не по ней, сразу в крик. Вот и Марья наша такая же.

– Буде Господь даст, дак повенчаем, – рассудил Вельяминов:

– Не этим годом, так следующим. Федосье в начале лета срок настанет, ежели все хорошо пойдет. Этим годом хлопот будет много, но главное, чтоб дитя здоровое народилось. Сказать тебе честно, свояк, не чаял я, что так обернется. Сколько она лет с мужем—покойником прожила, и деток не народилось, да и я не юноша годами, а Господь решил меня порадовать..., – Федор помолчал:

– Правду говорят, на костях мясо слаще, а под старость жена милее.

В усадьбе Воронцовых на Рождественке гадали девицы. Выйти на улицу они не могли, зазорно такое было боярским дочерям, однако во дворе, обнесенном высоким частоколом и воротами с тяжелыми засовами, можно было услышать собачий лай. Звонкий к жениху молодому, глухой ко вдовцу или старику. Снявши с левой ноги башмаки, девицы бросали оные через колодец. В какую сторону башмак носком уляжется, оттуда и ждать суженого.

Как ни бросала Марья башмачок, все не укладывался он носком в ту сторону, откель ей хотелось.

Видно, Марьюшка, не ждать тебе жениха с Воздвиженки, – подсмеивались подружки.

Марья встряхнула черными косами.

– Откель ждать, только мне известно, – отрезала она: «Вы не болтали б попусту, а шли в терем. Родители вернутся, не похвалят, что мы во дворе торчим, словно ждем, вдруг кто через забор перевесится».

– Да знаем мы про женишка—то, – рассмеялась рыжеволосая Анна Захарьина, прихоронившаяся родней царице Анастасии: «Вся Москва болтает, Марьюшка, будто нравная ты, да отказливая, а все из—за молодца некоего, что на тебя и смотреть не желает».

– Пустое говорят, а вы и слушать горазды..., – Марья вздернула изящный нос: «Пойдемте—ка лучше в горницы воск топить, ино холодно здесь стоять».

После сиротского декабря начало января на Москве выдалось студеное. Возок Воронцовых еле продвигался в наметенных на улице сугробах.

– Ох, Прасковья, зачем подбила ты меня на разговор..., – недовольно пробурчал Михайло Воронцов..., – вышло так, словно я у Федора жениха выпрашиваю.

– Дак на девку смотреть больно, лица на ней нет, по утрам подушку хоть выжимай. И что Федор? – взглянула на него жена.

Михайло досадливо отвернулся.

– Сказал, мол, чего венцом торопиться? Матвей с Марьей дети еще, пушай порезвятся, на то и юность, чтобы гулять.

– Федору хорошо, – вздохнула Прасковья, – дочерей нет пока у него. Родит ему Федосья дочку, он и поймет, что такое девица заневестившаяся. Не зря говорят, девичий умок легкий, что ледок.

– Ты за девкой—то приглядывай... – велел Михайло жене, – со двора Марья не сбежит, но вдруг она удумает грамотцы Матвею слать. Люди узнают, ославят на всю Москву.

– Ох, – отозвалась Прасковья, – с чего ей Матвей в голову запал, не пойму. Правда, на лицо он пригож, но ведь зелен еще, как тот виноград. Выдать бы ее замуж за кого достойного, не последние ведь люди сватаются.

– Подождем, даст Бог, забудет она про Матвея, – утешил Михайло жену.

Потопив воск, вдоволь посмеявшись над диковинными его очертаниями в чаше с водой, девицы новое гадание затеяли. Взяли доску, по краям положили кусочек каравая, глину печную, уголек и кольцо. Доску прикрыли платом. Взявшись за углы, девицы трясли ее, напевая:

– Уж я жировку хороню ко святому вечеру, к святому васильевскому. Жировка маленька, окошка велики, косящатые, решещатые, не могла блоха скочить, коза скочила, рога увезила, хвост заломила. Вы берите свой уголок!

Приподняли плат, Марья разжала пальцы. На ладони лежал черный осколок угля. Девушка отбросила его, не обращая внимание на перешептывание подруг.

– К смерти это, Марьюшка..., – Анна Захарына проворно наступила каблуком башмачка на уголь, только крошки разлетелись по полу.

– Все в руке Божьей..., – хмыкнула боярышня Воронцова.

Когда Прасковья Воронцова вошла в светелку, все уже было прибрано. Девицы чинно сидели на лавках вокруг стола, углубившись в вышивание.

– Что ж ты, Марьюшка, подружек не угощаешь..., – захолопотала мать: «Орехов, али пряников не хотите, девицы? Сейчас ряженные придут, с ними и не погощуешь как следует».

– Ряженные? – встрепелась девушка. Толкнув локтем соседку, Анна Захарына зашептала: «Глянь, как раскраснелась—то Марья. Видно, недаром слухи ходят».

Из—за ворот усадьбы послышалась залихватская песня:

Прикажи, сударь—хозяин, ко двору придти,

Прикажит—ко ты, хозяин, коляду просказать,

Виноградье красное, зеленое!

А мы ходим, мы ходим по Кремлю городу,

Уж ищем мы, ищем господинова двора.

Проворно накинув шубки, повязав головы платками, девушки порскнули на двор. Ворота с усилием открылись. Толпа ряженных, в масках, вывернутых наизнанку тулупах, с раскрашенными лицами, с коровьими рогами на голове, хлынула в усадьбу:

А среди того двора, что три терема стоят,

А среди того двора, что три терема стоят.

Что в первом терему красно солнце,

Красно солнце, то хозяин в дому.

Что в другом терему светел месяц,

Светел месяц, то хозяйка в дому.

Выйдя на крыльцо, поклонившись ряженным, Воронцовы протянули на серебряном блюде гостинцы, орехи, сахар и пряники. Вынесли дымящиеся на морозе чаши свежезаваренного сбитня.

– Скажи—ка, хозяин, – раздался звонкий голос из—под маски с коровьими рогами: «Девицы—то гадали сегодня у тебя на дому?»

– Как не гадать в Святки—то, – усмехнулся Михайло, – гадали, конечно.

– Пойте, ряженные, подблюдную песню..., – приказало существо..., – пущай девицы послушают. Может, коей и по сердцу придется!

Хлебу да соли долог век.

Слава!

Боярышне Марье боле того.

Кому мы спели, тому добро.

Вертясь и подпрыгивая на морозе, ряженные повалили за ворота. Девицы поспешили вернуться в дом. На дворе осталась одна Марья. Сполз платок с ее черных кос, снежинки серебрились на локонах ранней проседью. Девушка смотрела вслед удаляющимся по Рождественке ряженным, пытаясь найти среди них коровьи рога.

Холодные ладони закрыли ей глаза. Вывернувшись из сильных рук, Марья увидела ореховые очи в темных, длинных ресницах.

– Не пужайся, боярышня, – шепнуло существо с коровьими рогами. Горячие губы на миг прижались к ее губам.

– Матвей! – ахнула она, но юноша мигом исчез за воротами.

Эпилог

Москва, июнь 1550

Шатры для соколиной охоты раскинули под Звенигородом.

Царь, у которого народилось уже две дочери, ездил на богомолье в Саввино—Сторожевский монастырь, просить Всевышнего о сыне.

Ветер полоскал стяги над крутым берегом реки. Иван Васильевич, больше любил охоту зимнюю, особенно травлю медведей, но всегда любовался полетом хищных птиц в ясном небе.

Царское кресло стояло у выхода из шатра. Рядом набросали шкуры и бархатные подушки для ближних бояр.

– Батюшка—то твой, Матвей, охотник знатный, – уважительно сказал Иван Васильевич.

Федор Вельяминов напускал ловчего сокола. Птица поднялась в поднебесье великим верхом, превратившись в едва заметную точку. Кувыркнувшись, сокол полетел наперерез цапле.

– А ты сам чего не на коне? – усмехнулся царь: «Пойди, кровь разгони—то».

– Я б лучше зимой, на медведя, – отозвался младший Вельяминов—младший: «Здесь и добычу не сам берешь, и крови вовсе не видно»

– Крови, – протянул Иван Васильевич: «Ишь ты какой, Матюша, крови возжаждал. Не рановато ли?»

– В двенадцать лет, государь, я первый раз на медведя пошел, с батюшкой. Приобвык я больше к той охоте. Батюшке же любая охота по нраву..., – Матвей следил за несущимся вниз соколом.

– Однако ж смотри, – Иван приложил ладонь к глазам:

– Третью цаплю его сокол сбивает. Ладно, съездим, как снег встанет, потравим медведей. Чего не сделаешь ради любимца..., – ласково потрепав густые кудри Матвея, царь добавил:

– Дивлюсь я, как твой отец на охоту выехал, жену молодую одну оставив? Говорила мне царица, что непраздна мачеха твоя. Правда ли то?

Подросток неохотно кивнул.

– С осени еще.

– Ох и молодец боярин Федор..., – усмехнулся царь, – он везде поспевает. Вроде в годах, а жену—молодку обрюхатил, небось и не в последний раз.

– На все воля Божья, – буркнул Матвей.

– Ты взревновал, что ли? – удивился царь:

– Дурак ты, Матюша. Ты Головин по матери—покойнице, богатства в вашем роду не считано. Не обделит тебя батюшка, я за этим присмотрю..., – успокоил его Иван Васильевич.

Спешившись, держа сокола на рукавице, Федор подошел к креслу Ивана Васильевича, поклонившись земным поклоном.

– Сколько набили—то, боярин?

– Цапель штук с двадцать, да куропаток и другой мелочи без счета.

– Значит, и потрапезуем славно, – рассмеялся царь, – монашеская братия хоть и вкусно ест, да постно. Три дня на горохе да рыбе провели, хватит нам яств иноческих!

– Поднеси—ка сокола, Федор, – приказал Иван Васильевич. Птицу, державшуюся за ловчую рукавицу боярина, крепко привязали за ноги ременным должиком, продетым в суконные опутенки. Голову покрывал бархатный клобучок, изукрашенный золотым шитьем и драгоценными камнями.

Быстрым движением сняв клобучок, Иван погладил сокола по шее. Тот замер, раскинув крылья, отвернув голову. Иван Васильевич и сам напомнил Федору хищную птицу, четким очерком профиля, горбатым носом, жесткими, немигающими глазами.

– Хорош у тебя сокол, Федор..., – похвалил царь: «Долго ль учил его?».

– Да больше года, государь. Кречетов, что мне тесть на свадьбу в подарок прислал, с моря Белого, тех еще учу. Как готовы будут, вам их преподнесу в дар. Сегодня уж выпускали их на куропаток.

– Спасибо, боярин, уважил..., – кивнул Иван: «Я тебя тако же уважить хочу за сегодняшнюю охоту. Правду ль говорят, что боярыня твоя в тягости?»

– Божией милостью..., – Федор поймал себя на улыбке.

– Кроме Господа всемогущего, думаю, там кто—то еще постарался, а, Федор Васильевич..., – государь весело подмигнул Вельяминову: «Когда срок—то ей?»

– Вскорости ожидаем, через недели две али три..., – Федор передал сокола ближнему ловчему.

– Как опростается Федосья, зови на крестины. Крестным у тебя буду..., – пообещал царь.

Вельяминов опустился на колени. Честь великая для боярина, всем завидная, коли сам государь в крестные отцы к нему идет.

На ужине, когда стольники внесли блюда с жареными цаплями, Матвей Вельяминов придвинулся ближе к Степану Воронцову.

– Как царь почивать уйдет, скажи в рощу, Степа, разговор у меня до тебя есть.

– Дак здесь бы и поговорили, – недоуменно сказал Степан, – чего ради коням копыта бить?

– В тайности разговор—то, а вокруг ушей чужих много. Тихо, царь на нас смотрит..., – оба отрока принялись за еду.

В полночь, забрав у коновязи своего гнедого, Матвей пустил коня рысью в рощу. Под обрывом серебрилась река, ухал филин, легкие облака набегали на полную луну. Пахло росой и цветущей степью. С юга, где лежало Дикое Поле, тянуло теплым ветерком.

Жеребец Матвея едва слышно заржал, почуяв другую лошадь.

– Что у тебя? – перегнулся в седле Степа Воронцов.

– Погоди, спешимся, – Матвей легко соскочил на землю.

Были они ровесники, но Степан рядом с невысоким Матвеем казался взрослым мужиком.

– Грамотцу Марье передашь? – Матвей взглянул в лазоревые глаза Степана, в лунном свете отливающие серебром.

– Ты никак разума лишился..., – в сердцах отозвался Воронцов, – неужто за таким ты меня потащил ночью за три версты?

– Рассуди сам, куда про грамотцы говорить, когда отцы наши напротив сидят..., – вздохнул Матвей, – ино услышат они, дак с меня три шкуры спустят! Не дай Бог еще прознают

что! Тогда Марью быстро взамуж спихнут в Пустозерск какой—нибудь, али куколем голову покроют! Ты этого для сестры единственной хочешь?

—Хоть бы и десять шкур, мне что за печаль..., — Степан нахмурился: «Смотри, Матвей, ежели ты Марье обиду какую причинишь, не жить тебе. Не посмотрю я, что царь тебя привечает».

—Если б дело за мной было, я бы хоть сейчас сватов заслал..., — Матвей приложил руку к сердцу: «Но куда мне, еще шестнадцати не исполнилось. Ты тоже из родительских рук смотришь, не будь так крутенок, Степан Михайлович».

— Дак мне и сватов засылать не к кому..., — Степан пожал могучими плечами.

— Нашел чем похвалиться, — хмыкнул Матвей: «Тоже мне схимник выискался. Не пришла тебе девка по сердцу, дак то дело твое. Мне, Степан, без Марьи не жить, но годов нам мало, и при царе я еще побыть должен. Так я б хоша завтра под венец ее повел».

— Что в грамотце—то? — угрюмо спросил Степан: «Смотри, ежели ты сестру мою на что срамное подбиваешь, тебе не только с твоим, но и с моим отцом иметь дело придется».

—Ты меня не пужай..., — отмахнулся Матвей: «Марью на дурное мне склонять не к чему. Для сего веселые девки есть на Москве».

Степан, покраснев, отвел глаза.

— Ты не скоромился еще? — хохотнул Матвей: «Айда с нами, как в Москву вернемся. Или ты решил девство до брачных венцов хранить?»

— Кончай языком попусту трепать, — огрызнулся Воронцов: «Чем только ты нашей Марье приглянулся, в толк не возьму».

—Тем и приглянулся, что язык у меня хорошо подвешен, — рассмеялся Матвей: «Девки это, Степа, ох как любят. Ну что, передашь, грамотцу—то?»

— Давай.

Засунув грамоту в переметную суму, Степан поскакал обратно к шатрам. Матвей долго смотрел ему вслед.

Прасковья Воронцова сидела в крестовой горнице с дочерью. Степан второй день был в отлучке с отцом. После охоты, едва побыв дома, они уехали в подмосковные вотчины. Уложив Петю, боярыня решила, что хорошо бы поговорить с Марьюшкой:

—Прошлым Покровом девка заневестилась..., — Прасковья разбирала одежды младшего сына, — свахи на двор зачастили, а она и слушать ничего не хочет. Не пошла бы дурная слава по Москве..., — женщина откашлялась:

—Боярыня Голицына приезжала..., — Прасковья искоса взглянула на дочь, склонившуюся над вышиванием: «Сватается к тебе наместник смоленский, боярин Иван Андреевич Куракин. Семья богатая, царь их привечает».

— Не гонюсь я за золотом, — отозвалась девушка.

Присев на лавку, Прасковья, было, обняла дочь. Недовольно дернув плечом, Марья отодвинулась. Воронцова вздохнула:

—Сватались к тебе и молодые, и постарше, и побогаче, и победней, всем был отказ, ровно длинный шест. Смотри, дочка, такой переборчивой быть не гоже. Пробросаясь женихами, и никто боле не возьмет. Кому жена нравная нужна?

— Не сыщется по душе, дак иночество приму, — буркнула девушка.

— Смотри, какая инокия выискалась..., — ехидно ответила ей мать: «Как что не по ней, сразу ангельским чином грозит. Думаешь, в монастырь только за глаза твои красивые, лазоревые возьмут? Матушки сначала смотрят, побрякивает у послушницы в ларце—то, али нет».

— Батюшка не обделит, — с вызовом сказала Марья.

– Ты к батюшке в кису—то не заглядывай, захочет, дак уделит тебе что, не захочет, в одной рубашке в монастырь пойдешь. Ты белоручка, Марья, боярская дочь. Не для черной работы тебя растили, не для горшков и ухватов.

– Ты меня не пужай, – отложив пяльцы, Марья дерзко посмотрела на мать, – надо будет, и за ухват возьмусь.

– Дура ты, и дурь эту выбить некому, – в сердцах отозвалась Прасковья:

– Чего ты нос—то воротишь? Не кривые, не косые, не убогие какие сватаются. Смотри, досидишься в девках, дак за вдовца старика только и возьмут, задницы его чадам подтирать.

– Федосья Никитична вышла за вдовца в летах, однако вижу я, что с Федор Василичем лучше ей живется, чем с молодым.

– Молоко у тебя на губах не обсохло о таком судить..., – пробормотала Прасковья: «Видит она. Ох и глаз у девки, ничего не скроется!».

– Дак оно понятно, маменька. Федосья Никитична непраздна сейчас. Ежели посчитать, дак получается, как они повенчались, так она и понесла, – без тени смущения возразила Марья.

– Она еще и считает, бесстыдница, – задохнулась Прасковья: «Ты Федосью Никитичну с собой не ровняй, вдова она была, не девка».

– Может, мне и повенчаться с кем, подождать, когда он преставится, да и выйти замуж за нареченного своего? – хмыкнула Марья.

– Чушь городишь, – Прасковья сердито прижала кончики пальцев к вискам, – ино голова разболелась с тобой говорить. И что это за нареченный у тебя возьмется? С неба он свалится, али королевич заморский на Рождественку на белом коне пожалует?

– Не с неба, и не на белом, а на гнедом и с Воздвиженки, – спокойно ответила дочь.

– Совсем сдурела? – Прасковья осела на лавку: «Сколько раз говорено было, не для тебя Матвей Вельяминов!»

– Не для меня? – Марья прищурилась: «А ежели я скажу, что кольцо и ленту из косы спосылала ему? Обещались мы друг другу, нравится вам это с батюшкой, али нет!»

– Что? – обомлела мать: «Срамница ты, Марья, как у тебя язык повернулся семью позорить!»

– Что здесь позорного, – изумилась дочь: «Девство я храню, ровно сейчас из купели крестильной, а что обещались мы друг другу с Матвеем, то дело наше. Ты, матушка, говорила, что родители твои тебя венцом не неволили. Мол, кто по сердцу придется, за того и выходи. Что плохого в том, что мне Матвей по сердцу, а я ему?»

– Отец твой ко мне путем посватался, как положено, не в обход воли родительской! – Прасковья разгневанно поднялась: «Сейчас он вернется, и тебе задаст. Так задаст, что забудешь, Марья, как зовут тебя! Сговор твой тоже вылетит из головы, с остальной дурью, что там есть. В Смоленск взауж поедешь!».

– Не поеду! – девушка вытянулась в струнку: «В омут головой нырну, в инокини пойду, а ни за кого, окромя Матвея, вы меня не выдадите!»

– Поедешь!

– Не поеду!

– Кто куда не поедет? – на пороге горницы стоял Михайла Воронцов. Боярин недоуменно переводил взгляд с жены на дочь, что застыли друг напротив друга, ровно кошки перед дракой.

Семейный совет решили собрать на Воздвиженке, у Вельяминовых. Марью оставили дома, под присмотром Степана и строгим наказом, на двор ни ногой.

– Может, спосылать за Федосьей—то? – спросила Прасковья.

Федор помотал головой.

– В Москву ее тащить не след, еще рожать в дороге вздумает. Пусть сидит, где сидела, дитя бережет.

Прасковья вздохнула: «Без Феодосии крику здесь будет, не оберешься».

Федор Вельяминов смерил взглядом стоящего посреди крестовой палаты Матвея. Сын виноватым не выглядел, напротив, юноша вид имел дерзкий и заносчивый.

– Ум—то у тебя есть в голове, Матвей, иль лишился ты его? – устало спросил Федор: «Так девку ославить! Ей теперь взамуж ни за кого достойного не выйти».

– Дак, батюшка, для того и сговаривались мы, чтоб повенчаться...

– Сговаривались они! – Федор стукнул кулаком по столу, звякнула посуда: «Зелены вы еще, чтоб сговариваться без родительского благословения».

– Так дайте нам его, а с венчанием мы погодим, – откинул голову Матвей.

– Про Ивана Васильевича ты подумал? – Федор исподлобья взглянул на сына: «Как он посмотрит на свадьбу твою?»

– Но ты сам, батюшка, ближний боярин у царя, однако женат и потомства ожидаешь.

– Мне шестой десяток пошел, забыл? – подвинув к себе кувшин с квасом, Федор жадно отпил.

– Дак и я чем толкую, а вы меня не слушаете! – насутился Матвей: «С венчанием можно не торопиться. Войдем в возраст и повенчаемся».

– Три года, – отрубил молчавший доселе Михайла Воронцов.

– Что три года? – удивился Матвей.

– Три года ждать будете? – поинтересовался батюшка Марьи.

– Долгонько как—то, – недовольно протянул юноша.

– Ты, Матвей, совсем стыд потерял, – вскипел Федор: «Пьешь и шляешься невесть где, с девками срамными водишься, еще и девицу чистую вздумал опозорить!»

– Вот те крест, батюшка..., – Матвей посмотрел отцу в глаза, – не трогал я Марью даже пальцем единым. И ежели придется венчания ждать, дак мы тоже друг друга не тронем.

– Ежели? – Михайло Воронцов размашистым шагом подошел к окну:

– Не ежели, а придется, Матвей. Ты посмотри на себя, взором пристальным. Какой отец за тебя дочь отдаст? Весь в перстнях, аки баба, волосы завитые, каблуки с вершок. Ты прости меня, Федор Васильевич, за такие слова, но молчать мне невмоготу, – Михайло тяжело вздохнул:

– Тебе, Матвей, шестнадцати годов не исполнилось, ты как есть дитя еще. Марья девка хоть и видная, но разума у нее в голове тоже нет, ветер один. Что хорошего детей венчать? Чай, не война сейчас, не мор на Москве. Да и какой ты муж, Матвей? Ты ровно баба, прости Господи, а не боярский сын.

– Дак что плохого, если..., – смутился Матвей.

– Ты помолчи, послушай, что тебе разумные люди говорят, – одернул его Федор.

– Через два Покрова на третий, ежели вы оба не передумаете, мы вас и повенчаем, – попытожил Михайло:

– Но ежели я узнаю, что ты опять по девкам шастаешь и вином балуешься, не видать тебе Марьи как своих ушей. Я лучше своими руками на нее иночество вздену, чем тебе отдам. К тому же, этим годом у тебя брат али сестра единокровная народятся. У батюшки твоего и без свадьбы забот вдоволь достанет.

Феодосия огладила ладонями набухший живот. Носила она на удивление легко, со спины и вовсе не было заметно, что она в тягости. Девичья талия лишь немного раздалась, да округлились узкие бедра. Ей все равно стало немного грустно:

– Вот и не девчонка ты боле, – вздохнула она, – настал бабий век.

На Воробьевых Горах стояла тишина. Легкий ветерок шевелил листву дубов да жужжали ранние пчелы. Вельяминов отправил жену в подмосковную вотчину после Пасхи. В городе стало душно и суетно, пошли слухи, что с Волги вверх по Оке ползет на Москву моровая язва.

Неуютно было в белокаменной. Нищие не давали проходу на папертях церквей, скалили гнилые зубы, лезли под копыта лошадей, требуя подаяния.

Феодосия не стала перечить мужу, однако с тоской смотрела на плавающую в полуденном мареве Москву. Федор приезжал лишь под вечер. Дни она коротала в одиночестве, сидя над книгами и рукописью травника. Лишь изредка к ней выбирались Прасковья Воронцова или Василиса Аксакова.

— У них дети, заботы, — напомнила себе Феодосия, — а я здесь сижу, ровно пришитая. Тело — то почти не изменилось, а вот душа...

По прикидкам повитух она с неделю как должна была родить, но ребенок пока упорно не желал появляться на свет.

Едва приехав в имение, Феодосия жестоко, что было у нее совсем не в обычае, повздорила с мужем. Показывая ей надворные постройки, Федор буркнул:

— Вона мыльня. Как тебе срок настанет, так... — не закончив, он попытался повести жену дальше. Феодосия застыла на месте, аки жена Лота.

— Даже не думай. Я не зверь лесной, чтобы ребенка своего в норе приносить.

— И где ты рожать предполагаешь? — опешил Федор.

— В Новгороде слухом не слыхивали, чтобы роженицу с глаз людских прятать. Как время приходит, так в верхней горнице ставят полати особые, с перекладиной, чтобы держаться. Там женщина и рождает, на свете Божьем. Младенец не темноту перед собой видит, а лица человеческие, а отец его на руки берет, как он на свет появился.

Феодосия с отцом ходили навещать недавно родивших жен заморских купцов. Женщины, в роскошных одеждах, склонялись над расписными колыбелями младенцев, не страшась ни сглаза, ни порчи.

— И навещают родильницу родственники и друзья с подарками, — закончила она: «Ребенка не прячут от чужих глаз. Бывает и так, что муж жене при родах помогает».

Федор сдержал крепкое слово, не желая ругаться с бабой на сносях.

— Что иноземцам хорошо, то нам бывает некстати, Федосья. Тебе бы про сие помнить пристало.

— Как попала на Москву, дак ни на миг забыть не удалось, — шевельнула бровью боярыня. Жена, не оглядываясь, пошла прочь.

— Вот она, кровь новгородская, — с непонятной тоской подумал Вельяминов.

Вспомнив разговор с мужем, Феодосия досадливо поморщилась. Вроде и не ссорились они с тех пор, но было ей неприятно. Тело наполняла непонятная боль, сердце словно что-то схватывало и отпускало.

На западе, над долиной Сетуни, вились дымки деревенек. Багровое солнце заваливалось за горизонт. Над Яузой и Китай—городом висело серое грозное облако. Порывистый ветер завивал песок на берегу, пенил барашками свинцовую воду.

Пора бы и в терем..., — поднявшись, Феодосия схватилась за ствол дерева. Прозрачная жидкость хлынула по ногам, собираясь в лужицу на примятой траве.

— Господи, Федора нет, Матвей на Москве..., — испуганно подумала она:

— Бабки все у царицы третий день..., — в светелках боярынь шептались, что царица Анастасия, едва оправившись после тяжелых родов на исходе прошлой осени, опять понесла.

Феодосия побрела через луг к теремам. На дворе ключница Ульяна, едва увидев ее, ахнула. Отбросив ведро, подхватив на руки почти сомлевшую боярыню, женщина кликнула подмогу.

— Пошли кого—нибудь к Воронцовым на Рождественку..., — с усилием выговорила Феодосия:

–И к боярину... в приказ..., – Феодосия подумала, что Прасковья могла уехать с детьми в подмосковную: «Федора еще искать занадобится по всей Москве...».

Скорчившись от нестерпимой боли, она повисла на руках у прибежавших баб.

–Что стоите, тетери, – прикрикнула Ульяна: «Несите боярыню в мыльню. Я сейчас верхового отправлю и вернусь».

– Не в мыльню... в терем... – запротестовала Феодосия.

Над Москвой—рекой хлынул тяжелый ливень.

– Такое тебе, Матвей, наше решение, – Федор мерил шагами крестовую палату:

–По нраву оно тебе, али нет, другого не жди. Через два Покрова на третий. Тебе к тому времени осымнадцать исполнится, может и остепенишься.

– А сговор как же, батюшка? – осмелел юноша.

– Какой сговор, щенок! – взорвался Федор: «Уйди с глаз долой, еще и сговор ему! Как настанет венчания год, дак и поговорим о рукобיתье».

–Дак ежели Марья за это время..., – робко начал Матвей.

–Сие Божья воля, Матюша, – елеино сказала Прасковья, до той поры сидевшая тихо.

–Ты, может, тоже какую девицу встретишь, что тебе более по сердцу придется. Тако же и Марья, и ты, зятек, не обессудь, буде такое случится. Не стану я перед свахами ворота закрывать, иначе слухи пойдут, разговоры ненужные.

Матвей перевел глаза на отца и будущего тестя. Те лишь усмехались в бороды.

– Будь по—вашему, – кивнул он: «Все равно нам с Марьей иных не надобно».

В дверь заколотили.

– Кого еще несет? – нахмурился Федор: «Открой, Матвей».

Запыхавшийся гонец привалился к дверному косяку.

– Боярыня Феодосия...

– Что? – повалив лавку, вскочил Федор: «Что с ней?»

– Рожает..., – посыльный испуганно перекрестился.

– Гони за бабкой повивальной..., – велел Федор.

– Нетути никого, у царицы все..., – гонец развел руками..., – был я в Кремле, однако ни одну повитуху отпускать не велено, вдруг государыне спонадобится.

– Я с тобой поеду..., – Прасковья ехидно добавила: «Ты, Михайла, скачи домой, невестушку—то нашу порадууй».

Феодосия корчилась на лавке, прижатая к ней сильными руками ключницы Ульяны.

– Встать дай, – простонала она.

– Ты что, матушка—боярыня, нельзя вставать—то тебе.

– Открой окно, воздуха дай глотнуть!

– Дак мыльня, откель здесь окну взяться, – недоуменно отозвалась ключница: «Еще и ливень какой, гром с молниями. Ты дыши, продыхивай схватки—то, не сжимайся».

– Дышала бы, было б чем! – огрызнувшись, Феодосия взвизгнула. Боль раскаленным кольцом охватила поясицу.

– Матушка, тужит тебя..., – Ульяна удерживала ее на лавке..., – но ты терпи, потуги дело не быстрое. Поторопишься, дак порвешься вся, что сзади, что спереди.

– Как терпеть—то, когда боль такая! Ровно на дыбе вишу!

– Иисус терпел и нам велел, – наставительно сказала ключница: «Ева—то в райском саду согрешила, а нам за ее грех до скончания веков платить. Мужик утерся, да и в сторону, а нам страдать».

– Умру я, – пожаловалась Феодосия, – не снести боли такой.

– Все так говорят..., – Ульяна вытерла залитое слезами лицо женщины, – однако опростаются и опять с мужьями живут. Наше дело бабское, рожать да кормить, другого не дадено.

На следующей потуге Феодосия поняла, что не знала доселе боли настоящей. Заглушая ее крики, над рекой били разряды грома.

Устроив Прасковью в возке, Федор сам сел за кучера. Он нахлестывал коней под крошечным ливнем: «Господи, дай только, чтобы живая осталась. Куда я без Федосьи—то, что я без нее делать буду!»

Федор матерился по—черному, то и дело выталкивая колеса возка, застревающие в жирной московской грязи. Тяжело дыша, он вытирал забрызганное лицо рукавом кафтана:

–Нет мне жизни без Федосьи, Господи. Без упрямства ее окаянного, без учености, без взгляда, коим смотрит она на меня..., – он вспомнил серые глаза, глядевшие на него, ровно нет никого другого на свете, вспомнил лукавую улыбку жены. Впереди, в стене ливня, показались ворота усадьбы: «Все будет хорошо, – сказал себе Федор, – Иисус и Божья Мать не оставят нас своей заботой».

Соскочив на землю, подав руку Прасковье, Федор застыл, не обращая внимания на холодный дождь. Над мыльней поднимался столб дыма.

Очнувшись, Вельяминов заколотил в ворота. Отбросив с дороги слугу, Федор побежал через двор к мыльне. Прасковья поспешила следом.

Высавив ударом ноги дверь, боярин ворвался в низкую, застланную дымом комнатку. Ключница Ульяна лежала на полу без памяти. Феодосия, упираясь руками в стену, постанывала сквозь зубы.

– Федосья! – бросился к ней Федор.

– Федя, – жена обмякла у него в руках: «Ты приехал...»

– Откуда дым—то? – потормошил ее Федор.

– Молния ударила, – с трудом проговорила Феодосия, не открывая глаз: «Вона в тот угол. Пожар занялся, Ульяна и сомлела. Я ничего, мне на ногах легче, не так болит».

– Ты, матушка опростаешься скоро, – Прасковья опустилась на колени: «Не торопись только, головка внизу. Сейчас медленно дело пойдет, потерпи, Федосеюшка. Ты что, Федор, стоишь истуканом? Неси жену в терем, али хочешь, чтобы на пепелище она рожала?»

Феодосия через силу улыбнулась.

– Вот, – приговаривала Прасковья, – повиси у мужа на спине, она у него богатырская, все снесет.

В тереме Прасковья погнала девок за горячей водой и холстами.

– Федор, сзади ее обхвати, – она усадила Феодосию на край кровати: «Ты, матушка, как тужит тебя, дак бери руки мужнины. Он там на то и есть, чтобы тебе помогать».

Полив ладони маслом, Прасковья наклонилась к роженице.

– Головка—то прорезалась, – довольно сказала она: «Темные волосики, в отца!»

– Жжет! – закричала Феодосия: «Больно, ой, как больно!»

– Прасковья, отпусти меня, не неволь! – взмолился Федор: «Не могу я видеть ее мучения».

– Ты что, боярин, не муж ей что ли! – жестко ответила ему сестра: «Твоя жена твое дитя рождает, плоть и кровь твою, дак будь с ней до конца!»

Федор шепнул пересохшими губами:

– Федосья, ежели больно тебе, ты мне руки сожми, я здесь буду.

– Не спеши, не спеши, матушка, – приговаривала Прасковья: «Ты у меня ровно девица невинная останешься. Не спеши только, плечики прорезались...».

Дитя, скользкое, быстрое, нырнуло рыбкой в подставленные руки Прасковьи. Ловко очистив ему пальцем рот, шлепнув понизу спинки, женщина подняла младенца вверх. Дитя звонко заорало.

Феодосия в изнеможении откинулась на руки мужа.

– Дочку Бог даровал. Ты, матушка, грудь—то дай, ино дитя приложим..., – Прасковья уложила девочку в руках Федосьи. Найдя сосок, почмокав, малышка затихла.

Федор поцеловал Феодосию в спутанные волосы.

– Спасибо, спасибо тебе..., – он вдыхал давно забытые запахи молока, младенца, колыбели, дома.

– Иди, отдыхай, – велела Прасковья: «Ты, братец, тоже молодец сегодня был».

Проспав остаток ночи и почти все утро, Федор застал сестру за трапезой.

– Как они? Федосья—то? Дитя как? – спросил он. Прасковья рассмеялась:

– Дак спят. Дитя здоровое, красивое, пойдем в горницу—то, посмотришь.

Приложив палец к губам, сестра указала Федору на колыбель. Боярин взял на руки дочь. Открыв глаза, девочка внимательно посмотрела на отца. В младенческой, невинной синеве боярин увидел что—то не детское. Новорожденная глядела на него прямо и даже дерзко. Она была маленькая, но крепкая, с красивой головкой, опушенной темными волосами.

– Как назовем—то дитя богоданное? – Федор посмотрел на Феодосию. Жена лежала, откинувшись на вышитые подушки. Легко поднявшись на ноги, боярыня встала рядом с мужем. Обняв ее за плечи, Федор поцеловал прохладный висок.

– Марфа, – твердо сказала Феодосия: «Как мать мою, а ту, должно, в честь Марфы Борецкой назвали».

Федор вздохнул:

– Вот она, кровь новгородская. Назвать дитя в честь посадницы Марфы, грозы московских царей? А ежели донесут царю Ивану? Ладно, была не была..., – решил он. По святцам все равно другого женского имени не оставалось, только Марфа и Мария.

– Марфа. Марфа Вельяминова, – словно попробовав имя на вкус, Федор поднес ребенка к распахнутому окну. Полуденное солнце золотило купола церквей на другом берегу. В просторном небе несли колокольный звон. Девочка оглядывала широко раскрытыми глазами лазоревую реку под откосом Воробьевых Гор. Солнечный луч упал ей на голову. Мягкие, младенческие волосы отливали чистой бронзой. Федор прикоснулся губами к высокому лбу дочери:

– Смотри, Марфа, сие Москва!

Часть вторая

Москва, лето 1553

– Тихо, Марфуша, спит он. Не буди батюшку.

– Не 'пит! Тятя не 'пит! – раздался из—за двери звонкий голосок Марфы: «У нево аменины, он 'пять не будет в праздник!»

– Пусти ее, Федосья, – Федор заулыбался: «Куда спать с таким колокольчиком!»

Юрко прошмыгнув в отворившуюся дверь, Марфуша забралась на постель.

– Проздравляю тебя, тятя, с днем ангела! – она чувствительно потянула отца за волосы.

– Подарочек мне принесла, боярышня? – Федор легонько пощекотал дочь. Марфа, скиснув от смеха, завалилась отцу под бок.

– Пыхтела неделю, старалась, – под села к ним Феодосия: «К столу выйдешь, там отдаст».

Хитро покосившись на Марфу, Федор еще раз пощекотал девочку. Перегнувшись через хохочущую дочку, он шепнул жене: «Мало мне вчерашнего подарения твоего, еще хочу!».

– Не целуй мамоньку! – раздался требовательный голосок: «Мамоньку только мне можно целовати!»

– Жадина ты, боярышня! – подхватив дочь на руки, Федор легонько подбросил малышку: «Сейчас—то я всю жадность из тебя и вытрясу, ни капельки не останется».

Бронзовые кудри девочки растрепались, щеки покраснелись. Федор притянул к себе жену и дочь.

– Мамоньку я твою целую, потому как люблю ее. Ты тоже и меня целуешь, и ее?

Малышка обхватила ручками родителей.

– Потому что я тебя, тятенька, и тебя, мамонька, люблю не могу как!

Федор поцеловал дочь в макушку.

– Сходи, Марфуша, проверь, что в поварне на именины мои готовится.

– Пряника можно? – Марфа лукаво склонила голову.

– Заради дня ангела батюшкиного можно, – рассмеялась Феодосия.

Сафьяновые башмачки затопали по полу опочивальни, дверь заскрипела. Марфа, в вихре кудрей и развевающимся сарафане, кубарем скатилась по лестнице. Федор подмигнул жене:

– Не хочешь ли ты, Федосья, дверь затворить заради моих именин?

Марфуша заглянула в дверь поварни. Ульяна хлопотала над блюдом саженных осетров.

– Тятя разрешил пряника, – выпалила Марфа, – и маменька ‘казала что заради аменин можно!

– Ох, боярышня, куда тебе пряников? Ты сама ровно сахарная! – отомкнув поставец, ключница протянула девочке сладости.

– Я не ‘ахарная, – серьезно ответила Марфа, – я ‘ладенькая дочка тятиня, так он говорит.

– Правду говорит тятенька..., – Ульяна ласково погладила ее по голове: «Беги, а ино посиди здесь, с пряником—то».

– Ты мне дай чего помочь, – девочка обсасывала пряник, – а я потом тятеньке ‘кажу, сие я для тебя сготовила! Он и радый будет.

– Да он радый, только гляючи на тебя, – Ульяна поцеловала девочку в румяную щечку: «Ты у нас умница—красавица!»

– Я пряник доела, – Марфа облизнула губки: «Таперича готовить чего хочу».

– На—ко орехи, полуши.

Марфа склонилась над решетом орехов. Ключница подперла щеку ладонью:

– Уродилась на свет ягодка такая. Косы бронзовые, глаза зеленые, щеки, словно лепестки..., – Марфа заговорила в годик, а сейчас трехлетняя девочка бойко читала и считала на пальцах. Феодосия начала учить дочь письму.

– Свезло боярину на старости лет, не сглазить бы только..., – подумала ключница:

– Жена у него красавица. Четвертый год, как повенчались, а смотрит боярыня на мужа, как в первый день, ровно и нет никого вокруг на свете. Дочку ему принесла, пригожую да разумную. Дай Бог, чтобы так все и шло, чтоб все здоровы были. Еще Матвея оженить на Марье по осени, да и ладно будет...

За трапезой Марфа внимательно смотрела на родителей. У маменьки щеки были румяны, а батюшка едва заметно улыбался в бороду.

– Вот, тятя, – забравшись к отцу на колени, девочка протянула ему деревянную, раскрашенную коробочку, – с аманинами тебя!

– Ты погляди, что делается—то! – шутливо всплеснул руками Федор: «Никак ты мне подарок даешь, Марфуша? Что внутри—то?»

– Ты открой да по’мотри! – хитро велела дочка.

Внутри нашлась крохотная, в детскую ладонь, переплетенная аккуратной Федосьиной рукой книжечка. Марфа неуверенным почерком переписала любимый псалом Федора: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых».

– Сие я сама, вот и внизу, видишь! – девочка ткнула пальчиком: «Писано Марфой Вельяминовой в лето от сотворения мира 7071».

– Разумница ты у меня, боярышня! – Федор привлек ее к себе: «Спасибо, угодила ты мне подарком!»

– Ты книжечку мою береги, – серьезно велела Марфа: «Маменька говорит, как идешь куда, повторяй п'альмы царя Давида, и Го'подь с тобой пребывать будет. Как по'мотришь на книжечку, так и обо мне в'помнишь!»

– Я, Марфуша, никогда о тебе не забываю, – поцеловал ее Федор: «Ты моя дочка единственная, богоданная, я всегда о тебе помню».

– Побежала я, – деловито сообщила Марфа, слезая с отцовских колен: «На конюшне у кошечки котятки народили'ь, так глянуть охота!»

Феодосия опустилась на низкую скамеечку рядом с креслом мужа.

– Что, голубка моя? – Федор погладил ее по голове: «Ино тревожишься?»

– Про свадьбу думаю..., – вздохнула жена: «Матвей, хоша и пасынок мне, но твой сын, твоя кровь родная, как не тревожиться».

– Сговор был, по рукам ударили, рядная запись сделана, чего еще? – Федор пожал плечами: «Успенья дождемся, свенчаем, и дело с концом».

– Зря мы их томили больше двух лет, Федя..., – Феодосия подперла щеку ладонью: «Надо было свенчать в тот год, что я Марфу принесла».

– Думаешь, пересидела Марья в девках? – Федор хмыкнул:

– Может, и так, однако Матвей вроде разумней стал. Что хорошего, парня не догулявши венчать? Еще, упаси Бог, начал бы он Марью позорить, хозяйство бы по ветру развеивать на баб да зелено вино. Серьезней Матвей сейчас, тише.

– Дай—то Бог, – кивнула жена: «Однако Марьюшку жалко, томится девка».

– Томление, оно к лучшему, – рассмеялся Федор: «Думаешь, я не томился, тебя ожидаючи? Стыдно сказать, сны снились, ровно мальчишке какому».

– Томился он, – отмахнулась Феодосия: «Два месяца, не два года с лишком».

– Однако и того было много. А ты томилась ли? – легко подхватив жену, он посадил Феодосию себе на колени: «Не красней, боярыня, отвечай прямо».

– Да еще как, – призналась Феодосия, – снился ты мне..., – она потерлась головой о плечо мужа:

–Ладно, успокоил ты меня. Пойду за Марфой, ежели ее от котят не оторвать, дак она на конюшне и заночует.

– Федосья, – Федор отвел глаза: «Опосля именинного стола присмотри, чтобы нам никто не мешал. Люди ко мне придут, по делам поговорить».

– Об чем разговор—то, скажешь?

– Скажу, как занадобится..., – он помолчал: «Может статься, и ты в сем деле пригодишься».

Оставшись один, Федор отпер поставец, от коего ключи никому, даже жене, не доверял. Наложив засов на дверь палаты, он углубился в чтение грамот.

– Маменька 'казала, как кошечка котятков откормит, можно будет одного в терем забрать! Этого, черненького..., – детские головы, одна с бронзовыми косами, другая с темными кудрями, склонились над копошащимися в соломе котятами:

–Петруша, ежели хочешь, дак бери котеночка, мне не жалко! – радушно предложила Марфа.

– Мне батюшка щеночка дарит на день ангела, – похвастался шестилетний Петя Воронцов: «У его охотничья собака щеночков носит, на мои именины родит. Я имя ему придумал, Волчок. Ты, Марфуша, как котеночка назовешь?».

– Ежели мальчик, то Черныш, а ежели девочка, то Чернушка. Видишь, – Марфа подняла мяукающего котенка, – он черный ве́шь, даже единого белого пятнышка нетути.

– Детки, бегите в горницы, – заглянула на конюшню Феодосия: «Вам пряников принесли, заедок разных. Оставьте котят, пусть спят в покое».

Погладив мягкую шерстку котенка, Марфа аккуратно опустила его в сено.

Воронцовы приехали на именины боярина Вельяминова по—семейному, с детьми. Хоша по обычаю и не след после рукобיתья жених и невеста боле не виделись до венчания, но были Марья с Матвеем сродственники. Родители махнули на них рукой. Федор смешливо заметил:

–Ежели они если за почти три года не остыли друг к другу, дак за два месяца ничего не случится.

Сейчас Матвея в Москве не было. Уехав на богомолье в Кирилло—Белозерский монастырь, с царицей и недавно рожденным наследником, царевичем Дмитрием, царь Иван взял любимца с собой.

После именинного стола Феодосия увела Прасковью с дочерью в женские горницы. Марья выросла, вытянулась, грудью налилась, округлились бедра. Феодосия исподволь разглядывала девицу:

–Ровно спелое яблоко боярышня, самое время венчать. Матвей рядом с ней, словно ребенок. Почти осмнадцать лет парню, а в рост он так и не пошел. Остепенился, – вспомнила Феодосия слова мужа, – Федор прав. Спокойней стал Матвей, с царем на богомолье уехал. Все ж в монастырь, а не в кабак какой.

– Как ты располагаешь, Федосья Никитична, – отвлекла ее от размышлений Воронцова, – спсылать—то в подмосковную за стерлядями, али обойдемся теми, что на базаре найдутся?

– На базаре еще снулых каких подсунут, – покачала головой Феодосия. Женщины погрузились в обсуждение свадебного пира.

Марья скучливо лущила орехи.

– Ты бы, дочка, – недовольно сказала Прасковья, – тоже послушала. Как ты своим домом жить думаешь? Тебе бы только на качелях качаться, да семечки шелкать. Я в твои годы двоих родила.

– И я бы, маменька, родила, – ядовито ответила Марья, – коли б вы повенчали нас, как мы обручились. Не начал меня теперь, не я выбрала почти три года в девках сидеть.

– За три года хоша бы раз на поварню заглянула, – вздохнула Прасковья: «С коего конца корову доят, и то не знаешь».

– Не ты ль мне говаривала, что растили меня не для горшков да ухватов? – усмехнулась девушка.

– Язык—то укороти! – вспылила мать: «Не посмотрю, что ты невеста, по щекам так отхлещу, что муж под венцом не узнает»

Зевнув, Марья опять взялась за орехи.

Воронцовы уехали рано. Наигравшись с Марфой, Петя задремал на полу в ее светелке. Уложив дочь, Феодосия прошла к себе в горницу. Заперев дверь, она встала на молитву.

Редко ей это удавалось. При муже или дочери молиться было невозможно, но, зная, что Федор занят разговором в крестовой горнице с гостями, оставшимися опосля именин, Феодосия чувствовала себя спокойно.

–Может, и всю жизнь так проживу..., – она раскрыла Псалтырь, – Бог – Он в душе. Что Ему доски раскрашенные да камни? Главное, чтобы не забывали мы Его. Но как забыть, коли нет и дня, чтобы Он о себе не напомнил?

– Ты, Матвей Семенович, – донесся снизу голос Федора, – говоришь, что холопов на волю надо распустить. Да как же без холопов? Сказано: «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Яфет власть имеет». Получается, что мне, боярину, за соху встать придется?

– Дак еще сказано, Федор Васильевич: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», – возразил незнакомый голос, звонкий, словно мальчишеский: «Разве нет? Мы Христовых рабов у себя рабами держим, а Христос всех братией называет».

– И, ты, Матвей, отпустил холопов? – недоверчиво рассмеялся Вельяминов.

– Я так им сказал, – ответил голос: «Были у меня на вас кабалы полные, дак я их изодрал. Кому хорошо у меня, дак живите, а кому не по нраву, ступайте, куда глаза глядят».

– И сколько душ осталось? – вмешался третий голос, тоже незнакомый.

– Кто—то остался, кто—то ушел, не в сем дело. Мы не только с полными кабалами людей в рабстве держим, но и с нарядными, а кто и беглых людей в холопы обратно записывает. Грызем себя и терзаем, остается только и смотреть, чтобы не съели друг друга. Иисус разве сие заповедовал?

На цыпочках прокравшись по лестнице, Феодосия приникла ухом к двери.

– Говорил я с двумя латынниками, читали они мне писания покойного Мартына Лютера. Сказано там, что благое благодеяниями прирастает. Я и записал сие..., – звонкий голос, запинаясь, прочитал «Квиа пер опус каритатис кресит каритас...»

– Э фит хомо мелиор, – Феодосия распахнула дверь: «Ибо благодеяниями приумножается благодать и человек становится лучше».

В крестовой повисла тишина. Трещали фитили свечей, взволнованно дышала застывшая на пороге женщина.

– Не говорил ты, Федор Васильевич, – хмыкнул боярин с мальчишеским голосом, русо-волосый да голубоглазый, небольшого роста, – что дочка твоя по латыни разумеет.

– Жена это моя, – буркнул Вельяминов: «Федосья, велел же я, присмотри, чтобы не мешали нам!»

– Дак разве я мешаю? – она пожала плечами: «Послушать—то интересно».

– Не твоего ума дело сие. Шла бы к себе лучше..., – Федор осекся, спохватившись, что молвил лишнего.

– Не моего ума? – прищурилась Феодосия:

– Ты прости меня, Федор Васильевич, но кто из вас латынь знает, окромя меня, а тем паче немецкий. Мартын Лютер не только тезисы написал, о коих ты, боярин..., – поклонилась она в сторону незнакомца, – говорил сейчас, но и Библию на немецкий язык переложил!

– Права жена твоя, – повернулся боярин к Вельяминову:

– Можно, думаю, ей послушать, да только..., – он замялся.

– Ежели по тайности что, – обиженно заметила Феодосия, – я уйду, как скажете.

Вельяминов вдруг стукнул кулаком по столу, так, что гости вздрогнули.

– Что за жизнь, когда от родной жены прятаться надо! Смотри, Федосья, не проговорись никому, ни словом, ни полусловом. Ты у меня разумная, а в деле сем нам одним не справиться.

Феодосия опустила голову:

– Темно в горнице, лица моего не видно..., – подумала женщина, – а ведь я от него таюсь, и дальше таиться буду. Но если не таиться, дак изломают на колесе или сожгут в клетке. Ох, Федя, а ты—то мне самое сокровенное доверяешь.

– Башкин Матвей Семенович, – представил ей муж светловолосого боярина: «Обещал ты нам рассказать про исповедь великопостную».

– Пришел я Великим Постом к священнику Благовещенского собора отцу Симеону, – начал Башкин, – и сказал, что надобно не только читать написанное в евангельских беседах, но и исполнять на деле. Думаю я, что все сперва надо делать самим и только опосля других учить. Про холопов я тоже ему сказывал.

– А что «Апостол»? Забрал его отец Симеон? – подал голос второй, незнакомый Феодосии боярин.

Башкин кивнул: «Показал я ему «Апостол», что воском от свечи размечен в местах, кои я толковал, дак отец Симеон его и взял. У царя теперь тот «Апостол».

– У царя... – Федор Вельяминов испытующе глянул на Башкина: «Царь—то нынче в Кирилловом монастыре, далече отсюда».

– О сем, Федор Васильевич, я говорил и повторяться не хочу..., – резко ответил боярин. Феодосия почувствовала на себе его внимательный взгляд.

– Скажи, боярыня, – Башкин не сводил с нее глаз, – можешь ли ты на латынский переложить?

– Может и неровно, да переложу..., – Феодосия покраснела: «Я недолго училась латынскому, но понятно будет».

– Ты что же, Матвей Семенович... – нахмурился Вельяминов.

– Ежели без грамотец тот человек поедет, то вельми сложно будет ему..., – отозвался Башкин.

– Думаешь, просто из монастырской тюрьмы человека вызволить? – хмуро поинтересовался боярин.

– Дак Федор Васильевич, – страстно заговорил Башкин:

– Я что? Я только спрашивать умею. Толкую еще, как разум подсказывает. Тот человек, он совсем иной стати. Помнишь, говорили мы про Лютера Мартына, как он прибил к дверям собора тезисы свои? Сей человек, что сейчас в подвале гниет в Спасо—Андрониковом монастыре, ежели мы его не спасем, дак лучше б и не начинали ничего! Без человека сего мы, что тело без головы.

Простое лицо невидного Башкина преобразилось. Верилось, что и вправду, пройдя по паперти Благовещенского собора, приколотив к двери лист, он покачнет церковь, не качавшуюся со дня основания ее.

– Скажи—ка нам, – попросил его Вельяминов, – молитву, что написал ты, больно она мне по душе пришлась.

– Создатель мира, – негромко начал Башкин, – все помыслы мои известны Тебе. Кто я пред Тобой, однако помнишь Ты обо мне, ровно родитель помнит о чаде своем. Даруй мне терпение, дабы возлюбил я проклинающих меня и мудрость, дабы приветил я праведников, ибо только собрание верных Тебе и есть церковь истинная, не в камне она, и не в дереве, а в душах людских. Аминь.

– Аминь..., – эхом пронеслось по горнице. В глазах Феодосии закипели слезы.

Запалив свечу, она вполголоса окликнула:

– Федя, не спишь ведь?

– Не сплю..., – отозвался муж, – а сама спи, что вскочила?

– Дак не могу я..., – она села, обхватив колени руками: «Ты все ворочаешься, думаешь о чем?»

Вельяминов вздохнул.

– Слушал я вчера Башкина, Федосья, и понял, что со всем я согласен. Помнишь, говорил я, как дети наши с Аграфеной умирали? Стоишь посреди ликов, риз золоченых и думаешь, что Бог не в этом. В последнем дыхании младенца есть Он, в слезах твоих тоже есть, а в этом – нет Его. Читаю Псалтырь и слышу, что царь Давид тоже мучился и страдал, тоже радовался, потому что был с ним Бог, а с этим нет. Но иное меня тревожит. Говорил Башкин насчет холопов, и что все мы, и бояре и холопы – братья во Христе. Не след брату на брата идти а, тем более, мучить и угнетать. Но взять хоша меня, я иного не знаю. У отца моего холопы были, деды и прадеды людьми владели. А сейчас получается, что? Всех распустить и самому сеять и пахать?

— Не знаю я, Федя, — ответила она после долгого молчания: «В Новгороде сроду холопов не водилось. Каждый сам себе хозяин, каждый выходил на вече, и ежели был не согласен, дак голос поднимал. Даже если человек беден, все одно свободный он, а не раб».

— И в Писании сказано: «Да вернется каждый в дом свой, и каждый в отечество свое уйдет» ..., — Федор потер руками лицо: «Я народ в рабах держу, детей холопов, что отец мой покойный закабалил. Что же делать—то?».

— Я так думаю, — ответила Феодосия, — у кого холопов мало, как у Башкина, тот их распустит, когда настанет время. Ты тогда скажешь, кому охота, идите, а кто хочет остаться, дак оставайтесь.

— А до тех пор? — вздохнул Федор: «Бросить бы все, забрать тебя с Марфушей и уйти от этого. От службы государевой, от милостей его. Сегодня милости, а завтра на колу будешь торчать и вороны тебе глаза выклюют. Дак не уйти, не для того я тебя в жены брал, чтобы ты бедствовала».

Феодосия обняла мужа:

— Не из—за богатства твоего я за тебя замуж выходила, не из—за знатности. Куда ты, Федя, туда и я. Скажешь, собирайся, Федосья, дак я Марфу возьму и пойдем за тобой хоша босиком. Как Руфь праведница говорила: «Куда ты пойдешь, пойду и я, и где ты заночуешь, там и я заночую».

— Помнишь, как там далее? — он вдыхал прохладный запах цветов, зарывался лицом в распущенные, льняные волосы.

— Помню.

Более в ту ночь в опочивальне Вельяминовых о делах не было сказано ни слова.

Феодосия занималась с дочерью в детской светелке, когда по лестнице простучала пятками дворовая девка: «Хозяин приехал, Федосья Никитична, с каким—то боярином».

— Привел я тебе Матвея Семеновича, по делу, о коем вчера говорили, — улыбнулся Вельяминов: «Вы оставайтесь, а я поехал. Не успел тебе сказать раньше, Федосья, дак сейчас скажу. Государь Иван Васильевич повелел открыть на Москве печатный двор, на манер гутенберговского, коего книги есть у тебя».

Боярыня недоверчиво ахнула.

— Дак выходит...

— Так и выходит..., — довольно отозвался Федор:

— С Божьей помощью к концу лета напечатаем первые книги, Евангелие и Псалтырь. Есть один мастер знатный, Иван Федоров, диакон в церкви Николая Чудотворца, что в Кремле. Он ставит печатный пресс. Привезу я тебе Псалтырь, привезу, — рассмеялся Федор, видя, как разгорелись глаза жены: «Будет у тебя свой, московской печати. Все, поехал я».

Башкин достал из кисты рукописные грамоты.

— Это на латынский переложить, боярыня, чтоб понятно было.

— Ты сие писал, Матвей Семенович?

— Куда мне! Человек, про коего говорил я вчера, сие его рука..., — объяснил Башкин.

— Что за человек—то? — Феодосия расправила измятые, криво исписанные клочки бумаги:

— Все расплылось..., — она прищурилась, вглядываясь в неразборчивые каракули.

— В подвале при свече единой чисто не напишешь..., — резко бросил ей боярин.

— Матвей Семенович, ты того человека вызволить располагаешь?

Пройдясь по горнице, Башкин остановился перед иконами.

— Доске крашеной поклоняемся, свечи перед ней ставим, ладаном курим, а потом последнюю рубашку с ближнего снимаем. Христиане называемся. На языке одно, а руки иное творят..., — горько пробормотал он.

Феодосия молчала.

– Ежели поймают его, мы все на дыбу и костер пойдем..., – повернулся к ней Башкин: «Бежать ему надо, покуда жив он и покуда мы можем ему помочь».

– Куда бежать—то? – Феодосия взглянула на окно терема, где сверкало лазурью московское небо.

– Туда, где услышат его..., – Башкин смотрел вдаль, словно и вправду силился увидеть свободу.

Коротки летние ночи на Москве. Не успеешь оглянуться, как заря с зарей смыкается, розовеет небо на востоке, перекликаются ранние птицы. Город просыпается, скрипит ставнями, стучит босыми ногами по пыльным улицам.

Неприметную лодку спрятали в густых зарослях ивняка на правом берегу Яузы. Пригнал ее вниз по течению темноволосый парень. Примотав челн веревкой к колышку, он нырнул в кусты. Место вокруг лежало глухое. Напротив белых монастырских стен паслись коровы. К вечеру, повинаясь рожку пастуха, стадо потянулось по домам, в слободу.

Двое на низких коняшках, вроде купцы поплоше, заглянули на пустошь к вечеру. Немного покрутившись, заблудившиеся гости первопрестольной уехали.

Давешний темноволосый паренек появился, когда сторожа в слободе забили колотушками. Сев с удищем под монастырскими стенами, он принялся таскать карасей.

Ночь нависла над городом, полная луна виднелась в разрывах легких облаков. Затихла Москва, только изредка взбредет на дворе собака, запоят ворота, пропуская подгулявшего хозяина, да плеснет хвостом саженная рыбина, уходя на глубину.

С другого берега раздался свист. Прислушавшись, парень посвистел в ответ. Бросив удище, метнувшись к стене, он принял сброшенную сверху веревочную лестницу.

Человек спускался медленно. Парень, держащий лестницу, оглядывался. Хоша и стояла обитель в глухом месте, но на Язу мог забрести случайный пропойца али тать. На руки ему рухнул истощенный мужичок в монашеской рясе, с избитым лицом. Парень дотащил его до лодки, где поджидал один из заезжавших на пустошь купцов.

– Не оскользнься только..., – велел он: «Услышат, дак несдобровать нам».

– Погоди, – монах оперся на плечо провожатого: «Ногу ломали клещами, ребра тако же, дышать и то больно».

– Потерпи, положим тебя на дно, тряпьем прикроем, дак придешь в себя.

– Шибче давайте, Степан, – донесся из лодки голос: «До свету надо вверх по реке подняться, сколь возможно».

– Нога у его сломана, – Степан Воронцов укрыл монаха припасенной ветошью.

– Давай на весла, гребь что есть силы. Выдюжишь, Степа?

Парень только кивнул. Ловко выведя лодку на середину Яузы, купец направил ее вниз по течению. Оба гребца молчали, пока не оказались в темном просторе Москвы—реки.

– Много отстегнуть пришлось? – поинтересовался Степан.

– Есть один отец келарь, – сплюнул за борт купец: «Рожа алчная, поперек себя шире, ряса на загривке трескается».

– Нектарий сие, – прошелестел со дна лодки слабый голос: «Он велел меня соленой рыбой кормить, а воды не давать. Он приходил в узилище—то с кувшином и пил у меня на глазах, а я в дерьме лежал, черви в ранах ползали».

– Тихо ты, – шикнул купец: «Ветерок свежий, дыши лучше. Как к берегу пристанем, там возок ждет. Отвезем тебя в тайное место, полечишься».

Степан испытующе посмотрел него.

– Могли бы сами—то за весла и не садиться, – мягко укорил он: «Мало нас, молодых, что ли. Да и опасно вам, узнают еще».

– Вас много, Степушка, только надежных мало..., – сварливо отозвался купец:

– Тебя или меня на дыбу вздернут, мы молчать будем, сам знаешь почему. Как другие под пытками себя поведут, сие неведомо. Головы покатаются и не только наши..., – говоривший вдохнул полной грудью ночной ветер:

– Хорошо, Степушка, на реке—то. Ты не был под Казанью, зелен еще, а там Волга не чета Москве. С одного берега другого не видно. Так бы и плыл по ней до моря Хвалынского, а там и дальше.

Вздохнув, Степан приналег на весла.

Перед рассветом лодка пристала к заброшенной пристани у крутого косогора. В сосновом лесу распевались птицы, тихонько ржали кони. Выбравшись на берег, старший гребец сильно оттолкнул лодку.

– Пущай плывет. Свое отслужила.

Ожидавший их невысокий человек бросился помогать. Монаха устроили на дне возка, окружив его подушками да перинами.

– Вы со Степаном в возок садитесь, – велел старший: «Ты, боярин, не в обиду будь сказано, человек книжный, а Степан неопытен еще с тройкой управляться, тем паче по таким дорогам».

– Ты сам—то не устал, десять верст отгреб и сейчас еще двадцать по колдобинам трястись?

– Ничего, я здоровый уродился..., – весело отозвался купец:

– Давайте по коням, ино светает. Если остановят, скажите, сродственника больного везем на излечение к чудотворной иконе. Ты, – повернулся он к монаху, – потерпи, дороги не гладкие, а кони сии у меня хоша невидные, да резвые. Зато мигом доедем.

Несмотря на ухабы и рытвины монах быстро забылся сном. Башкин и Воронцов долгое время молчали.

– Скажи мне, Матвей Семенович, сколь не уговаривали тебя бежать вместе с ним, – Степан кивнул на монаха, – ты отказываешься. Сейчас государь с богомолья вернется и суд твой соборный не пощадит тебя. Пока есть время, уходи в Литву али Ливонию. Зачем тебе гнить в тюрьме монастырской, али на костре гореть?

Башкин покачал головой.

– Не понять тебе сего, Степа. Небось сам бежать хочешь куда подальше?

– И убегу..., – буркнул Степан:

– Родителей жалко, кабы не они, давно бы убежал. Ты, Матвей Семенович, наверное, думаешь, поиграется молодой боярин, разгонит кровь и вернется в усадьбу холопов пороть да девок сенных портить? Не нужно мне сего..., – юноша вскинул голову:

– Слыхал я, в Европе наблюдают ход светил небесных, движение их исчисляют, строят корабли, и на них в заморские страны плавают, а у нас что? Не страна, а гноище, погрязли мы в невежестве. Никакого богатства не хочу! Мне лишь бы море увидеть, как по нему на кораблях ходят и самому научиться сему искусству.

– Может и увидишь..., – задумчиво отозвался Башкин:

– Раньше я хотел убежать отсюда, куда глаза глядят, а теперь не боюсь на суд идти. Скажу, что думаю, да и делу конец. Может, кто услышит и усомнится. Ежели хоть одна живая душа после спросит себя, все ли истинно, что попы говорят, дак и не зря все было..., – он помолчал: «Мне умирать не страшно».

– Как так? – удивился Степан: «Любому человеку помирать боязно».

– Тому, кто не любил, боязно..., – вздохнул Башкин: «Кто любовь изведаль, хоша и безответную, тому не страшно. Истинно, как апостол Павел говорил: «Если имею всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто».

Возок остановился, тяжелые ворота со скрипом растворились. Ежась от рассветного холода, седоки помогли монаху выбраться на двор.

– Мы на месте, здесь отдохнешь, – улыбнулся Башкин.

– Не опасно ли? – забеспокоился монах: «Усадьба—то богатая, сразу видно, что боярская. Я бы в избе у кого отлежался».

– Зачем в избе, коли терем есть, – возница потянулся: «Твоя правда, Матвей Семенович, староват я для таких дел, плечи все разломило. Федосью разбужу, пусть и меня попользует и гостя нашего».

– Кто он? – монах проводил глазами богатырскую спину.

– Федор Вельяминов, ближний боярин царя Ивана Васильевича. Он вызволил тебя из тюрьмы монастырской.

Схватившись за грудь, монах осел на траву. Окликать в голос Вельяминова было нельзя, Башкин рванулся следом.

– Федор Васильевич, зови скорей Федосью Никитичну. У него, кажись, рана открылась.

– К попам не приходите, молебнов не творите, молитвы их не требовати, не кайтесь, не причащайтесь..., Записала?

– Записала, – Феодосия взглянула на своего тезку. В ярком свете летнего утра, в просторной горнице под крышей терема, на богато вышитых подушках, Феодосий Косой казался особенно изможденным.

Синяки и ссадины зажили, но лицо его по—прежнему покрывала мертвенная бледность. Узник провел в монастырском подвале почти год. Двигаться Косому было тяжело. Раны, хоть и подлеченные Феодосией, продолжали его тревожить. Писать он пока не мог. Игумен Свято—Андрониковского монастыря, найдя в его клетке грамоты, велел переломать Косому пальцы на правой руке.

Кости срослись неправильно. Даже несколько минут письма доставляли Феодосию невыносимую боль. Кривясь, он, все равно, сжимал в кулаке перо. Боярыня велела ему, сколь возможно, шевелить пальцами и учиться писать левой рукой, на всякий случай.

– У батюшки моего так по молодости случилось, – Феодосия рассматривала его изувеченную руку.

– Шли они в караване людей на Ладоге, и грянул шторм. Батюшка бросился к парусу. Ветром мачту повалило и руку ему прижало. Кости ему раздробило, как тебе. Батюшка мой кормщик знатный, куда ему без руки лодьей править. Сделали лубок, а как кости срослись, он руку упражнял, как ты сейчас. Сначала немного, а потом больше и больше. Еще песок речной в печи грел, насыпал в мешочек холщовый, и к руке прикладывал. Дак через год он опять лодьи водил. Надо и мне тебя песком полечить. Еще бы спсылать в Русу, что у нас в земле Новгородской. Там целебная грязь есть, коя поможет тебе.

– Как это грязью лечиться? Той, что под ногами? – удивился Феодосий.

– Сие грязь особая, – отозвалась боярыня, – ее в озерах да болотах собирают, а на Белом море с берега промышляют. Поморы от всех болезней ей лечатся.

– Отдохнул я, давай дальше писать, – попросил Феодосий: «Мыслей у меня в голове много, успеть бы все сказать. Еще бы рука заработала, а то ты, боярыня, хозяйство забросила, пока за мной ухаживала».

– Хозяйство что, – отмахнулась Феодосия, – оно у меня налаженное, ровно по колее катится, а твои слова не каждый день услышишь.

– Темиамом не кадитесь, на погребении от епископов и попов не поминатися, ибо есть они жрецы идольские и учителя ложные...

Перо заскрипело по бумаге.

Выйдя из подвала, где дьяк Иван Федоров налаживал печатный стан, Федор Вельяминов вдохнул полуденный городской воздух.

– Хорошо у нас! – потянулся боярин: «Думаешь, Степа, может, за морем и лучше, однако, как оглянешься, дак поймешь, нету места краше Москвы».

Степан вытирал испачканные руки. С разрешения дьяка излазил он весь печатный стан, разбираясь в его устройстве.

– Знаю, знаю, – хлопнул его по плечу Федор: «Свадьбу отгуляем, ты дружка, куда без тебя, и отправишься к моему тестю, Судакову Никите Григорьевичу, в Новгород. С отцом твоим я говорил, он не против».

– Правда? – восторженно, еще по—детски, спросил Степан.

– Не навсегда, – рассмеялся Вельяминов: «Ежели в Новгороде девицу какую приглядишь, придется ее на Москву везти. Ты наследник, усадьбы ваши здесь, не получится у тебя на север переехать».

– Дак не за девицами я, – покраснел юноша: «Мне б на лодьях походить, понять, как делается сие. Может, Никита Григорьевич меня и на Белое море отправит. На севере, говорят, поморы к норвегам на настоящих морских судах ходят».

– Ежели тебе какая красавица тамошняя встретится, дак не робей. . . , – Вельяминов вскочил на коня, – новгородки, хоша и упрямые, да лучше них, как по мне, нет никого.

– Федор Васильевич, – спросил Степан, когда они сворачивали на Рождественку, – а когда книги можно будет в руках поддержать?

– Дак смотри, – Вельяминов загибал пальцы, – сегодня вы с дьяком стан наладили. Завтра он пробные листы напечатает, а со следующей недели начнет Евангелие и Псалтырь набирать. Пока обрежут, пока переплетут, сие недели две еще. К возвращению государя поспеем.

– Долго как. . . , – протянул Степан.

Федор застучал рукоятью плети в ворота.

– Разбаловался ты, племянник. Давно ли Евангелие месяц сидели, переписывали, а Псалтырь и того дольше, а ты две недели потерпеть не можешь.

– Дак если царь через две недели возвращается. . .

– Без тебя знаю. . . , – отрезал Федор: «Ладно, дома не след об сем говорить».

С крыльца усадьбы кубарем скатилась Марфа. За девочкой ковылял толстый, еще молочный щенок.

– Тятя, тятя! Петруше дядя Михайло щеночка подарил! Я тоже хочу!

Ловко подхватив троюродную сестру, Степан посадил ее впереди себя на седло.

– У тебя, Марфуша, Черныш есть, забыла? Он, небось, скучает по тебе.

– Черныш далече, – погрустнела девочка: «Тятя, а когда мы к маменьке поедем?»

– Как выздоровеет она, – Федор нахмурился: «Нехорошо лгать, да еще и дитяти своему, но и правды сказать нельзя. Марфу не оставишь в имении, когда там отлеживается беглец из —под государева суда».

– Как Федосья—то? – Прасковья вышла на крыльцо терема.

– Получше, гонца спосылала, что через неделю, али дней десять можно Марфу к ней отправить. . . , —сестре Вельяминов тоже до поры решил ничего не рассказывать. Спешившись, взяв у Степана Марфу, он устроил дочь на плечах.

– Не съездить ли нам, боярышня, после трапезы на реку на конях прогуляться?

– Да! Да! – подскочила Марфа.

– Ты, Федор, осторожней, – заметила Прасковья: «Трехлетнее дитя на жеребца сажаешь. Он у тебя горячий, понесет еще, упаси Господь».

– Матвея я в седло отправил, как он ходить только начал.

– Дак то мальчик, а здесь девица. Хотя одно название, что девица, как есть чистый сорванец. Михайло хоть щенка принес, они с Петрушей при деле. Пойдем трапезничать—то.

За обедом говорили о свадьбе. Марья к столу вышла, но почти ничего не ела. Щипая хлеб, девушка украдкой перечитывала женихову грамотцу, доставленную утром из Кириллова монастыря.

– Что Матвей отписывает? – невзначай спросил Вельяминов.

– Недели через две тронутся они на Москву..., – Марья подняла черноволосую голову. Дядя и племянник переглянулись.

– Еще пишет, что государь Иван Васильевич в добром здравии, тако же и царица, и царевич Дмитрий..., – добавила девушка.

– Храни их Господь..., – Федор размашисто перекрестился на красный угол.

Феодосий уже ходил по светелке, когда в подмосковную приехал Матвей Башкин.

– Все ли перевела, боярыня?

Феодосия протянула аккуратно переплетенный томик.

– Удобно, книжка маленькая, спрятать легко.

– Что ты за Феодосием записывала, все ли сожгла? – Башкин полистал книгу: «Знать бы языки, сколько всего прочитать можно было бы...».

– На рассвете еще сожгла, – Феодосия погрузилась: «Жалко жечь—то было, слово каждое ровно камень драгоценный».

– Не печалься, боярыня, – повернулся стоявший у окна монах: «Сие все у меня в голове осталось, да и более того. Божьей волей, если жив буду, то сам запишу. Рука—то, благодаря тебе, двигаться зачала».

– Пойду соберу поесть..., – захлопотала Феодосия: «Ты, Матвей Семенович, ранним утром выехал, должно, проголодался».

Башкин проводил ее тоскливыми глазами.

– Грех это, – напомнил себе боярин. Опустившись на лавку, он посмотрел на Феодосия. Тот подумал, что даже в подземной темнице не видел такого взгляда, отчаянного, безнадежного.

– Как же сие, Феодосий? Ты умный человек, пастырь наш... – начал Башкин.

– Не пастырь я, Матвей, упаси Господи, – резко прервал его монах: «Человек, как остальные люди».

– Дак ответь мне, как человек человеку, разве не грех любовь моя? Разве не сказано в Писании, что кто смотрел на жену ближнего своего и желал ее, пусть и в мыслях, тот все равно, что прелюбодействовал с ней? – Башкин закрыл лицо руками.

Феодосий присел рядом.

– Я почему в монахи ушел? Был я холопом боярским, не человек вовсе. Думал я, что в монастыре жизнь другая. Как постриг принял, дак понял, что и за монастырскими стенами свободы нет. Свобода, она здесь только, – Феодосий указал на сердце, – в душе человека. Как можно душу—то убивать? Богом она не для сего нам дадена!

– Дак как я мог! – покачал головой Башкин: «Вчера я Писание читал. Помнишь, что говорено про царя Соломона и Вирсавию, да про мужа ее, и как Всевышний после сего Соломона наказал».

– Ты себя с царем Соломоном, Матвей Семенович, не ровняй, – усмехнулся Косой: «Не потому, что не мудр ты, ибо мудр, а потому, что зная о Соломоне, не поступишь ты так».

– Дак что мне делать—то, Феодосий? – горестно отозвался Башкин:

– Я потому и на суд хочу пойти, а хоша и на смерть, что без нее нет мне жизни. Как вижу ее, дак все вокруг ровно солнцем залито, как нет ее рядом, дак и жить не стоит. Но сколь я перед ее мужем виноват, дак сего и не измеришь, и еще тяжелей мне, как я о сем думаю.

– Думается мне, Матвей..., – решительно сказал монах, – человек не по словам и помышлениям, а по делам судится. Ежели бы сделал ты что позорное, тогда и надо было бы каяться, и то не передо мной, или кем другим, а только лишь перед Богом. А ты и не делал ничего.

Феодосий помолчал:

– Но сказать ей об сем надо. Не след ближнего своего в неведении держать. Писание учит: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Значит, не делай ему того, чего не хочешь, чтобы тебе сделали. Посему, Матвей, и не совершишь ты греха. Человек, хоша и не ангел, однако Бог ему дал свободу выбирать, добро причинить ближнему, али зло. Дурного ты не учинишь, уверен я.

– Может, к Федору Васильевичу пойти сначала? – робко спросил Башкин.

– Она что, не человек, что ли? – припадая на искаленную ногу, Феодосий заковылял по горнице.

– Ровно ты, Матвей Семенович, на рынке торгуешься. Понравилась корова, дак пойду к ее хозяину. Человек не корова, владельцев, окромя Бога, у него нетути. Сам холопов на волю отпустил, а теперь вона как рассуждаешь.

– Но ведь муж у нее есть...

– Ты, Матвей, думаешь, что ежели женщина, дак и воли у нее своей нет, и разума тоже. Сказано: «И сотворил Всевышний человека по образу и подобию своему, мужчину и женщину создал он их». Нет, Матвей Семенович, учиться тебе еще и учиться..., – покачал головой Феодосий.

Вошла хозяйка с заедками, разговор прервался.

За столом боярыня спросила:

– Феодосий, ходим мы в церковь, кланяемся святым иконам, свечи ставим. Для чего все сие, как думаешь?

– Федосья Никитична, ровно что идолы сие языческие..., – вздохнул монах:

– Духом подобает поклоняться Отцу нашему небесному, а не поклоны бить или на землю падать, или, как варвары какие, проскуры и свечи в церковь приносить. Матвей Семенович со мной не согласен, но все же скажу я. Иисус, хоша и пророк был, но был человек и сын человеческий, как и все мы.

– Не сын Божий? – Феодосия испытующе посмотрела на Косого.

– Нет..., – твердо ответил он.

—Федосья Никитична, пока Феодосий наш отдыхает, разговор есть у меня к тебе..., – они с Башкиным шли через луг к реке. В самом разгаре было московское лето. Феодосия остановилась.

– Матвей Семенович, цветов нарву Феодосию, поставлю ему в горницу. Столько времени он в темнице пробыл, хочется порадовать человека.

Башкин смотрел на ее тонкое, словно иконописное лицо, на длинные пальцы, мягко касающиеся свежей травы. Чудилось ему, что вся она соткана из света и запаха цветущих лип.

Полуденную тишину нарушало только жужжание пчел. Высоко в небе парил, раскинув крылья, одинокий коршун.

Она поднялась, пряча лицо в охапке цветов.

– Матвей Семенович, случилось что?

– Случилось..., – он сглотнул комок в горле.

Слушая его, Феодосия молчала. Краска сбегала с ее лица, пока не стало оно совсем бледным, даже губы бросило в синеву.

– Посему иду я на суд, – закончил Башкин, – что без тебя нет жизни мне. Умру, дак умру, хоша под пытками, хоша на костре. Бежим вместе, Феодосия! На свободе мы сможем жить, как захотим, всегда останемся рядом, до смерти нашей.

Он протянул к ней руку. Женщина медленно отступила назад.

– Обещалась я до смерти другому человеку, Матвей Семенович. Нет у меня пути иного, окромя того, что выбрала я, с Федором повенчавшись.

– Люблю я тебя, Феодосия. Разве можно любящего тебя оттолкнуть..., – она вскинула голову, в скромном платке:

– Не искала я твоей любви, а что пришло к тебе по сердцу, так моей вины здесь нет. Уезжай с Феодосием, Матвей Семенович. Даст Бог, ты еще встретишь ту, что полюбишь. Я здесь останусь, с мужем моим, с дитятей нашим. Не надо мне ничего другого. Разговор сей забудем, что ты, что я. Не было слов сих сказано.

– Как не было? Не ведаешь ты, боярыня, что на смерть меня сейчас обрекла, так знай теперь!

Феодосия пошла к усадьбе. Башкин смотрел ей вслед, пока не пропала она из виду, словно растворившись в полуденном мареве.

Федор приехал в подмосковную ранним вечером. На луга опускался туман, с реки тянуло сыростью. Спешившись, он отвел коня в стойло. Тишина стояла на усадьбе, ровно и не было никого вокруг. В окне Федосьиной горницы подрагивал огонек свечи.

Жена ждала его, прислонившись виском к резному столбику крыльца, с убранными в домашний плат волосами. Тени залегли под глазами, словно не спала ночь боярыня. Тонкие пальцы тербели жемчужную понишь на шее.

– Марфуша здорова ли? – ломким, не своим голосом спросила она.

– Здорова и весела боярышня наша..., – притянув к себе жену, Федор прижался губами к ее лбу: «Не заболела ли ты, Федосеюшка? Сама горячая, а руки холодные, как лед».

Она взглянула на мужа снизу вверх. Федор поразила ее взглядом. Так смотрели подранки на охоте, прежде чем добивали их.

– Есть у меня до тебя разговор, Федя. Да только, боюсь, не по душе он тебе придется.

Они уселись на косогоре над рекой. Феодосия опустила голову на колени. На заливные луга на том берегу медленно напознал закат. Брусничный свет растворялся в чернильной темноте ночи, где проглядывали первые звезды.

Приобняв жену за плечи, Федор почувствовал, как слабеет под его рукой застывшее тело.

– Не виню я тебя, Федосья. Сама знаешь, не таким я был, когда венчались мы. Думал я о сем давно, да только сейчас вслух заговорил.

– Боялась я, Федя..., – уткнув лицо в ладони, она разрыдалась. Федор испугался. Первый раз видел он жену плачущей. Даже когда Марфу она рожала, ни слезинки не пролила.

– Ох, как я боялась! Я с детства одно знала, чужим не доверяйся, шаг за порог дома, так там враги все, проговоришься, хоша словом единым, и на дыбе повиснешь. И замуж за своего вышла. А здесь ты, но не могла я ничего сказать. Вдруг решишь ты, что ведьма я, еретичка, и гореть мне на костре. Или сам кому слово молвишь и под пыткой дни свои закончишь..., – она вытерла рукавом заплаканное лицо: «Как можно любимого на смерть посылать?»

– Как ты могла подумать, что донесу я на тебя? Ты жена моя, плоть моя, ежели больно тебе, то и мне больно, заботит что тебя, то и мои заботы. До смерти нас Бог соединил..., – Федор прижал ее к себе.

Феодосия стиснула его пальцы.

– Что тебе Матвей говорил, так неужели могу я хоть на столечко в тебе усомниться? Говорил и говорил. Глядячи на тебя, любой голову потеряет. Не думай о сем, забудь.

– Как жить—то теперь будем, Федор? – она покусала сухие губы.

Боярин развел руками.

– Как жили, так и будем. Сдается мне, легче нам жить станет, хоша ненамного, а легче.

– А Марфуша?

– Пока пусть растет, там посмотрим. Тебе батюшка твой когда все рассказал?

– Как десять или одиннадцать мне исполнилось. Федор, но как же так?

– Что?

– За то, что я тебе сейчас поведала, на костер отправляют.

– Я Феодосия из тюрьмы монастырской спас, за что меня тоже по голове не погладят, коли узнают..., – хмуро сказал Федор:

– Через две недели царь из Кириллова монастыря на Москву тронется. Надо, чтобы ко времени сему и духу Косого здесь не было. Я бы и Башкина с ним отправил, но ежели человек на дыбу рвется, я его оттаскивать не буду. Ты мне скажи, сможет ли батюшка твой помочь нам в сем деле?

– Ты как хотел Феодосия—то вывозить?

– Дак через Смоленск. Есть у меня там человек, обязанный мне кое—чем. Он провел бы Косого до литовской границы. Но сейчас думаю, не лучше ли грамоту отцу твоему спосылать? Есть же у вас на Москве тайные гонцы? – Федор взглянул на жену.

– Все ты знаешь, – улыбнулась она.

– Все да не все. Например, читал я послания архиепископа Геннадия...

– Пса смердящего! – перебила в сердцах Феодосия:

– Он да Иосиф Волоцкий заклятые враги наши. Вез он по Новгороду людей на казнь, дак одел их в берестяные шлемы и написал на них «Се есть сатанино воинство», а потом велел шлемы сии на их головах и поджечь.

– Что Геннадий про вас пишет, знаю, а что вы сами говорите, не знаю, а узнать бы хотелось.

– Дак я могу и сейчас, – Феодосия осеклась, прерванная долгим поцелуем мужа.

– Не время для богословия, луна давно поднялась..., – Федор протянул ей руку: «Пойдем».

– Далече?

Он подтолкнул ее вперед.

– Ежели муж говорит, пойдем, дак надо идти, а не вопросы задавать. Как в Новгороде мужья с женами живут, не разумею..., – смешливо пробормотал Федор.

Пока они плыли на остров, в середине уединенного озера, Феодосия откинулась на корму лодки:

– Ночь сегодня какая, звезды падают, словно что их к земле тянет.

– Слыхал я, на севере на небе пазори играют. Видала ль ты их?

– Батюшка меня ребенком на Поморье возил. То вещь пречудесная, Федя, сполохи на небе разноцветные светятся, столбы света ходят, даже треск от них слышно.

– Не знала, что у тебя тут дом поставлен..., – она прошла в низкую дверь.

Федор запалил свечу. Феодосия увидела широкое ложе, застеленное мехами, закопченный, сложенный из озерных валунов очаг:

– Охота хороша в лесах, да и рыбалка тоже..., – Федор улыбался: «Срубил сторожку, вдруг придется на ночь остаться».

– Так бы и не уходила отсюда..., – Феодосия вытянулась на медвежьей шкуре, Федор разжег очаг.

– Да и я бы тоже, – пошарив в темном углу, он вытащил бутылку мутного стекла: «На—ка, испей. Пока еще огонь разгорится, а ты промерзла вся, на воде—то.

Жидкость обожгла горло. Феодосия, закашлявшись, поперхнулась.

– Что сие, Федор?

– Хлебное вино. Отпей, у тебя руки какие, ровно лед..., – Федор медленно провел губами по гладкой коже, от кончиков пальцев до запястья и выше, где на сгибе локтя билась нежная жилка.

– Я захмелею! – испугалась Феодосия.

– И хорошо..., – усмехнулся муж:

– Я на тебе сколько женат, а во хмелю не видал. Охота посмотреть, а послушать и более того. Здесь тишь да безлюдье, не то что на Москве или в усадьбах. Стесняться некого.

От вина ли хлебного, от горевшего ли в очаге костра, Феодосию бросило в жар. Распустив косы, она растегнула верхние пуговицы сарафана.

– погоди, я сам..., – Федор остановил ее.

– Говорил я, что люблю тебя более всего на свете? – он зарылся лицом в светлые волосы.

– Говорил..., – Феодосия прикрыла глаза.

– Еще скажу и не устану повторять..., – шепнул ей муж, – до самой смерти моей.

Проснувшись на рассвете, Федор почувствовал, что Феодосии рядом нет. Примятые меха еще хранили ее аромат, прохладных цветов. Выйдя на порог, он взгляделся в легкую дымку над озером.

Она стояла по колено в воде, собирая на затылке потемневшие в воде косы. Федор стиснул руку в кулак:

– Довольно одного слова Башкина и она сгорит, привязанная к столбу на торжище, заплыванная и опозоренная толпой, и не будет ей спасения..., – Феодосия вышла на берег. Подняв ее на руки, Федор прижал жену к себе:

– Я на самую страшную казнь пойду, но спасу Федосью с Марфой..., – не отрываясь от ее губ, он захлопнул дверь сторожки.

– Доставишь Феодосия до Твери, Степа, сдашь его на руки человеку, о коем в грамотце говорится и сразу назад.

Степан Воронцов умоляюще посмотрел на Вельяминова.

– Даже не думай, – отрезал боярин.

– Сказано, что поедешь в Новгород опосля венчания, значит опосля. Ишь чего захотел, со свадьбы родной сестры сбегать. Знаю я, что тебе братец не по душе, но ничего не поделаешь, сродственниками не бросаются.

– В Твери потише будь, – добавил Федор: «Возок у вас неприметный, одежду тоже невидную надень».

– Я, Федор Васильевич, не из тех, кто золотом обвешивается, ровно баба, – съязвил Степан.

Вспомнив о сыне, Федор смолчал.

– Я бы и до Новгорода его довез, – не унимался юноша.

– Делай, что велено тебе, Степа..., – хмуро отозвался Вельяминов:

– От Твери до Новгорода они теми путями поедут, коих ты не ведаешь. Главное, чтобы до Твери вас не перехватили. Ищут Феодосия по Москве, хорошо, что большая она. На столбовую дорогу не суйтесь, езжайте проселочными. Не в быстроте дело, а в том, чтобы не нашли вас.

– Да понял я, – пробормотал Степан.

– Готово все, Федор Васильевич – вошел в горницу Башкин

– Зови Феодосия, наверху он.

Распахнув окошко, Феодосия высунулась во двор.

– Готов возок твой, прощаться надо.

– Как мне благодарить тебя, боярыня? – взглянул на нее Феодосий: «Руку ты мне спасла, укрывала, кормила да поила, семью свою оставила».

– Не надо мне благодарности, – вздохнула боярыня:

–Главное, чтобы ты живым и невредимым остался. Батюшка написал, что из Твери до Новгорода тебя окольными дорогами повезут. Ты на него положишься, до ливонской границы и через нее проведут тебя.

–Храни тебя Бог, Феодосия, тебя и всю семью твою..., – монах замешкался: «Стыдно мне, что вроде бегу я, а вы остаетесь».

–Дак у каждого судьба своя, – Феодосия пожала плечами: «Ежели не свидимся мы более, все равно я помнить о тебе буду».

В дверь постучали.

–Пора тебе..., – Феодосия коснулась губами лба монаха..., – благослови тебя Бог.

В прохладном тумане Федор проверил упряжь и лошадей.

–Заодно и руку набьешь, – весело сказал он племяннику:

–Нонче все верхами ездят, как вожжи натягивать и забыли давно. Не гони только, не хватало вам колесо сломать по пути. Здесь до Твери яма на яме, что на проселках, что на столбовой дороге.

–Тебе я вот что принес, – Вельяминов протянул монаху книгу: «Только вчера переплетать закончили. Первый Псалтырь московской печати. Откроешь на чужбине и вспомнишь про нас».

– Дак лучше боярыне..., – запротестовал Феодосий.

– Боярыне тоже есть, – отозвался Федор, – нешто я про нее забыть мог.

Башкин приобнял Феодосия.

– Прощай.

– Ехал бы ты, Матвей Семенович, со мной, не будет тебе здесь жизни.

– Дак и там не будет, Феодосий. Дай тебе Бог счастья, а мне, горемычному, видно, и не испытать его..., – Башкин понуро побрел к воротам.

Возок выкатился из усадьбы. Проводив его глазами, Федор пошел вслед за Башкиным.

– Матвей Семенович, погоди, надо парой слов перемолвиться.

Они двинулись по протоптанной среди луга тропинке.

Развиднелось, в небе завел песню жаворонок. После долгого молчания Вельяминов сказал:

–Не мое сие дело, Матвей Семенович, но не ходил бы ты на суд. Хочешь ты, чтобы услышали тебя, но кто на суде—то будет? Там сидящим хоша кол в голову вбей, ничего они не поймут. Зазря только погибнешь.

– Если боишься, Федор Васильевич, что я на тебя али кого из родных твоих укажу..., – начал Башкин.

– Ты под пыткой не был, – перебил его Федор.

– И ты не был! – остановился Башкин.

– Не был..., – признал Федор, – однако видел, что пытка с людьми делает.

– Феодосия пытали, однако он ни на кого не указал..., – буркнул боярин.

– Люди, Матвей, они разные..., – вздохнул Вельяминов:

–Иногда думаешь, кто, как не я, пытку выдержит? Выдержу и не скажу ничего. Но как раскаленными клещами зачнут ребра тянуть, дак не знаю я, снесешь ты это, или нет. Ежели не снесешь, дак жена моя на плаху ляжет рядом со мной, а дочь сиротой останется и сгинет в неизвестности. Рассуди сам, что я должен делать?

– Мы, Федор Васильевич, одни..., – Башкин посмотрел боярину в глаза..., – ты сильнее, прикончи меня, и вся недолга. Тело ночью в лесу зароешь. Пропал и пропал я, кто искать будет?

–Чушь городишь, – отрубил Вельяминов: «Отродясь я на невинного руки не поднимал и не подниму до смерти моей. Остается мне, Матвей Семенович, надеяться, что выдержишь ты».

– Но ведь я бы мог...

– Мог бы, – усмехнулся Федор:

–Только жена моя, как в Писании сказано, плоть едина со мной. Хоша бы ты и донес на меня, не досталась бы тебе Феодосия. Не потому, что не может она другого возлюбить. Может, однако если б она полюбила тебя, она б пришла ко мне и сказала о сем..., – Вельяминов помолчал:

– И говорить не стоит более. Не такой ты человек, боярин, ты мне поверь.

Взявшись за чтение, Феодосия отложила книгу. Неуютно было ей в залитой утренним солнцем светелке.

– За Марфой надо спсылать..., – подумала она: «Может, Прасковья и Петю с ней отпустить. Хлопот много, к свадьбе готовиться, что он под ногами будет мешаться. Здесь хорошо бы деткам вместе было».

–Смотри, что принес я тебе, – Федор переступил порог: «Косому я тоже в дорогу такую дал. Первый псалтырь московской печати».

Длинные пальцы сомкнулись на кожаном переплете.

–Что будет с нами, Федя? – подняла она глаза на мужа: «Чего ждать?»

Вельяминов, не глядя, раскрыл книгу на середине.

– Сказано в Псалмах Давидовых, Федосья: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя?»

– Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю..., – продолжила Феодосия.

– Иного пути нет..., – Федор обнял жену, так что стали они единым целым.

По тверской дороге неторопливо пылил запряженный невидными конями возок.

По ярославской, из далекого Кириллова монастыря, гнал на кровном жеребце гонец. Где проезжал он, звонили в церквях колокола, зажигали свечи, зачинали панихиды за упокой души. Шли по его следам с севера тяжелые, грозовые облака.

– Дак что с мамкой—то стало? Той, что царевича Димитрия, мир праху его, – Феодосия набожно перекрестилась, – из рук выпустила?

Василиса Аксакова, приехавшая с поездом царицы из Кириллова монастыря, помрачнела.

–Государь ее посохом в висок ударил, ногами топтал, а как остыл, она и мертвая была. Еще кричал: «Лучше б ты сама сдохла, ведьма». Из взрослых никто даже воды не нахлебался, место мелкое. Только со струга по мосткам на берег сойти. Кто знал, что они перевернутся? Младенец ведь, сколько ему надо?

– А что царица? – спросила Прасковья.

– Металась, выла, а потом всю дорогу до Москвы лежала и плакала. Тихо, жалобно. Все повторяла: «Не надо было маленького туда возить, говорили государю». Еще, матушки, сказывают..., – Василиса понизила голос.

– Что?

Аксакова оглянулась по сторонам.

–Государь к Максиму Греку ездил, перед тем как на богомолье отправиться. Тот ему сказал: «Путь дальний, трудный, неча жену и младенца новорожденного брать». Но царь не послушался.

–Бедная царица—матушка. Хуже нет дитя потерять, еще и вымоленное..., – вздохнула Феодосия.

–Федосья, Параша, – донесся из опочивальни слабый голос. Анастасия откинулась на высокие подушки. Красота царицы поблекла, под глазами залегли круги, неубранные волосы падали на плечи:

–Надо мне встать сегодня..., – Анастасия повела рукой.

– Окстись, государыня, – охнула Феодосия: «Нельзя тебе...»

– Не буду ходить, другую приведут, – отрезала Анастасия:

– Тебе, Федосья, хорошо. У твоего Федора сын, а что ты дочку ему родила, оно и лучше. Твоя Марфа с Матвеем за богатство не поспорит, взамуж уйдет. Здесь же не деревни в наследство, а страна цельная. Пои меня травами, но чтоб я сегодня вечером на ногах была.

Прасковья осторожно взглянула на царицу.

– Что зыркаешь? Нынче нужное время, с Божьей помощью понесу.

– Дак матушка...

– Молчи, сама знаю..., – устало отозвалась Анастасия:

– Думаешь, мне носить легко? Мне не шестнадцать давно, сама посчитай, сколько. Но ежели я наследника не рожу, все одно что и не было меня. Сошлют в монастырь, и поминай как звали. Соломонию Сабурову государь Василий сослал, а я чем лучше?

Феодосия пошла в боковую светелку готовить питье из трав, Прасковья взялась причесывать Анастасию.

– Что Марья—то? – поинтересовалась та.

– Дак, матушка, только царевича схоронили, куда теперь венчаться. До Покрова отложили.

– Матвей вроде остепенился, – задумчиво сказала Анастасия: «Тихий стал, богомольный, в Кирилловом монастыре поклоны бил, постился. Не узнать его. Может, и сладится у них с Марьей».

– Государыня, выпей—ка..., – Феодосия поднесла к губам царицы золоченый кубок: «Сразу полегчает».

Анастасия встряхнула головой.

– Неси одеться, Параша. Вам с Федосьей хорошо, вы за мужьями как за каменной стеной, ни забот у вас ни хлопот. Я каждый шаг словно по острию меча иду..., – царица спустила ноги на пол:

– Оступлюсь..., – вздохнула Анастасия, – и не вспомнят, как звали меня.

Царь Иван Васильевич стоял на молитве.

Со времени возвращения из Кириллова монастыря плечи его опустились, спина сгорбилась. В густой бороде засверкала легкая седина.

Отбив последний из земных поклонов, он опустился в глубокое кресло у окна.

– Алексей Данилыч, здесь ты?

От притолоки отделилась темная фигура окольничего Басманова

– Нашли монаха, что из Андроникова монастыря пропал? – поинтересовался царь: «Феодосием его, кажись, звали. Ересь у него вроде стригольная была».

– Не нашли, батюшка Иван Васильевич, как в воду канул, окаянный..., – развел руками Басманов.

– В воду? – хмыкнул царь: «Яуза рядом, лодью подогнать дело минутное. На Москву—реку вышел и поминай как звали. Ты отцов святых в монастыре поспрашивал ли?»

– Божатся все, что ни сном ни духом. Со всеми разговаривал, кроме отца келаря.

– С ним что не перемолвился? – зевнул царь.

– Волей Божьей скончался отче Нектарий, когда мы на богомолье ездили. Тучен он был, припадок у него случился, язык отнялся, дак и помер..., – ответил Басманов.

– Упокой душу его, Господи..., – положив перед иконами семипоклонный начал, царь велел:

– Позови мне Вельяминова Федора Васильевича. Сам ступай, порой носом землю. Люди просто так не пропадают, не уплыл же монах сей рыбой по реке.

Когда Вельяминов зашел в палаты, царь любовался закатом над Москвой.

—Красиво как, — обернулся Иван: «Глядишь и думаешь, и сие Божье промышление, и то, что наследник мой, жданный да вымоленный, в грязной воде захлебнулся, аки холопское отродье».

—На все воля Божья, государь..., — тихо отозвался Вельяминов:

—Как дети у меня от Аграфены умирали, а я ведь восьмерых схоронил, я про Иова многотрадального думал. Он лежал на гноище, язвами покрытый, Сатана искушал его, а он не возроптал.

—Митрополит Макарий то же говорит, но я не святой, да и ты не святой. Ужели не проклинал ты Бога? — испытующе посмотрел царь на Вельяминова.

— Не проклинал, — помолчал Федор Васильевич, — но спрашивал, за что мне сие?

— И я вопрошаю, но нет мне ответа..., — царь прошелся по палатам:

—У тебя, Федор, хоша один сын остался, все легче. Спасибо тебе за Матвея, ежели бы не он, не знаю, как все повернулось бы. Он сам в гонцы вызвался, дневал в седле и ночевал, а вперед нас на Москву успел, чтобы панихиды служить зачали.

— Государь, ты прикажи, я тебе не только сына, я и жизнь свою отдам.

— Знаю, что ты слуга мой вернейший..., — царь вернулся в покойное, обитое бархатом кресло:

—Дело есть одно, в коем ты помочь сможешь. Есть на Москве боярин из мелких, Башкин Матвей. Может, слыхал ты про него?

— Куда их мелкопоместных упомнить—то? — развел руками Федор.

—Сей Башкин Великим постом ересь зачал болтать, — задумчиво сказал царь, — похожую на бредни, за кои дед мой дьяка Курицына на Москве казнил, а архимандрита Кассиана в Новгороде. Еще привезли монаха, Феодосий Косой по имени, с такими же ересями. Вроде задавили стригольников и жидовствующих, но жива змея, плюется еще..., — Иван Васильевич стукнул сильным кулаком по подлокотнику.

— Дак что сей монах—то, в остроге?

— Сбежал он из Андроникова монастыря, пока мы на богомолье ездили..., — недовольно отозвался царь: «Вот и сажай людей в темницы обительские после сего, никакого досмотра за ними нет. Тебя я не виню, ты книжную печать налаживал, не до сего тебе было. Теперь Басманов Косого ищет, да, боюсь, не найдет».

— А Башкин что? — безразлично поинтересовался Федор.

—Под надзором в своей усадьбе сидит до суда. Федор Васильевич, тебе на суд—то надобно прийти. Ты человек ученый, начитанный, ты разберешься в ереси его. Не Басманова же туда отправлять, дубину стоеросовую. Он только и знает, что ноздри рвать да кнутом бить. Святые отцы, ежели не надзирать за ними, такого наплетут, что потом сто соборов не разберутся.

— Что повелишь, государь, то и исполню.

Когда Федор выходил из светлицы, царь окликнул его:

—Ты Башкина поспрошай насчет Косого. Чую, одной веревочкой они повязаны. Ежели заператься будет, дак на дыбу его.

— Сделаю по воле твоей..., — Федор поклонился царю.

Марья Воронцова писала при свече в девичьей светелке. Матвей вернулся из Кириллова монастыря с известием о гибели царевича, свадьбу отложили до Покрова. Марья и не видела жениха, бывшего рядом с государем. Свернув грамоту, запечатав ее воском, девушка постучала в стенку.

— Степа, здесь ты?

— Заходи, — разрешил брат.

Накинув домашний сарафан, Марья босиком шмыгнула в соседнюю горницу.

– Передашь? – она протянула грамотцу.

Степан угрюмо взглянул на сестру. Она присела напротив.

– Отчего ты, Степа, Матюшу невзлюбил, не пойму. Он нам сродственник, а теперь еще и зятем тебе будет приходиться. Чем он тебе нехорош?

– Что ты в нем нашла, не пойму..., – скривился брат: «Из него одним щелчком дух вышибить можно. Сейчас хоша волосья окоротил, перстней поменьше стало, а то совсем бы как девка был...».

– Когда сам полюбишь, – вскинула голову девушка, – тогда и поймешь, что неважно сие! Пришлась бы тебе какая девица по душе, Степа, дак может, ты бы добрее стал, не шипел бы на всех, аки змий. У Василисы Аксаковой дочь Настасья, пятнадцать годов ей сровнялось, чем не невеста тебе? Боярыня Василиса при царице, муж ее покойный в милости у царя Ивана Васильевича был.

– Видел я сию Настасью, – зевнул Степан: «Полено поленом, только и разницы, что веснушки по всему лицу»

– Переборчивый ты, братец..., – хихикнула Марья.

– А сама—то? – Степан ловко кинул в нее подушкой

Сестра примостила ее себе на колени.

– Ино ты невестку нам из Новгорода привезти собираешься? Али с Поморья самого? – Марья лукаво подмигнула Степану.

– Будет на то Божья воля, дак привезу..., – усмехнулся Степан.

– Мне бы хотелось в Индии побывать, – вздохнула девушка:

– На севере холодно, морозы лютые, льды, ветер свищет. В «Хожении за три моря» как написано: «А к слоню вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат их в доспехи булатные». Вот бы на слонов хоть одним глазком посмотреть, Степа!

– В Индии тоже моря есть, только теплые, – рассеянно сказал Степан, просматривая рукописные грамоты:

– Говорил Федор Васильевич, что португальцы во времена покойного государя Ивана Великого морским путем вокруг Африки прошли и в Индии высадились.

– Индия, в кою испанцы плавали, другая сие? – робко спросила сестра.

– На карту бы хоша раз посмотрела, вместо того, чтобы наряжаться да румяниться, – ехидно ответил Степан: «Марфе нашей четвертый годок пошел, а она может показать, где Москва, а где Новгород. Там не Индия, то Америка, новая земля».

– Совсем новая? – Марья распахнула синие глаза.

– Ты подумай, – оживился Степан, – за Казанью, за Волгой, тоже новые земли. Или Пермский край, где Вассиан, старший сын Федора Васильевича, монашествует. За ним Югория лежит, где, говорят, ночь длится полгода и полгода день.

– Там люди с песьими головами живут..., – зевнула Марья.

Степан ухмыльнулся.

– Поеду в Югорию, привезу невестку тебе с головой песьей, что тогда делать будешь?

– Дак залаю, как с ней еще разговаривать—то! – прыснула сестра.

Поднявшись на рассвете, Федор, осторожно, чтоб не разбудить жену, пошел к двери. Обернувшись на пороге, он залюбовался Федосьей, слушая ее тихое дыхание. Серый глаз приоткрылся:

– Куда это ты собрался?

Вернувшись, Федор привлек ее к себе, как всегда, удивляясь тому, что она скроена словно для его объятий.

– В Москву мне надо. Башкина завтра судить начинают.

– А ты—то... – начала Феодосия. Она осеклась, прикрыв рот ладонью: «Нет!».

– Дак что я государю скажу? – невесело отозвался Федор:

Не посылай меня на суд соборный, ино я с подсудимым знаком? Тогда мы точно все на плаху ляжем. Сразу начнется, почему знаком, да откуда знаком, да что говорил, а там и до басмановских подвалов недалеко, с кнутом и клещами.

—Что ж делать—то?

Федор пожал плечами.

—Одна надежда, что Матвей Семенович не укажет ни на кого. Глядячи в глаза—то человеку, сложнее сие.

—Может, оно и к лучшему, — задумалась Феодосия: «Ежели придется тебе допрашивать его, дак ушей чужих вокруг не будет».

— Это навряд ли, — помрачнел Федор: «Там всегда есть уши. Другое дело, что не видишь ты их, а они все одно слушают, да кому надо передают».

— Надолго ли едешь? — Федосья прижалась головой к его плечу.

—На месяц, а то и поболее. Как пойдет. Может, Матвей Семенович завтра покается, определят ему ссылку в монастырь, да и дело с концом. Но может и затянется, Бог ведает. Раз ты встала, дак...

— Сейчас оденусь..., — захлопотала женщина: «Тебе что собрать с собой?»

—Не хочется мне, чтобы ты одевалась..., — Федор распустил ее косы: «Ты за мной замужем пятый год, видел я тебя по—всякому, а ты все равно краснеешь, аки девица невинная. У вас там в Новгороде все такие?»

— Про всех не скажу, не знаю..., — Феодосия часто задышала.

—Значит, мне повезло..., — Федор уложил ее обратно на подушки: «Иной раз посмотришь на тебя, вроде скромница, глаз не поднимет, воды не замутит, а потом диву даешься, что вытворять умеет».

— Сам же и обучил, — простионала Феодосия.

— Покажи умения—то..., — Федор вдохнул цветочный запах ее волос, почувствовал ее губы, совсем рядом.

— А ты? Тоже покажешь?

— Ты еще и не знаешь, на что я способен..., — он притянул жену к себе. Не понимая, где ее тело, где его, Феодосия обняла его сильно, как еще никогда не делала.

—Только вернись ко мне, обещай..., — она вытянулась в его руках,

—Обещаю, — прошептал Федор: «Ты мой дом, мое счастье, единственная любовь моя. Я вернусь, Феодосия».

— Поворотись—ка, — Прасковья Воронцова придирчиво оглядела дочь:

—Опять в груди убирать надо. Зачем ты себя, Марья, голодом моришь, за день едва ломоть хлеба съела. Гляди, венчание длинное, еще сомлеешь в церкви.

Марья нетерпеливо притопнула ногой.

— Не могу я есть, матушка. Сначала почти три года ждали, потом сговорились на после Успенья, а теперь Покрова ждать. Сколько ждать еще, кусок в горло не лезет!

—Не гомони, — Прасковья одернула на дочери опашень..., — доведешь себя, не евши, да рыдая день—деньской, до того, что муж под венцом не узнает. И так глаза запали.

Марья схватилась за ручное зеркальце.

— Вовсе не запали, — она повертела головой: «Придумаешь ты, матушка».

— Сядь—ка, — похлопала по лавке Прасковья: «Поговорить мне надо с тобой».

— Говорили, — закатила глаза Марья: «Знаю я все!»

—Я не про сие, — вздохнула Прасковья:

—Ты не ребенок, Марья. Мы с батюшкой твоим двадцать годов живем в любви и согласии. Я всегда ему доверяла и сейчас доверяю, и нет у меня в нем сомнений. Ты замуж выходишь хоша и за сродственника нашего, за сына достойного человека, но ты знаешь, что про Матвея

говорят. Ты девка собой видная, разум у тебя в голове стал появляться, но ежели муж от жены гулять зачнет, дак его ничем не удержишь.

– Не загуляет от меня Матвей, – раздула ноздри Марья: «Не посмеет».

Прасковья махнула рукой:

–В девках сидючи, все сие говорить горазды. Не будет, не посмеет, не позволю. Потом, как их муж кулаками али плетью поучит, дак утрут слезы и ноги перед ним молча раздвинут, даже если он только что с срамной бабы слез. Потому как он муж и отказать ему нельзя. Не приведи Господь, еще дурную болезнь какую принесет.

–Не таков Матвей..., – резко отозвалась Марья: «Может, было что раньше, но сейчас не таков он. Батюшка али Федор Васильевич тоже гуляли до венчания, а теперь мужья верные».

Прасковья усмехнулась: «Не рассказывать же девке, что отец ее под брачные венцы пришел не изведав никаких утех плотских».

Марья уткнулась лицом в мягкое материнское плечо.

–Все хорошо будет, матушка. Мы с Матвеем проживем в любви и согласии, сколько Господом отпущено. Ты еще внуков понянчишь.

– От Степана внуков, чую, долгонько ждать..., – кисло отозвалась Прасковья: «Не сказывал он тебе часом, не пришелся ему по сердцу кто из дочерей боярских?»

Марья скорчила гримасу.

– Степе лодыи девушек во сто крат милее. Вчера говорили с ним, дак он ждет венчанья, чтобы в Новгород удрать. Еще на Поморье хочет поехать.

–Святой Боже, – перекрестилась Прасковья: «Вот и расти парней. Уйдет на цареву службу али воевать, и поминай, как звали. Петенька, кажется, младенчик несмышленный, но отец на охоту его возит и в седле он крепко сидит. Не успеешь оглянуться и он вырастет...».

–На то и я, чтобы завсегда при тебе остаться, матушка..., – Марья чмокнула мать в прохладную щеку. Они обнялись, сидя на лавке. Так их и застал вошедший в горницу Михайло Воронцов.

Соборный суд начинался ни шатко ни валко. Святые отцы после трапезы рассаживались в палатах, перешептывались, искоса взглядывая на Федора.

Вошел сухощавый, седовласый митрополит Макарий. Святые отцы заторопились к нему под благословение. Зорко оглянув залу, приметив Вельяминова, митрополит поманил его к себе. Поклонившись, Федор поцеловал старческую руку. Макарий пристально взглянул на него:

– Не ты ли иноку Вассиану из Чердынского монастыря отец по плоти? Федор Васильевич, так?

– Так, владыко.

–Спасибо тебе, боярин за сына, угодил, – обнял его митрополит: «Игумен его пишет, что нет во всем Пермском крае монаха, более его заботящегося о просвещении инородцев. Не токмо зырянский, но и остяцкий язык он выучил, ездит к ним в становища, Евангелию учит, школу при монастыре устроил.

Федор помнил Вассиана мальчишкой, когда сына еще звали Василием. Аграфена—покойница не любила первенца, считая себя виноватой в уродстве ребенка. Сам Федор при больном мальчике тоже стыдился своего роста, широких плеч и громкого голоса. Приходя к нему, сын завороженно трогал оружие. Когда отец осторожно посадил его на смиренного коня и сделал круг по двору, Вася только восторженно ахнул.

Читать сын научился сам. Федор с Аграфеной с удивлением слышали, как трехлетка по складам разбирает Псалмы. Отец стал заниматься с ним каждый день. Вскоре Вася бегло читал и начал писать. Федор немного обучил его греческому. Когда стало понятно, что сын уйдет в монахи, Василий начал учиться у священников.

Они не виделись восемь лет, с той поры, как Вассиан уехал из Троицкого монастыря на служение иноческое в дальний Пермский край.

– За книги богослужебные тоже спасибо тебе, Федор Васильевич, – донесся до него голос Макария: «Ежели б не ты, дак мы бы раскачивались Бог ведает сколько. Теперь Евангелие да Псалтырь более переписывать не надо».

– Ради святого дела, владыко, я завсегда готов послужить, – отозвался Федор. Боярин решил, что надо съездить в Чердынь к Вассиану и привезти туда сестру его единокровную.

– Долог путь, а надо, – пообещал он себе, усаживаясь в кресло, что стояло особо для царского боярина ближнего: «Федосья порадуется и Марфе полезно другие края повидать».

В опочивальне Воронцовых горела единая свеча. Михайло захлопнул рукописный Псалтырь.

– Как Марья?

Прасковья отложила вышивание.

– Не ест ничего, с лица спала, дак я ее не виню, – она помолчала, – сколько томить можно девку? Говорила я с ней насчет Матвея, что слухи разные про него ходили, хоша он и остепенился в последнее время.

– А она что? – усмехнулся муж: «Небось, брыкалась? Не такой Матвей, мало ли что о ком брешут?»

Прасковья кивнула:

– Поди скажи девке влюбленной, что плохое про нареченного ее, живьем тебя съест. Мне бы тоже до свадьбы про тебя что сказали, дак не послушала бы.

– Про меня и говорить нечего было..., – Михайло потянулся: «Я ж тогда был ровно как Степа сейчас. Только у него лоды на уме, а у меня кони да доспехи были. Какие девки, я об них и не думал!»

– Однако посватался, – рассмеялась Прасковья.

– Ты на меня очами так глядела, что попробуй не посватайся..., – Михайло притянул к себе жену: «Я подумал, что кони никуда не укачут, а синеглазую надо к рукам прибрать, вдруг уведет кто».

– Марья знаешь, что сказала, – оживилась разнежившаяся Прасковья: «Батюшка тоже гулял до венчания, а теперь муж верный. Я не стала ей говорить, как на самом деле было».

– Да не надо, – вспомнив что–то, известное только двоим, Михайло тоже улыбнулся: «Муж я верный, дак зачем мне чужие объедки, коли дома у меня стол завсегда накрыт?»

– Михайло, – забеспокоилась Прасковья, – а ежели со Степаном что в Новгороде случится?

Муж присвистнул.

– Мать, нельзя парня осмнадцати лет возле бабского подола держать. Он выше меня и в плечах шире. Пуцай мир посмотрит, себя покажет. Может, невесту себе на севере найдет. Петруша пока при нас, и долго под нашим крылом останется. Опять же... – Михайло покосился на жену.

– Думаешь, получится? – прошептала она.

– Отчего нет? Я хоша на Бога и надеюсь, но и сам кой–чего тоже делаю, так? – он задул свечу.

– Так что, боярин, – скрипуче сказал митрополит Макарий, – признаешь ли ересь свою и хулу на церковь святую?

– Сие вовсе не хула, владыко, а лишь мысли мои. Не сказано в Писании, что человек мыслить не может. Для сего и дал Бог нам разум, чтобы отличались мы от животных..., – Башкин откинул голову.

– Мыслить, – протянул митрополит. Подойдя к Башкину, Макарий обошел его кругом. На зимней охоте Федор видел волков, загнавших оленя. Оскалив клыки, вскочив зверю на хребет, вожак в мгновение перервал ему горло.

– Смелый ты, боярин, – Макарий, не глядя, щелкнул пальцами. В его руке оказалась грамота. Митрополит прищурился: «Еще сей Башкин святую и соборную апостольскую церковь отриче и глаголе, яко верных собор сие есть токмо церковь, сия же зданная ничтоже есть». Говаривал ли сие? Или лжет отец Симеон, у коего ты исповедовался?»

– Ежели и говорил, что с того? – Башкин пожал плечами: «В церкви немало служителей недостойных. Сие все ведают, и ты, владыко, тоже!»

Макарий с размаха хлестнул его по лицу.

– Молчи, пес! Язык тебе за такие словеса вырвать мало! Церковь святая есть опора престола! Кто колеблет ее, на власть царскую руку поднимает!

Башкин взглянул на Вельяминова.

Третий день Федор сидел на суде и было ему мучительно стыдно. На его глазах насмехались над тем, во что он сам верил всей душой.

– Не вздумай! – увещевал он себя под брань митрополита: «Если б ты один был, дак встал бы рядом с Матвеем Семеновичем. Пущай пытаются и казнят, хоша умер бы, дак с честью. Но тебе жить надо, не заради себя, а заради Федосьи и Марфы. Нельзя семью сиротить».

– Еще говорил ты, – гневно продолжил Макарий, – будто Господь Бог и Спаситель наш Иисус Христос неравен Его Отцу. Тако же проповедовал еретик колдун Феодосий Косой, что сбежал из тюрьмы в Андрониковом монастыре. Думаю я, боярин, не твоих ли рук дело, побег сей?

– Не знаю никакого Феодосия. Что я говорил, только мое учение сие..., – хмуро отозвался Башкин.

– Сие вовсе не учение, а прелесть дьявола, соблазнившего тебя и ввергшего в пучину ереси, – Макарий немного смягчился: «Покайся, Матвей, отрекись от своих слов, вернись в объятия Господа нашего Иисуса Христа и прощен будешь».

– Не в чем мне каяться, и отречься не от чего..., – отрезал Башкин.

Макарий метнул быстрый взгляд на Федора. Боярин заставил себя кивнуть.

– Был я с тобой ласков, Матвей, дак минуло время сие, – угрожающе тихо сказал митрополит: «Есть суд церковный, а есть слуги царские. Они с тобой потолкуют наедине, а я слушаю, что ты решил. Так и приговорим».

В Кремле служили сороковины по новопреставленному младенцу Димитрию. После заупокойной службы в государевых палатах собрались на трапезу ближние бояре.

Матвей Вельяминов сидел на скамейке у царевых ног.

– Матюша, ты почто власы остриг? – улыбнулся Иван Васильевич

– Венчание на носу, государь, – развел руками Матвей: «Взьелась на меня родня. Говорят, что не на парня я похож, а на девку. Велели перстни снять и каблуков не носить. Старики они, что с них взять».

– Жаль, – Иван взъерошил волосы юноши: «Красивые кудри у тебя были, как у Авессалома царевича, восставшего против отца своего Давида. Помнишь от Писания—то?»

– Как не помнить, – кивнул юноша:

– Авессалом же бе седяй на мске своем, и вбежа меск в чашу дуба великаго, и обвишася власы главы его на дубе, и повисе между небом и землею, меск же под ним пройде, – нараспев проговорил Матвей: «Может, оно и к лучшему, государь, что власы у меня теперь короткие».

Иван рассмеялся.

– Батюшка твой, Матюша, не царь Давид, идти тебе против него зачем? Наследство тебе достанется, невесту ты берешь с приданым богатым, едина дочь она у Воронцовых?

– Двое братьев у нее, а дочь единственная.
Налив себе вина, Иван откинулся на спинку кресла. Вокруг шумели захмелевшие бояре.
– Скажи, Матвей, крепко ли любишь ты меня?
– Как тебя не любить, государь—батюшка? – юноша приник губами к царской руке:
«Слуга я твой верный до скончания дней моих»
–Верный, говоришь? – Иван помолчал:
–Сие хорошо, Матюша, коли так. Трудно найти человека, чтобы за тебя на все готов был. Приходи опосля вечерни в мои палаты, дело у меня до тебя есть. Посмотрим на верность твою..., – царь не убрал руки с головы Матвея до окончания пира.

Башкина в закрытом возке привезли в Разбойный приказ. В подвалах у ведавшего сыском окольничего Басманова собрали знатнейших на Москве мастеров пыточных дел.

Федор не мог перемолвиться с арестантом ни единым словом.

– Только бы он выдержал, только бы молчал..., – боярин скакал вслед за возком.

–Макарий его не согнул, хотя Макарий лишь надсмехался, а здесь дыба. Однако надо Басманова на место поставить, – решил Федор: «Скажу, что государь велел сперва добром с еретиком говорить».

–Надо Матвею Семеновичу знак подать, пусть говорит о монахе спасенном..., – Федор задумался:

–Косому разницы нет, он в Ливонии или в Литве, отсюда не достанешь. Пусть Башкин все на себя валит. Он сам подкупил Нектария усопшего, – благодарение Богу, что отец келарь вовремя издох, – сам лодку подогнал, сам греб, сам Феодосия через границу переводил.

Федор подстегнул жеребца:

–Но если не поверят? Царь бы не поверил, он подозрителен, ему везде заговоры мерещатся. Окольничий поверит, усерден он, но туп, аки полено. Надо только царю все в должном виде преподнести, а сие я сумею.

Анастасия оглядела себя в зеркале. Она каждый день пила Федосьины отвары. Лицо царицы разгладилось, глаза заблестели. Она заплела в тугие косы темные волосы, с искусно покрашенной волошским орехом сединой. Надев тяжелое ожерелье из жемчугов с алмазами, царица вздохнула. Вернувшись из Кириллова монастыря, муж почти еженощно приходил в ее опочивальню, но шла вторая луна, а она еще не понесла.

– Помоги, владычица, – она перекрестилась на образ Богородицы: «Ежели сына рожу, на коленях Тебя поблагодарю, церкви отстрою, монастырям пожертвую, ни в чем отказа святой церкви не будет. Только помоги!»

Над Кремлем повис бледный полумесяц луны, лодочкой качавшийся на небесах. Крупные звезды рассыпались по темному простору. Трещала свеча в опочивальне. Анастасия все стояла у окна, ожидая стука.

Выглянув наружу, она легко пробежала до царевых палат. Анастасия поскреблась в резную дверь.

– Кого несет? – раздался сердитый голос: «Хоша Москва гори, велено было не тревожить меня!»

– Иван, я это, – шепнула царица.

– Спать иди, не до тебя сейчас, дела у меня.

Приникнув ухом к косяку, Анастасия услышала в опочивальне чужое дыхание. Зашуршала ткань, Иван Васильевич тихо рассмеялся

Она не помнила, как вернулась в покои. Бросившись на холодную постель, Анастасия разрыдалась, уткнув голову в подушки.

Лунный свет стелился дорожкой на драгоценных коврах. Иван наполнил вином изукрашенный бокал.

– Выпей, Матюша, – он обнял юношу: «Не убивайся так. Сие вовсе не грех, а токмо падение. Святые отцы падали, однако каялись и прощены были. Мне не веришь, дак митрополита спроси. Не плачь, милый».

Матвей сдерживал слезы, но все равно расплакался, уткнувшись головой в плечо царя. Сильная рука гладила его волосы. Юноша приник губами к ладони.

– Любишь ты меня, Матюша, – улыбнулся Иван.

В сиянии луны глаза царя из зеленоватых стали желтыми, ровно волчьими.

На первой зимней охоте Матвея егерь в их подмосковной выгнал жоака волчьей стаи прямо на него. Растерявшись, выронив пищаль, Матвей почувствовал рядом дыхание зверя. Повалив мальчишку в сугроб, матерый самец, дернувшись, затих. Матвей слышал, как остановилось сердце волка, подле его сердца. Темная кровь толчками лилась из ран, пачкая лицо мальчика.

Отец, застреливший жоака, помог сыну подняться. Федор Васильевич приказал:

– Оближи губы.

– Зачем? – пробормотал Матвей, не оправившись от испуга. Отец отвесил ему тяжелую затрещину.

– Чтобы помнить, какова на вкус кровь врага, вот зачем!

Он послушно облизал обветренные губы. Соленой была волчья кровь, совсем как людская.

Матвей помнил свой стыд перед отцом, за то, что не справился со зверем сам, помнил, как стирал он с лица снегом звериную кровь.

– Иди сюда, – царь посмотрел в глаза юноши.

– Помнишь, что надо тебе сделать?

Матвей только криво улыбнулся.

– Вот и делай сие..., – Иван помолчал: «Как сделаешь, не окажется у меня слуги более близкого. Со мной теперь будешь, навсегда».

Федор взглянул покрасневшими глазами на окольного.

– Говорю я тебе, Алексей Данилович, государь не велел сразу его пытаться. Токмо ежели запирается.

– Он и запирается..., – Басманов похрустел костяшками пальцев..., – об Косом ничего не говорит.

– Может они и знакомы не были! Откель боярину московскому знать инока еретика. Феодосий, или как его там, в монастырском остроге сидел. Где бы он с Башкиным свиделся?

– Дурное дело нехитрое, – протянул Басманов..., – поспрошаем его как следует и уясним сие.

– Может он и так скажет, – хмыкнул Федор: «Чего ради силы на него тратить? Давай вместе на него насядем, он и откроется».

– Но ежели будет молчать, дак на дыбу, – сладко протянул Басманов.

– На дыбу, так на дыбу, – Федор велел привести Башкина.

Выехав из ворот Кремля, Матвей взглянул в полуночное небо. Над ним блистающей лентой переливался Млечный Путь. Тихо было на Москве, лишь изредка взлаивали собаки да постукивали колотушкой сторожа.

Матвей перекрестился на купол колокольни Ивана Великого, возвышающийся над белокаменными стенами: «Прости меня, Господи, ибо ведаю я, что творю».

Пыль из—под копыт гнедого поднялась в воздух, конь скрылся за поворотом на Воздвиженку.

—Ты, боярин, говоришь, что в ночь, что монах Феодосий сбежал, ты дома спал, — зевнул Федор, — но слуги твои сказывают, что не было тебя в то время в усадьбе. Мол, уехал ты и неизвестно куда.

Басманов ни на мгновение не покидал палат. Федор не то что словом перемолвиться не мог с Башкиным, он и головой качнуть не мог. Подозрителен был Иван. Царь всегда вменял одному из слуг своих ближних следить за другим и доносить на него.

— Истинно, грызем друг друга и терзаем..., — Вельяминов помнил слова того, кто сидел сейчас перед ним.

— Брежут они, — отозвался Башкин: «Ненавидят меня, вот и брежут».

—Дак с чего бы, — наклонился к нему Басманов: «С чего бы им тебя оговаривать? Хозяин ты милостивый, даже холопов на волю отпустил. Выходит, Матвей Семенович, дюжина людей твоих на усадьбе брежет, а ты один правду говоришь?».

Басманов отвернулся. Федор, глядя прямо на Башкина, прикрыл веки. Из мимолетного вздоха узника Вельяминов понял, что план его удался.

Башкин уронил голову на скрещенные руки.

—Ваша взяла, правду скажу.

Привязав жеребца, Матвей взглянул на усадьбу. В единой горнице горела свеча, остальные окна погрузились в темноту. Подняв камешек, юноша метнул его в освещенное окно.

— Кто здесь? — стукнула рама.

— Выдь на двор, отвори ворота, словом надо перемолвиться.

— Случилось что? — спросили из окна, закрывая ставни, гася свечу.

Матвей вздохнул:

—Сейчас бы взлететь в седло и долой из Москвы. В Новгород ли, в Казань, в Смоленск, на Дикое Поле, и до края земли, где нет ни милостей царевых, ни гнева его. Помяни меня, заступница Богородица, в молитвах своих, ибо грешен я, — пробормотал он.

Тяжелым ворота медленно, со скрипом открылись перед ним.

Гнедой жеребец с двумя всадниками вихрем пронесся по Красной площади. Конь скрылся в темной утробе Кремля.

Соскочив на землю, Матвей протянул руку человеку, сидевшему сзади.

— Тихо, — шепнул он: «Спят все».

— Почему ночью—то?

— Откель я знаю? Не буду я государя спрашивать, отчего да зачем! Пойдем, ждет он.

Иван Васильевич сидел в просторном кресле у окна. Тихо было в опочивальне, огни свечей словно застыли.

— Вроде и поставишь их на колени, — царь побарабанил пальцами по подлокотнику, — но ведь поднимают голову. Нет, только страх! Чтобы муж жены убоился, а родитель дитяти своего. Чтобы как Матвей сегодня, — усмехнулся он, — на коленях ползали. Все почему? Потому что сильной руки не пробовали. Но как попробуют, — Иван сцепил пальцы, — потом от счастья рыдают. Неправ был Иисус. Одной любовью ничего не добьешься, любовь из страха рождается. Кого бояться, того и любят. Ломать их надо без сожаления, забирать все, что дорого им. Нет пути иного.

В дверь опочивальни поскреблись. Иван сам впустил внутрь гостя.

— Значит, боярин, ты сам подкупил почившего в бозе Нектария келаря? — Басманов жадно отпил холодного кваса.

— Попить дайте, — Матвей Семенович облизал распухшие губы: «Жарко здесь».

– Ежели расскажешь все без утайки, дак нальем тебе стаканчик, – окольничий отодвинул кувшин на край стола:

– Ты, Матвей Семенович, еще настоящей жары не видывал, – он кивнул на горящий в углу подвала очаг: «Сколько заплатил—то отцу святому?»

– Двадцать рублей, – угрюмо отозвался Башкин.

– Записал, Федор Васильевич?

Вельяминов перевернул страницу.

– С Богом, дальше говори. Устали мы с тобой, боярин, но спать нельзя, закончим, дак отдохнем. Как ты лестницу в монастырь передал?

– Не передавал я! Нектарий покойный сам сплел.

– Вовремя опочил отец Нектарий, – Басманов сплюнул на пол подвала:

– Хочется мне знать, что бы он на сие сказал. Не ты ли виной, Матвей Семенович, в смерти отца—келаря? – вытащив кинжал, окольничий упер рукоять в подбородок Башкину: «В глаза нам смотри, не увиливай!»

– Я его после и не видел..., – Башкин покосился на поблескивающее лезвие..., – дайте голову преклонить, истомился я.

– Мы с Федором Васильевичем, думаешь, не истомились? – недобро рассмеялся окольничий:

– Тоже домой хотим, к женам да деткам, однако служба царская важнее. Пока ты нам все не расскажешь без утайки, не видать тебе отдыха. Встань, чего расселся? Постоишь, дак взбодрись.

Башкин поднялся, шатаясь.

– Значит, ты сам лодку подогнал под стены монастырские? – Федор заставлял себя смотреть в измученное лицо боярина: «И греб сам?»

– Все сам, – прозвучало в ответ.

Басманов с треском сдернул с Башкина кафтан, обнажив впалую грудь.

– Тебя на весла посади, ты через пару взмахов загнешься, ежели ты вообще грести умеешь. Кто еще в лодке был, и куда та лодка плыла?

– Садись, – Иван Васильевич кивнул гостю: «Может, испить чего хочешь, вина аль воды?»

– Нет, государь, благодарствую, – раздался робкий голос.

– Чего таишься от государя своего? – рассмеялся Иван Васильевич. Протянув руку, царь сорвал с головы гостя платок. Черные волосы упали на плечи, лазоревые глаза испуганно заматались по горнице. Марья Воронцова вжалась в кресло.

– Ишь какая. Давно я хотел с Матвеевой невестой поближе познакомиться. Не бойся, я с тобой потолкую..., – царь улыбался: «Ты моему любимцу женой станешь. Мне надо знать, хорошую ли девицу выбрал Матвей, покорна ли она ему?»

– Как государь, мужу не покоряться? – голос девушки дрожал: «На то он и муж, в семье голова. Как он скажет, так и будет».

– Хорошо говоришь, боярышня..., – Иван отпил из бокала..., – но ежели государь твой прикажет, что делать будешь? Государю покоришься, али мужу?

– Государь всегда главнее. Он над всеми нами, а над ним Господь лишь один есть.

– Разумная ты девица, Марья, верно Матвей тебя выбрал. Ежели я тебе что велю, дак ты исполнишь? – Иван погладил гостью по гладкой щеке.

– Государь, – Марья отодвинулась, – исполнить—то я исполню, однако...

Иван усмехнулся:

– Продолжай, слово теперь обратно не заберешь, Марья Михайловна. Что однако?

– Что надобно—то от меня?

– Встань, – велел Иван: «Забыла, куда пришла? Перед кем сидишь?»

Марья вскочила. Сильная рука взяла ее за шею. Девушка жалобно всхлипнула, не смея высвободиться.

— Ты еще истинной боли не ведала... — девушка смотрела в желтоватые глаза царя. Взявшись за парчовый ворот ее опашения, Иван с треском разорвал ткань до пояса. Показалась кружевная сорочка.

Матвей, стоявший за бархатной завесой, закрыл было глаза. Иван обернулся в его сторону, юноша с трудом поднял веки: «Он все замечает, — горько сказал себе Матвей, — он велел, чтобы я все видел, что твориться будет, с моего ведома и согласия».

— Ежели ты сам на веслах сидел, боярин, куда ты греб—то? Ты прямо стой, прямо! — обойдя Башкина, Басманов ударил его сапогом по икрам: «Чего у тебя ноги подгибаются? Боишься?»

Башкин прокусил губу. Алая кровь побежала по свалывшейся бороде.

— Мы с тобой пока просто говорим, боярин, — свистяще прошептал окольничий, — по— дружески говорим, как если бы за столом одним сидели.

Башкин выдохнул:

— На усадьбу греб.

— Твоя усадьба в тридцати верстах вниз по реке и от нее еще верст двадцать. Не сходится, Матвей Семенович. Не обойтись тебе было без помощника.

— Может, он не к себе монаха вез, — небрежно сказал Федор: «Мало ли у него дружков с ближними поместьями, там он и спрятал Феодосия».

— Молодец ты, боярин, — обрадовался Басманов:

— Правда, куда легче верст за пять, скажем, убежать. Ты, Матвей Семенович, благодари боярина Вельяминова. Он умом остер, за что тебе сейчас выйдет передышка. Мы же пока друзей твоих поспрашиваем, у кого усадьбы на реке.

Выйдя из душного подвала на прохладную улицу. Федор прислонился лбом к стене:

— Пушай ищет Басманов. Вдоль Москвы—реки поместий много, хоша по течению, хоша против оного. Матвей Семенович мучиться не будет, пусть и недолгое время.

Марья задыхалась, прижатая к постели телом царя. Платок, засунутый в рот, мешал ей закричать.

Иван ударил ее по щеке, в голове Марьи словно загудел колокол. Царь ударил еще раз, сильнее.

— Господь что нам велит, — он сорвал с Марьи сорочку. Девушка пыталась сопротивляться, но Иван выкрутил ей руки. Марья сдавленно застонала. :

— Господь велит, дескать, ударят тебя по одной щеке, дак ты другую подставь. Терпи, Марья, ибо сие есть воля господня.

— Нет! — выплюнув платок, девушка впилась зубами в запястье царя: «Оставь меня, сие грех великий!»

Зашипев от боли, Иван хлестнул ее по лицу. Кровь закапала из треснувшей губы на шелковые простыни.

— Не хочешь по—хорошему, дак будет по—плохому!

Даже в страшном сне не могло привидеться Марье такое. Мать говорила с ней о делах брачных, девица перешептывалась с молодыми мужними подружками. Марья слышала, что мужья были с женами ласковы и терпеливы.

Иван бил ее всем, что под руку попадалось. Тело девушки покрылось синяками, голова гудела, разбитые губы еле шевелились. Марья сжалась в комок в углу кровати, оставляя на простынях кровавые следы.

Иван больно дернул девушку за косы. Ставив ее с кровати, связав руки поясом, царь пригнул девушку к столу. Марья почувствовала горячей щекой холодную скатерть:

– Лучше бы мне умереть сейчас, хуже не станет..., – горько подумала девушка.

– Я, Марья, тебя учу, чтобы ты покорна была..., – раздался голос царя.

– Дак покорна я, – девушка сглотнула слезы.

– Нет, – Иван пощекотал ее спину плеткой. Марья сжалась в ожидании новой боли: «Ты меня боишься?»

– Боюсь..., – всхлипнула девушка.

– То—то и оно, – кивнул Иван: «Надо, чтобы любила». Он со всей силы хлестнул плетью.

Поднявшись в свою опочивальню на Воздвиженке, рухнув на постель, Федор провалился в тяжелый, душный сон.

Басманов, он, и царь Иван сидели за столом.

– Не любишь ты меня, Федор, – покачал головой Иван: «Боишься, а не любишь. Как бы сделать, Алексей Данилович, чтобы полюбил меня боярин Федор?»

– Дак, государь, как ты нас учишь, самое дорогое у него забрать, – сладко ухмыльнулся окольный.

Матвей выступил из угла комнаты. По синему лицу юноши ползли жирные черви, повеяло запахом могильной земли. Оскалившись, сын протянул к нему руку, будто приглашал подойти.

– Сие не дорогое..., – покачал головой царь: «Сие он отдаст без сожаления, мое оно уже. Другое есть у него...»

Дверь отворилась. В горницу вошла Феодосия, босая, с распущенными волосами. Держала она на руках дочь, словно кормила грудью.

Марфа посмотрела на отца окровавленными, пустыми глазницами.

Федор ни разу не видел, как кормят детей. Аграфена после родов всегда лежала в болезнях, детей растили мамки. Феодосия настояла, что будет кормить сама.

– Зачем чужой бабе дитя отдавать, когда у меня свое молоко есть? – пожала плечами жена.

Первый год Марфа провела в колыбели рядом с родительской постелью. Для Федора те ночи остались в памяти запахом молока, спущенной с плеч сорочкой жены, сопением дочки, приникшей к материнской груди, как насытившийся зверек.

Феодосия осторожно укладывала сонную Марфу в колыбель. Федор притягивал жену к себе, она целовала его. Была Феодосия вся, словно цветок, полный росы на рассвете.

Проснувшись от собственного крика, ополоснув лицо ледяной водой, Федор сбежал на двор. Боярин велел седлать коня.

– Пусть в городе посидят..., – он погнал к дороге, ведущей в подмосковную: «Мне спокойней, коли Феодосия рядом».

Предрассветный туман окутывал Красную площадь. Белые стены Кремля словно плыли в нем, окна подернулись влагой, недвижим был спящий город.

Марья рыдала на полу царевой опочивальни. Подойдя к ней, Иван снова ударил девушку по щеке. Подняв заплаканные глаза, закусив губы, Марья замолчала.

– Встань, – приказал он.

Девушка, пыталась прикрыть руками грудь, сдвинуть ноги. Иван развеселился:

– Руки—то опусти!

Марья замерла, избегая царева взгляда.

– Если понесешь, – Иван задумался, – пошли грамоту с Матвеем. До родин отправим тебя в монастырь. И чтобы ни слова никому, а то на колу торчать будешь, поняла?

Марья кивнула.

– Но как же венчание мое?

– Суженого своего спроси, – усмехнулся Иван, – по вкусу ли ему объедки государевы? Пошла вон с глаз моих.

– Что же со мной станет, государь? – Марья потянула к себе разодранную сорочку:

– Мне какое дело? – Иван зевнул:

– Девство свое ты не соблюла, дак то забота семьи твоей. Ежели непраздна окажешься, родишь и ребенка отдашь, а сама в монастырь пойдешь. Ежели нет, тоже в монастырь, но сие твоему батюшке решать. Матвей! – Иван хлопнул в ладоши.

Юноша выступил из—за бархатных занавесей.

– Отвезешь куда надо и вернешься.

Матвей накинуд Марье на плечи опашень.

Подождав, пока они выйдут, государь отправился в палаты царицы.

Марья не помнила, как добрались они в усадьбу по сонной Москве. Спешившись на Рождественке, Матвей вскочил обратно в седло.

– Что мне теперь делать? – Марья ежилась под прохладным ветерком.

– Домой иди, – хмуро ответил жених: «Не будет у нас венчания, разные у нас пути, Марья».

– Ты меня государю отдал, Матвей, а теперь бросаешь меня. А ежели понесла я? – крупные слезы покатались по щекам девушки.

– То царское дело, не мое..., – отозвался Матвей: «В монастырь пойдешь. Кто теперь тебя возьмет такую? Недосуг мне с тобой оставаться, в Кремле ждут. Прощай, не поминай лихом».

Марья схватилась было за стремя гнедого. Матвей хлестнул ее плетью, девичьи пальцы разжались. Шатаясь, Марья побрела к дому.

Едва возки из подмосковной въехали во двор усадьбы Вельяминовых на Воздвиженке, как Федор позвал жену в крестовую палату. Боярин запер дверь.

– Молчит Матвей Семенович пока, – он взял в свои большие руки тонкие пальцы Феодосии.

– Слава Богу..., – выдохнула жена.

– Басманов люзует..., – хмуро добавил Федор:

– Я его вывел на ложный след, с недельку он покрутится, но потом опять за свое примется. Боюсь, как бы не спослал он людей в Тверь али Смоленск выведать, не видали ли там Феодосия?

– Может спослать? – Феодосия обняла Федора, сидевшего на лавке, прижавшись к нему всем телом.

– Может..., – кивнул муж: «Ему сие в голову не придет, но царь рано или поздно сообразит. Куда бечь—то к еще с Москвы? На север, али на запад, более некуда».

Из—за двери раздался звонкий голосок:

– Тятя, по'мотри, как Черныш выро'!

Марфа втащила в горницу толстого черного котенка с голубой ленточкой и золотым бубенчиком на шее. Страдальчески свесив голову, котенок вытянул лапы. Федор пощекотал его промеж ушей.

– Ты его откормила, как он теперь ловить мышей будет?

– Он ленивый, – затараторила дочь: «В подмо'ковной мышка пробежит по двору, а Черныш даже глаза не приоткрое».

– Все бы так, – пробормотал Федор.

С улицы донесся стук конских копыт. Степа Воронцов на белом жеребце, поднимая пыль, ворвался в еще открытые ворота усадьбы.

– Федор Васильевич, за ради Бога, поезжайте скорее к нам! Пусть Федосья Никитична травы свои прихватит! Только быстрее, ино с Марьей беда, – донеслось со двора.

– Федор, отойди, свет не засти, – велела Феодосия:

– Не толпитесь здесь, в крестовой сядьте. Мы с Прасковьей потом сойдем..., – бояре застучали сапогами по лестнице.

Степан стоял на коленях подле Марьи, прижав к щеке ее свисающую руку.

– Степушка, возьми детей погулять хоша на реку. Нехорошо, что они без присмотра..., – тихо попросила Прасковья.

Поцеловав сестру в лоб, Степан вышел из светлицы.

– Что у нее горло—то ободрано? – Феодосия осторожно оттирала с лица девушки запекшуюся кровь.

– Вешалась она..., – голос Прасковьи дрогнул: «Я думала, заспалась девка. Пришла ее будить, а она на полу лежит без памяти. Пояс к окну привязала, на сундук встала и прыгнула. Пояс не выдержал, оборвался, а она головой ударилась. С тех пор лежит, ни слова не выговорила».

Феодосия приложила пальцы к девичьему запястью, ощупала ребра.

– Сердце бьется, дышит она. Как очнется, может, и не вспомнит, что с ней было. И кости вроде все целы.

Прасковья приспустила с плеч дочери сорочку.

– Ты сюда глянь.

Феодосия ахнула.

– Плетью ее били. Опашень и рубашка изодраны, исцарапана вся. Окно завесь и засов на дверь наложи..., – велела боярыня.

Она вымыла руки в тазу с горячей водой.

– Параша, ты не смотри. Ежели что, я тебя позову.

Воронцова, прикусив губу, отошла в угол.

– Богородице Дево, – зашептала она, – чтобы хоша живая Марья осталась, молю тебя. Твое дитя тоже страдало, мое не оставь своей защитой!

– Вели, чтоб воды еще закипятили, – Феодосия перебирала мешочки с травами: «Надо отвар сделать. Царапины, ссадины, синяки, сие не страшно, мазью помажу, примочки сделаю и все пройдет, а в сем деле надо чем быстрее, тем лучше».

– Дак разве поможет... – начала Прасковья неуверенно. Увидев мрачное лицо подруги, Воронцова вскинула руку к губам. Женщина мелко закрестилась.

– Ежели понесла, не поможет..., – вздохнула Вельяминова, – и от дурной болезни навряд ли. Однако так сие все равно нельзя оставлять. Сама посмотри..., – Федосья подняла простыню. Кинув один взгляд, Прасковья согнулась в беззвучном рыданье.

– Не время сейчас, Параша, плакать. Надо промыть, снаружи я мазь наложу, а внутри сей отвар и пригодится.

Прасковья обхватила голову руками.

– Помстилось мне, али ожог я видела?

– Не помстилось. Свечой ее палили.

Вымыв и прибрал лежавшую без памяти Марью, Феодосия осталась рядом с девушкой. Прасковья спустилась к мужчинам. Задержавшись на пороге крестовой палаты, она вздохнула:

– Должно, у Михайлы и ране седины была, да я не замечала..., – виски и темную бороду мужа будто побил снегом.

– Степа, – подергал его за рукав младший брат, – а с Марьюшкой что?

– Болеет она..., – мрачно отозвался Степан.

Они сидели на косогоре у Москвы—реки, в костре трещал плавник.

– Выздоровеет она? – раздался голос Марфы.

– С Божией помощью, – Степан поднялся: «Пойдем, на конях покатаемся. Ты, Марфуша, на плечах у меня проедешься, али ногами доберешься?»

– Чай не маленькая я, – буркнула Марфа. Девочка затопала по дорожке впереди троюродных братьев.

—Что же получается? – подался вперед Михайло: «Вечером девка здоровая да веселая уходит почивать, а утром на ней живого места нет и она в петлю лезет. Что ночью случилось? И где? На усадьбе? Чего ж она не кричала?»

– Может, ей чем рот заткнули? – предположил Федор.

– Да кто бы на такое осмелился? – стукнул Михайло кулаком по столу: «Окромя синяков да царапин, есть ли что еще на ней? Может, следы какие?»

Взглянув на жену, Михайло понял, что случилось.

– Не верю, что дочь моя... – он привстал с лавки.

– Ты бы видел ее, – заплакала в голос Прасковья: «Плетью ее били, свечой жгли, словно в пыточном подвале. Разве по своей воле такое бывает?»

– Матвей? – раздул ноздри Михайло: «Да я его...»

– Не Матвей, – прошелестел с порога слабый голос: «Не виноват он, батюшка, ни в чем...».

Марья стояла босая, поддерживаемая Феодосией.

– Доченька! – бросился к ней Михайло: «Дак кто сие?»

Марья бессильно обвисла в его руках.

– Только один человек на Москве мог сотворить такое..., – Федор тяжело вздохнул: «Он людскому суду неподвластен».

– Пойду в Кремль, – глухо проговорил Воронцов.

– Куда ты пойдешь? У тебя семья и сын младенец? На плаху своими ногами? – Федор встряхнул сродственника за плечи.

– Дочь мою насильничают, а я должен молчать? Как после сего жить, Федор? – Михайло обвел горницу запавшими глазами: «Ты к нему ближе, дак скажи, отчего он не пришел ко мне?».

– Будет тебе царь к стольнику приходить..., – зло пробормотал Федор:

– Хоша бы пришел, и велел, отдай, Михайло Воронцов, дочь невинную на разврат и поругание, ты бы отдал, что ли? Он взял, не спрашивая, ино нет над ним суда, окромя Божьего.

– Может, царице в ноги броситься? – спросила Прасковья: «Любит она меня, выслушает».

– Даже если и выслушает, поплачете вместе, тем и закончится. Тем паче... – Федор осекся.

– Что?

– Ежели, упаси Боже, Марья непраздной окажется, сие дело государственное. Даже если ты, Михайло, увезешь ее из Москвы, все равно пронюхают.

– Надо сделать так, что не будет никакого ребенка, – невозмутимо произнесла Феодосия: «Выкинула, и выкинула, никто дознаваться не станет. Мало ли баб выкидывает».

Вокруг стола наступила тишина.

– Грех сие, – неуверенно сказал Михайло.

– Лучше рожать от насильника, видеть, как дитя твое от тебя забирают, да потом в монастыре сгнить..., – Феодосия бросила на него сердитый взгляд: «Ежели с умом все сделать, дак

ты ее в подмосковную увезешь. С годик посидит в деревне, да и выдашь ее замуж подальше. За Матвея ей теперь идти не след, опасно сие».

Прасковья вдругорядь разрыдалась.

Федор нахмурился.

– Не пойму я, как Марья с царем спозналась? Не бывала она в Кремле. Только если..., – он задумался: «Один человек мог их свести. Поеду к царю, а вы здесь ждите. Вот еще что, Степану ни слова».

– Почему? – всхлипнула Прасковья.

– Потому, что мужу твоему давно за тридцать перевалило, борода у него в седине, и вроде разумный он человек, и то к царю собирался идти, правды искать..., – Федор помолчал, – а Степану осмнадцать. У парня кровь горячая, не стерпит он сестриногo позора.

Вельяминов шагнул вон из горницы.

Царь Иван сидел в трапезной. Анастасия украдкой взглядывала на мужа. С утра, взойдя в ее опочивальню, государь был весел, спрашивал о ее здоровье, шутил, что к Пасхе непременно она родит.

– Может, и понесу..., – пожелала Анастасия: «Трава, что Федосья мне в тайности дала, вроде помогает. Ежели рожу, надо ей подарить перстень али ожерелье, и в матери крестные позвать, пусть она восприемницей станет».

Царь положил перевязанную руку на голову Матвея. Анастасия вспомнила:

– Они на мечях упражнялись, Иван и растянул запястье..., – так ей сказал муж.

Наклонившись к уху отрока, государь шепнул:

– Волосы отрасти, Матюша, не бойся участи Авессаломовой.

Подняв глаза, Матвей застыл. На пороге трапезной стоял его отец.

Иван радушно распростер руки.

– Здрав будь, боярин, проходи, садись, рядом. Дайте место Федору Васильевичу.

– Новости не больно хорошие, государь..., – Вельяминов принял бокал с вином: «Прости, что я о делах говорю, но времени нам терять не след. Ищет Алексей Данилович, да не в тех местах».

Иван зорко взглянул на боярина.

– Инок сей, – спокойно продолжил Вельяминов, – он из Москвы улег. Куда ему бежать было? На запад, иного пути нет. Спосылать бы людей в Смоленск, поспрошать, не видел ли кто его?

– Верно говоришь, – кивнул задумчиво Иван: «Однако не только в Смоленск, но и в Тверь и Новгород надо поехать, оттуда в Ливонию дорога прямая».

Федор заставил себя поклониться:

– Истинно, государь, а мне бы и в голову не пришло. Сегодня же людей пошлем.

– Башкина допрашивайте со строгостью. Хорошо, что правду он стал говорить, однако здесь не он один замешан. Потянете за веревочку, клубочек и распутается..., – усмехнулся Иван.

– Я к тебе, царь, с просьбой пришел, – замялся Вельяминов: «Отпусти Матвея со мной, невеста у него при смерти. Пусть попросается, может, успеет еще».

– Что стряслось с боярышней? – ахнула царица.

– Утром поплохело ей, государыня матушка, – ответил Федор: «Без движения лежит, язык отнялся, соборовали ее».

Царица набожно перекрестилась.

– Господи, упаси, в таких молодых годах—то.

– Язык, говоришь, отнялся? – Иван настороженно взгляделся в синие глаза Вельяминова.

– Молчит, государь, пропала речь у нее..., – кивнул боярин.

Царь стянул с пальца алмазный перстень.

– Передай Михайле Воронцову, на помин души дочери. Матвей, поезжай да возвращайся, будем ждать тебя.

Избегая тяжелого взора отца, юноша поклонился государю.

До Рождественки сын с отцом ехали молча. Спешившись на дворе усадьбы, Матвей спросил:

– Что с Марьей—то?

– Ты, сын, не говори ничего сейчас. Помолчи лучше, мой тебе родительский совет, – Федор стиснул кулаки: «Посиди в светелке боковой, мы тебя позovem».

Войдя в крестовую, он швырнул перстень на стол.

– Плата за позор дочери твоей, Михайло. Сказал я, что она при смерти, да без языка, дак ты бы видел, как он возликовал. Бойтся, значит. Хоша и безнаказанно он чинит насилие, но все же боится. Матвея я привез. . . , – Федор запнулся, – поговорить по—родственному.

Матвей стоял перед столом, опустив голову. Прасковье вспомнилось, как почти три года назад, на Воздвиженке, сидели они в крестовой палате.

– Надо было тогда свенчать их, и дело с концом, – вздохнула боярыня: «Не случилось бы ничего сейчас».

– Как ты мог, Матвей? – Михайло поднялся: «То невеста твоя нареченная, ты который год говорил, что без Марьи тебе жизни нет. И ты своими руками на поругание ее отдал?»

– Вы бы не отдали, Михайло Степанович, коли государь вам приказал? – неслышно ответил юноша: «Жизнь свою и честь за него отдавать надобно».

– Свою жизнь и свою честь отдавай, преграды тебе в сем нет, – сдерживаясь, проговорил Федор Вельяминов: «Но чужими распоряжаться никто тебе права не давал. Что трус ты, Матвей, я сызмальства знаю, но не чаял я, что ты ни совести, ни чести не имеешь».

– Когда царь прикажет тебе жену или дочь отдать, дак посмотрим, сильно ли тебе твоя совесть и честь пригодятся. . . , – дерзко отозвался юноша.

Федору вспомнились привидевшиеся во сне окровавленные глазницы Марфы.

– Лучше я жену и дочь убью собственной рукой, нежели отдам на поругание. Ты, если бы истинным мужем был, в жизни не дозволил бы царю черное дело сотворить. Как жить дальше думаешь?

– Проживу. . . , – буркнул Матвей. Вскрикнув, схватившись за разбитый рот, юноша полетел на пол.

– Помяни Господи царя Давида и всю кротость его. . . , – Федор разглядывал погнувшуюся оправу перстня. Матвей сплюнул к отцовским ногам сгусток крови.

– Вон отсюда, погань. . . , – велел Федор: «Как помру, за наследством приходи. До той поры дорогу к дому моему забудь. В Кремле с тобой говорить буду, чтобы на людях тебя не позорить, а на порог не пушу».

– Погоди, батюшка, – прохрипел Матвей, – я тебе сие припомню.

– Припомнишь, мерзавец. . . , – Федор вытолкал сына взащей на двор: «Чтоб духу твоего здесь больше не было».

— Вот что получается у нас, – сняв нагар со свечи, Басманов зевнул: «В Смоленске говорят, что не видели никого, а в Твери, недели через три опосля побега Феодосия, крутился возок не тамошний».

– Где крутился? Куда потом поехал? – пройдясь по горнице Разбойного приказа, Федор отворил ставни. На улице сеял мелкий дождь.

– Возок заметили, а куда он потом делся, неведомо. . . , – развел руками Басманов: «Как хочешь, Федор Васильевич, но хватит нам с Башкиным цацкаться».

–Ежели его на дыбу вздернуть, дак он околеет..., – недовольно сказал Федор: «Ты его видел, Алексей Данилович, в чем у него душа держится, непонятно. Сдохни он и ниточка оборвется, мы не узнаем, кто у него в помощниках ходил».

– Видно, Федор Васильевич, что ты руками никогда не работал, – рассмеялся Басманов: «Ты острого ума человек, дак и поспрошай Башкина, а что с ним делать, чтобы заговорил он, сие мне предоставь. У нас, окромя дыбы, и другой инструмент имеется».

Преодолев брезгливость, Федор заставил себя похлопать Басманова по плечу.

–Истинно, Алексей Данилович, надежная ты опора престолу, редкий человек так государю послужить умеет.

Ухмыльнувшись, окольный забегал вперед, открывая дверь боярину.

Марья выздоравливала медленно.

Она сидела в постели, но ходить, даже по горнице, девушка пока опасалась. Днем она вышивала, или слушала чтение Степана о тверском купце Афанасии, сын Никитине, поплавшем за три моря, в далекую Индию. Марья видела не низкое, осеннее небо за окном светелки, а просторы гор, невиданные дома, и ласковое солнце.

Ночью, стоило задуть свечу, приходили сны, где смыкались вокруг заплесневелые стены подвала. В углу тлели огни. Марью раздирали словно рвущая клещами боль. Тяжелая дверь открывалась, через порог переступал он. Сверкали волчьи, желтоватые глаза. Марья ползала на коленях, умоляя пощадить ее. Он, щелкая пальцами, звал кого—то.

Матвей стоял в углу с посиневшим лицом. В окровавленных глазницах извивались могильные черви. Царь подталкивал Марью к трупу: «Сие твой жених, девица! Иль не хочешь теперь замуж за него?»

На голову с потолка подвала опускался раскаленный докрасна железный брачный венец. Марья просыпалась, крича от боли.

Прасковья, спавшая на полу в горнице дочери, ложилась рядом на лавку. Дочь задремывала в материнских руках, более не мечась в кошмаре, но еще постанывая, словно раненый зверек.

Феодосия приезжала на Рождественку каждый день. Телесные раны у Марьи заживали, но девушка не могла говорить о случившемся той ночью. Стоило Прасковье заикнуться о сем, как дочь отвернулась к стене. Несколько дней Марья и слова не вымолвила.

–Не пытай ее, – советовала Феодосия: «Думаешь, зря она у тебя каждую ночь в слезах просыпается? Дай время ей, она отойдет, тело излечится, а за ним и душа».

Лицо Прасковьи горестно исказилось.

– Мучается она. Может, ежели выговорится, полегчает ей?

Полегчает, да только видно, не настал еще сей час..., – вздохнула Феодосия.

Башкина привели в подвал вечером. Тучи над Москвой разошлись, открыв низкое, холодное солнце.

– Благодать какая, Матвей Семенович! – потянулся Басманов:

–Бабе лето на носу, деревья в золоте стоят. Скоро распогодится, паутинки полетят, по грибы пойдем. В лесу поутру страсть как хорошо! – он взглянул на Башкина:

–Ежели ты честно все расскажешь, завтра сможешь по Москве гулять!

–Даже если и расскажу все, – угрюмо ответил боярин, – сердце Федора захолонуло, – все равно меня в монастырь сошлют.

– Дак что монастырь? – пожал плечами Басманов:

–И в оном люди живут. Ежели отец игумен попадетс добрый, мирно живут, вкусно едят. У меня рядом с именьицем честна обитель, тишь в ней, да благодать, так бы и ушел туда на покой. Но нельзя, Матвей, – посуровел окольный, – ибо я на службе государевой. Не таись,

Федор Васильевич записывать будет, а ты все, как на духу, нам открой. Кто греб, кто возком правил, что в Твери видели, куда монах Феодосий делся потом!

В голубых глазах Башкина заплескался страх.

– Говорил я и повторяю, что сам все сделал!

– И возком, что в Твери видели, сам правил? – спросил Федор.

– Сам.

– А возок где брал? – наклонил голову окольный.

– У себя на усадьбе, где Феодосия и держал. Правду я говорю!

– Матвей Семенович, – огорчился Басманов: «Незадача выходит, нет у тебя на усадьбе возка, ни такого, ни еще какого другого».

– Феодосий из Твери в нем дальше поехал, а я домой вернулся.

– На чем вернулся? – спросил Федор: «Пешком шел от Твери до Москвы?»

– Коня купил на базаре..., – Башкин покусал сохлые губы.

– И где оный конь? – поинтересовался окольный:

– Только не говори, что издох, а то у тебя все одно к одному получается. Отец келарь волею Божией помре, конь копыта отбросил, а тебе удобство выходит.

Башкин молчал, опустил голову.

После бани, устроив Марью на лавке, Прасковья укрыва дочь одеялом.

– Пуцай Степа мне почитает, маменька.

– Про Индию? – Прасковья стукнула в стенку к сыну.

Марья закрыла глаза, губы девушки сложились в легкую улыбку.

– Побывать бы там.

Прасковья перекрестила ее.

– Я по хозяйству отойду, и вернусь, как Степа тебе дочитает.

Остановившись на лестнице, Прасковья устало привалилась к стене. Пошла вторая луна, а крови у Марьи так и не появились.

– Прости меня, Господи, ибо сие есть грех великий. Невинную душу загублю своей рукой, но и на суде Божьем ответ держать сама буду..., – Прасковья приказала с утра спускаться на Воздвиженку, за боярыней Вельяминовой.

Басманов обстоятельно уселся за стол.

– Матвей Семенович, руку на дощечку клади. Видишь, в оной кольца железные вделаны, для пальцев твоих. Большое кольцо для запястья. Они на защелках, мы их подгоним, тебе удобно будет. Федор Васильевич, – обернулся окольный к Вельяминову, – не в службу, а в дружбу, подвинь очаг ближе к столу и решеточку на него пристрой. Очаг у нас ныне переносить можно. Бывало, за каждой иглой не набегаешься.

Кровь отхлынула от лица Башкина, стало оно, ровно мука.

– Ты чего испугался? – изумился окольный:

– Очаг, оный только ежели ты запираешься будешь. Ты нам с боярином и с холодной иглы все расскажешь. Всю, как мы говорим, подноготную..., – он осекся под тяжелым взглядом Вельяминова: «Шутим мы так, боярин».

– Смешно, – сумрачно подтвердил Федор.

– Начнем, благословясь..., – оживился Басманов:

– Левую руку давай, Матвей Семенович, ино надо еще подписаться под словами своими, а после досочки сей писать тебе тяжельно будет.

Положив левую руку на стол, Башкин взглянул в лицо Федору.

Феодосия отмерила горстью сухую траву:

–Заваришь и давай ей каждое утро и каждый вечер по ложке. Запивать тоже давай, отвар сей горький. Через дня два али три крови и придут. Больше их будет, чем обычно, и тошнить ее начнет, но не пугайся.

Прасковья вздохнула.

– Сказать, что ей? Что, мол, за питье?

– Правду и скажи..., – Феодосия завязала холщовый мешочек: «Чего утаивать?»

– Дак вдруг откажется она. Не силой же ее поить.

– Ты предложи, да и посмотри, что ответит она.

Марья встретила мать улыбкой.

–Получше мне, матушка. Петенька прибежал, – она подняла с кровати игрушечную тележку, – колесо у него соскочило, дак я чиню.

– Что же Степану он не принес? – Прасковья коснулась губами лба дочери.

– Работа тонкая, я лучше сделаю, – поставив колесо на место, Марья вскинула на мать синие глаза. Воронцова кашлянула.

– Помнишь, доченька, несчастье с тобой приключилось?

Девушка отвернулась к стене.

–Как не помнить, коли каждую ночь оно ровно заново приходит. Ты сие хотела спросить или еще какие нехорошие вести есть?

–Понесла ты, Марьюшка.

Кровь отхлынула от лица девушки.

– Утоплюсь, на костер пойду, но отродье его рожать не стану! Велел он грамотцу ему послать, ежели дитя я зачну, дак не бывать сему, лучше смерть!

– Нельзя травы давать, с Михайлой не посоветовавшись..., – Прасковья прибиралась в горнице:

–Надо Марью из Москвы увезти, подальше от царских глаз. Правильно Феодосия говорит, скинула и скинула, но за сии настои на костер взойти можно, ежели донесет кто. Плоть государеву травим.

После второй иглы Башкина без сознания унесли из пыточной палаты.

– Говорил я тебе, Алексей Данилович, что слаб он..., – сердито заметил Федор: «Даже для тисков твоих слаб, вона, как глаза у него закатились. И все равно на своем стоял».

– Дак батюшка, Федор Васильевич, сие только первое испытание..., – засуетился окольный.

– Первое?

–Ежели преступник на своем стоит, три раза его пытаться надо, – объяснил Басманов: «Только если все три раза показывает одно и то же, тогда правду он говорит».

– Завтра ты ему опять тиски приготовил? – нарочито небрежно поинтересовался Федор. Окольный покачал головой.

–Надо ему в себя прийти. У его ногти вырваны на двух пальцах, в боли он. Отойдет дня через три, дак продолжим. Я тебе покажу, что у нас еще есть. Мастера у нас хорошие, все в порядке содержим, вместе и выберем, что дальше ждет его.

–Надобно, Алексей Данилович, ответы его привести в порядок. Все переписать, не в таком же виде их царю подавать..., – Вельяминов указал на забрызганные кровью бумаги: «У тебя как с письмом?»

– Не очень, ежели честно, – пожал плечами Басманов: «Подписать могу, а боле ничего».

– Значит, все на меня ложится..., – наставительно заметил Федор.

–Если бы не ты, Федор Васильевич, я бы и не знаю, что делал..., – заторопился Басманов: «Кости ломать у нас мастеров много, а грамотных нет».

Михайло с Прасковьей сидели при единой свече в крестовой палате.

—Пока не прознал он об сем, надо Марью подальше куда отправить. Ты ей трав пока не давала?

— Нет, заварила только..., — сглотнула Прасковья:

—Он грозил ее до родов в монастырь упрятать, чадо забрать, а ее насильно в иночество постричь..., — Воронцова заплакала тихими слезами.

— Федосья что сказала? Когда начнется—то у Марьи? — Михайло покраснел.

— Дня через два, али три, как стану отваром ее поить.

— Дак сегодня и пои. Завтра повечеру поезжайте в подмосковную, укроетесь, там и.... —

Воронцов взял жену за руку.

— Не думал я, что так все обернется.

Она покачала головой.

— Главное, чтобы дети наши живы да здоровы остались.

— Не дойдет до него?

— От кого дойти? Кроме тебя, меня и Федосьи Никитичны и не знает никто. Степушке и тому я не говорила.

— Что не говорили? — спросил старший сын с порога.

Постучавшись в дверь опочивальни, Феодосия приложила губы к замочной скважине:

— Федор?

Засов со скрипом поднялся, дверь приоткрылась.

— Тебе, может, поесть принести? — она убрала со стола пустую бутылку и стакан.

— Не бойся, не сопьюсь..., — хмуро отозвался муж:

—Но опосля сегодняшнего не знаю я, как далее жить. Помнишь, сыну своему я про честь и бесчестие говорил? — Федор взгляделся в темную Воздвиженку:

—Не бесчестие ли то, что я сегодня сидел напротив Матвея Семеновича, видел, как страдает он, и молчал? Басманова, тварь, задушить или заколоть минутное дело. Вывел бы я Башкина из приказа и увез с глаз долой. Однако не мог я сего сделать.

Феодосия обняла его, как одна она и умела на всем белом свете. Федор взгляделся в серые, ровно северные озера, глаза.

—Видишь, какой я тебе достался, — вздохнул он, — ломаный и битый, да еще неизвестно, что далее с нами будет.

— Вместе мы через сие пройдем, Федя..., — жена прижалась щекой к его плечу:

—Ничего кроме счастья, не ведала я с тобой и не изведаю. Не бесчестие то, у тебя я да Марфа на руках. Нет у нас иной опоры, и защитника, окромя тебя. Ежели погибнешь ты, что с нами случится?

— Как Марья?

— Плохо, понесла она.

Федор испытующе взглянул на жену.

—Ты Прасковье травы возила?

— Возила..., — кивнула жена.

Вельяминов помолчал.

—Сбирайся, голубушка. Я мигом на Рождественку и обратно. Не след им сейчас дома сидеть, возьму возок и доставлю их сюда. От нас и поедете в подмосковную. Ино если туда, — он указал глазами на потолок, — дойдет, что Марья в тягости, никуда им более не сбежать.

Покрутившись по московским улицам, Федор вернулся на Воздвиженку ни с чем. Тиха была усадьба Воронцовых, тиха и безлюдна. У ворот выставили стрелецкий караул.

Степан Воронцов гнал коня по ночной Москве. Как прознал он о случившемся с Марьей, так не осталось у него иных мыслей, кроме мести.

Сестра, с которой они лежали в одной колыбели, делали первые шаги, учились, играли, дрались и мирились, упрямица, красавица, страдала, искалеченная насильником, принужденная носить его плод.

– Не останется Марья неотмщенно, даже если я сам через сие сгину, – спокойно сказал он родителям.

– Степа, но ведь государь...

– Ежели он государь, так он что, Божьего закона выше? – Степан вынул из—за пояса кинжал: «Сказано в Писании: «Аще же обрящет человек деву обрученную, и насилував будет, убийте человека единого бывшего с нею».

Обняв сына, Михайло перекрестил его.

– Храни тебя Бог..., – он повернулся к жене: «Прав Степан и нам после сего умирать не стыдно будет. Только кровью бесчестие смывается».

Светлые стены Кремля словно плыли куда—то в ночи. Соскочив с коня, Степан прижался щекой к его холке.

– Послужил ты мне верно, а теперь иди на все четыре стороны.

Прянув ушами, белый жеребец грустно заржал.

Царь сидел в трапезной с ближними своими. У его ног на ковре Матвей играл в шахматы с сыном окольного Басманова Федором, синеглазым отроком с тонким, ровно девичьим лицом.

Братья Адашевы, воевода Алексей, ближний советчик царя и Даниил, вернувшийся из похода по Вятке и Каме, где он с дружиной умирал казанцев и ногаев, рассказывали государю о Пермском крае.

– Проплыли мы Усолъе Камское и по реке Колве дошли до Чердыни, – сказал широкоплечий, с обветрившимся лицом, Даниил Адашев:

– Оттуда пошли к остоякам в становища. Они показали нам путь на восток, где солнце встает. Толмач наш, инок Вассиан из Богословского монастыря, говорит, что ежели держать из Чердыни на юго—восток, то в полумесяце пути оттуда лежит Большой Камень.

– Приказал я в прошлом году землю измерить, и чертеж всему государству сделать, – заметил Иван Васильевич: «Замеряли вы те места, по коим ходили, Даниил Федорович?»

– По твоему велению, государь, – Адашев развернул на столе искусную карту.

– Кто ж вычерчивал? – Иван вглядывался в переплетение рек.

– Мы начерно делали, а как воротились из похода в Богословский монастырь, Вассиан сию карту и нарисовал.

– Толково, – протянул государь: «Матюша, Вассиан инок не брат ли тебе по плоти?»

– Брат старший по отцу, Василий в миру.

– Красен сынами Федор Васильевич, – улыбнулся Иван: «Крестница моя, Марфа, как поживает?»

– Растет, баловница, не девка, огонь.

– Пора на покой, бояре, – широко зевнув, Иван перекрестил рот: «Небось не мне одному к хозяйке своей хочется».

В горнице раздался смех, однако люди стихли, слышав юношеский голос.

– Сначала ответ за злодейство держи, государь!

Исказившись на миг, лицо Ивана сразу и разгладилось. Царь улыбнулся.

– Степан Михайлович! Редкий гость ты у нас. Значит, в Новгород ты еще не уехал? Проходи, садись, знаем, что вина ты не пьешь, так кваса налейте сыну боярскому..., – распорядился Иван.

– Думаешь, нет над тобою суда человеческого? – гневно спросил Степан: «Сестру мою, девицу, не ты ль опоганил?»

– Боярышню Марью? – недоуменно вскинул бровь Иван: «Выздоровела она от хвори?»

– Душа ее никогда не излечится..., – голос Степана зазвенел: «Как ты мог, государь, создание невинное насильничать?»

– Ты, Степан, молод, молодая кровь горяча, – усмехнулся царь: «Сродственника своего спроси, что на деле приключилось с сестрой твоей».

– Распутничала Марья и понесла от распутства, – буркнул Матвей: «Как прознал я про сие, дак и сказал, что не встану с ней под венец. Кому жена бледовитая нужна? Не моя забота, что она после сего руки на себя наложить вздумала».

– Ты, погань... – рванулся к нему Степан.

– Степа, охолони..., – велел царь: «Я беду твою понимаю. Кому охота краснеть за сестру, коли она не честна девица, а потаскушка срамная? Везите ее в монастырь, иночество грех покроет».

Царь потрепал Степана по щеке. Поклонившись, Степан вымолвил через силу: «Прости, царь—батюшка».

Иван обнял юношу.

– Сам был горячим и несдержанным. Ты, Степа, приходи почаще, скучаем мы по тебе.

– Спасибо за приглашение, государь..., – быстрым движением Степан вонзил кинжал в бок царя.

Клинок выпал из рук юноши. На сером камне пола расплылась алая лужица.

Матвей, заслонивший собой царя, прижал руку к ране. Юноша недоуменно поднес ладонь к глазам. С тонких пальцев стекали тягучие капли.

– Как крови много, Степа, – голос юноши звучал почти неслышно, губы посинели. Опустившись на колени, Иван припал губами ко лбу Матвея:

– Глаз не закрывай, смотри на меня, милый. Лекаря позовем, ты только говори со мной.

– Мачеха моя..., поможет травами, – прошептал Матвей, теряя сознание.

– Пошлите за боярином Вельяминовым и женой его, быстро – обернулся Иван Васильевич к братьям Адашевым, удерживавшим Степана.

– А с ним что делать? – Алексей Адашев указал на Воронцова.

– В оковы, к Басманову, пытать безжалостно..., – распорядился царь:

– Пусть Алексей Данилович стрельцов отправит на Рождественку. Истреблю я все семя их..., – бережно опустив голову Матвея на ковры, царь взял со стола плеть.

– Голову подними, не прячься.

Взглянув на государя, юноша завыл, вскинув руки к лицу. Ударом плети царь выбил ему глаз.

– Кровь за кровь, Степан Михайлович..., – Иван вышел из палат.

– Не вернется он..., – Прасковья Воронцова подняла на мужа измученные глаза, голос ее дрожал: «Сгинет наш Степушка на плахе али на колу».

Михайло молчал. Стыдно было ему, что не он, отец, мстил за обесчещенную дочь, а сын его, не живший, и не выдавший еще ничего.

– Сбирайся, – вымолвил он: «Бери Марью, Петра и уезжай».

Прасковья беспомощно взглянула на мужа.

– В подмосковную?

– Опасно сие, слишком близко. В ярославскую вотчину отправитесь. Затаитесь, может, и не найдут вас.

– А ты?

– Могу ли я бежать, аки трус, коли сын мой в оковах будет, – вздохнул Михайло:

– Мало, что не я за Марью отмстил, еще и оставлю его одного? Не бывать сему, честно я жил и помру тоже достойно.

Прасковья уткнулась головой ему в плечо.

– Расстаемся мы с тобой?

– По всему выходит, что так..., – Михайло притянул ее к себе: «Когда соберетесь, я с детьми попрощаюсь».

– Храни тебя заступница, Богородица пресвятая..., – Воронцова перекрестила мужа.

– Прасковья, Петю с честью воспитай..., – попросил Михайло.

Она сглотнула слезы.

– Как же еще, коли отец и брат старший у него такие. Коли б ты жив остался, не пришлось бы тебе сына стыдиться.

– С Марьюшкой ласкова будь, может, и оправится она. Помолюсь я у престола небесного за нашу дочь. Иди, – он подтолкнул жену, – на рассвете поедете.

Прасковья медленно пошла к двери. Остановившись у порога, она оглянулась. Воронцов сидел на лавке, уронив лицо в ладони.

– Что ты мне сердце рвешь? – муж не поднимал головы: «Богом прошу, иди, иначе не смогу я сделать того, что должно мне. Иди, милая, собирай детей».

Дверь затворилась. Михайло зашелся было в беззвучном рыдании, кусая губы, но из девичьей горницы раздался истошный крик.

Воронцов и не помнил, как взбежал наверх. Прасковья замерла на пороге Марьиной светелки. Дочь лежала на полу, судорожно подергиваясь. Глаза девушки закатились, виднелись одни белки. Рядом в луже рвоты валялись черепки горшка.

Прасковья шевельнула помертвевшими губами:

– Марья весь отвар из травы Федосьиной выпила, до последней капли.

– Собирай быстро Петю и уезжайте, – встряхнул Михайло жену.

– Марья как же?

– Не жилец она! – опустившись на колени рядом с дочерью, он крикнул: «Что стоишь, бери Петрушу и бегите отсюда!»

Со двора раздался стук колес и конское ржание.

Феодосия поднесла к губам Матвея ложку с питьем.

– Он скоро оправится, государь. Рана неглубокая, внутри не задето ничего. Надо холодной водой рану промывать, повязку менять несколько раз на дню, да в покое быть. Он молодой парень, через месяц он и забудет, что кинжалом его ударили.

– Что за отвар ты ему даешь? – Иван нетерпеливо расхаживал по палате.

– Кровь чтобы лучше свертывалась, рана быстрее и затянется. Государь, – женщина помялась, – лучше б его не перевозить сейчас, пусть здесь лежит.

– Не будем перевозить, – Иван Васильевич улыбнулся: «Федосья Никитична, ты любимцу моему жизнь спасла, проси, чего хочешь!»

– Пасынок сие мой, хоть и неродной мне Матвей, но мужу моему сын, как не помочь? – пожала плечами Феодосия:

– Не надобно мне ничего, государь, я завсегда послужить рада..., – Вельяминова метнула быстрый взгляд на царицу, тоже склонившуюся над ложем Матвея.

– Ты, батюшка Иван Васильевич, велел Воронцовых всех в острог отправить, – неуверенно начала Анастасия.

– Велел, а тебе что за печаль? – нахмурился Иван.

Анастасия глубоко вздохнула:

– У Прасковьи Воронцовой дочка кончается. Дай ей, батюшка, умереть на материнских руках. Михайлу взяли и сие правильно, но Прасковья не сбежит. Куда ей прятаться, еще и сын шестилетний у нее.

– Больно жалостливая ты, царица, – Иван помолчал:

– Ладно, ты мне новости хорошие сегодня принесла, – Феодосия и Анастасия обменялись мимолетными улыбками: «Будь по—твоему. Пушай дома сидят, под охраной».

— Батюшка Федор Васильевич, – развел руками Басманов, – не разорваться же мне. С Башкиным еще не успели, а племянника твоего троюродного тоже надо допросить. Что на государя руку он поднял, дак не жить ему, но вызнать следует, один он такое замыслил, или кто ему помогал?

Федору казалось, что стоит он на краю пропасти.

Видывал он такие места на Галичье Горе, когда в прошлом году после осады Тулы войском Девлет—Гирея ставили они на юге сторожевые посты. Под скалами текла бурная река. С Дикого Поля, лежавшего в летнем мареве, веяло полынью. Мнилось ему тогда, что сделай шаг и полетишь, словно кружащий в ясном небе кречет.

– Как бы не разбиться, – угрюмо подумал он.

Словно по лезвию меча шел сейчас Федор. Одного слова Башкина или Степана хватило бы, чтоб кончить и жизнь его и жизнь его семьи.

– За Матвея не боязно, – промелькнуло в голове у боярина: «Он, дай ему волю, сам меня прирежет. Вырастил сынка себе на погибель».

Басманов кашлянул.

– Есть у нас вещь одна. Твоя правда, не след Башкина на дыбу сейчас вздергивать, а сие, – он повертел деревянные, скрепленные грубыми винтами, колодки, – сие нам поможет.

– Ходить он сам будет после? – Федор задыхался от свечного чада.

– Ходить? – осклабился Басманов: «Скорее ползать. Да и то больно сие».

Возвращаясь на Воздвиженку, Федор первым делом умывался. Феодосия молча лила ему воду на ладони. Подавая ручник, она прижималась головой к плечу мужа. Так они стояли несколько мгновений и только потом шли за стол.

Серьезно взглядывая на родителей, Марфа тоже сидела тихо, как мышка. Девочка робко подходила к отцу и залезала ему на колени. Федор слышал, как бьется крохотное сердечко.

– Тятенька, – просила дочь, – ты меня обними, а я от тебя никуда не уйду.

– Станешь сидеть, боярышня, до ночи? – Федор вдыхал ее молочный, сладкий запах.

– Как вы с маменькой улыбнете’ь, так и ладно будет..., – шептала девочка.

Марфа почесала за ухом лежащего у нее под боком Черныша.

– Петеньку тоже казнят? – девочка подняла на отца прозрачные, зеленые глаза: «Деток ведь убивать неможно?»

– Не казнят его, Марфуша, – успокоил ее Федор. Вскинув голову, он наткнулся на жесткий, ровно клинок, взгляд жены.

Запалив свечу, Феодосия села, обхватив руками колени.

Федор привлек жену к себе:

– Нешто ты сама на плаху лечь хочешь? Негде нам Петю прятать. Он не Феодосий, его в Литву не переправишь, а ежели в вотчины отвезти, рано или поздно откроется все. Меня не жалеешь, себя не жалеешь, хоша дитя свое пожалей, пропадет ведь Марфа!

– В Писании сказано: «И не встанеш на кровь ближнего твоего: аз господь Бог ваш». Разве заповедовал Он стоять и смотреть, как ближних наших терзают и мучают? Петя кровь твоя родная..., – отозвалась женщина.

– Дак и вы мне не чужие.

– Али ты, Федор, забыл, кто виной разорению и бесчестию Воронцовых? – холодно спросила жена.

– Жестоко ты бьешь..., – Вельяминов не узнавал обычно спокойную Феодосию. Жена тяжело дышала. В мерцании свечи он заметил гневно раздувшиеся, тонко очерченные ноздри.

– Любовь, Федя, не в том, чтобы мужу поддакивать да соглашаться. На Москве жены боятся рот открыть, а в Новгороде спокон веку заведено, что коли неправ муж, дак скажи ему сие, поправь, посоветуй. Если б я тебя не любила, давно бы спала, и делай, как знаешь. Только в семье не одна голова, а две и обе равны.

– Прасковью не спасешь, как ни старайся, – вздохнул Федор.

– Как так? – встрепелась Феодосия.

– Если бы я в остроге сидел, упаси Господь, ты бы поехала куда от меня?

– Что ты такое говоришь? – удивилась женщина: «Сказано от Писания «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут двое одна плоть». Как ехать, ежели мы плоть одна?»

– Тако же Прасковья Марьюшку не бросит до последнего вздоха ее, – отозвался Вельяминов: «Но как ты разумеешь Петю вывозить? Батюшке напишешь?»

– Напишу..., – кивнула Феодосия: «Пуцай пришлет человека надежного, твой Басманов не узнает ничего».

– Дай Бог. Но как ты на Рождественку проберешься, в усадьбе стрелецкий караул поставили....

– Стрельцы небось московские? – поинтересовалась жена.

– Да, и что? – не понял Вельяминов.

– Не тягаться москвичам с новгородцами, Федор..., – жена подняла бровь: «Мы вас всегда вокруг пальца обводили и сейчас пообедем».

В тот день много где на Москве видели высокую сероглазую инокиню. У Никиты Мученика она отстояла заутреню, усердно отбивая поклоны. На дворе церкви честная мать разговорилась с богомолками.

Инокиня приехала из Ростова поклониться святыням московским. Заодно она привезла усердным вкладчикам ее монастыря боярам Воронцовым, гостинцев, лестовку плетеную, расшитые золотом венчики с молитвами, меда в сотах.

– Иди, мать Неонила, – одна из женщин указала вниз Волоцкой улицы, – дак к Кремлю и попадешь. Там и до Зачатьевского монастыря недалече. Где, говоришь, бояре твои живут?

– В Большой Дмитровской слободе. Благодарствуйте за подмогу, родимые..., – Неонила перекрестилась: «Я Москвы не знаю, боязно мне потеряться, больно город велик. Храни вас заступница Богородица».

Обедню инокиня молилась в Зачатьевском монастыре. Здесь она спрашивала дорогу к Иоанно—Предтеченской обители, рядом с которой вроде жили ее вкладчики.

Когда звонили к вечерне, Неонила добралась до Богородице—Рождественского монастыря. После службы инокиня незаметно юркнула за ворота.

Бабье лето заливало Москву золотым светом. Стрелец, приставленный к усадьбе Воронцовых, тоскливо зевнул:

– В слободе небось за стол садятся. Медку бы мне с яблочком..., – он сладко потянулся.

– Благослови тебя Господь, – раздался робкий голос:

– Сие ли усадьба бояр Воронцовых, мил человек..., – на стрельца кротко смотрели серые глаза:

– Я с—под Ярославля приехала, вкладчиками они в нашей обители, я им подарков привезла, свечей, медку свежего..., – монахиня развязала кису.

– Нельзя к ним, матушка, – нахмурился стрелец: «Сам боярин со старшим сыном в остроге. Говорят, – он понизил голос, – супротив государя они замышляли...»

– Господи, спаси и помилуй! – инокиня, ахнув, перекрестилась.

– Дочка при смерти у них лежит, – зашептал стрелец: «Слышь, она сговорена была, свадьба расстроилась. Не про нас будь сказано, она с тоски себя и опоила».

– Пресвятая Богородица! Неужто боярышня Марья?

– Знаешь ее?

– С таких лет еще, – монахиня показала ладонью от земли: «У их вотчина рядом с нашей обителью».

– Что за монастырь—то у тебя, старица? —поинтересовался стрелец.

– Богородице—Рождественский, как и тот, что здесь рядом. Святитель Феодор, племянник святого Сергия Радонежского, нашу обитель поставил..., – монахиня пригорюнилась:

–Что же мне теперь несолоно хлебавши обратно брести? Хоть медку возьми, мил человек..., – она сунула стрелыцу медовую соту. Тот смягчился.

– Ладно, проходи. Как не пустить за умирающую помолиться?

Ворота, скрипнув, приоткрылись.

– Храни тебя Господь, – монахиня черной галкой шмыгнула на двор Воронцовых.

– Ты один все и учинил?

– Один, говорил я. Сними колодку, Христом Богом прошу!

– Я еще винты не закручивал, – оскалился Басманов:

–Вдруг, думаю, сам расскажешь, с кем ты недоброе замышлял и куда монах Феодосий из Твери делся? – он пнул колодку сапогом. Башкин зашелся в крике.

– Я же обезножу вовсе, – прохрипел он.

– Зачем тебе ходить? – усмехнулся Басманов:

–Ежели мы тебя за ребро решим подвесить или на дыбе вздернуть, тебя сюда и без ног притащат. Ты Расскажи нам все без утайки и кости у тебя целы останутся..., – он закрутил винты на колодке. Башкин потерял сознание.

– Федор Васильевич, последи за ним. Я велю воды принести, не отойдет он сам.

Окольничий вышел из подвала. Федор наклонился над Башкиным.

– Держись, Матвей Семенович, – прошептал он, не зная, слышит его боярин, или нет.

Башкин открыл мутные глаза: «Силы у меня на исходе, не знаю, сколько вытерплю. Ты прости меня, если что».

Прасковья Воронцова, сидевшая подле дочери, вскочила, завидев в дверях инокиню.

–Матушка, – начала она. Вглядевшись в нежданную гостью, Прасковья покачнулась.

–Медку привезла, монастырского..., – опорожнив кису, Феодосия потрогала ледяной лоб Марьи.

– Ты что удумала, боярыня? Иночество надевши, его с себя не скинешь.

– Бог простит, – отмахнулась Вельяминова: «Крови пошли у нее?»

– До сих пор идут, истекла вся..., – всхлипнула Прасковья.

Глаза Марьи запали, залегли под ними сизые тени, нос заострился. Феодосия приложила пальцы к запястью девушки, чтобы послушать сердце. Рука Марьюшки бессильно заскребла по одеялу.

– Кончается она..., – Феодосия помолчала: «Отвар тот чистый яд, коли много выпить. Рвало ее?»

–Как Михайлу стрелыцы увезли, сначала мутило ее, потом рвать зачала, бормотала что—то, а теперь язык у нее отнялся..., – по лицу Прасковьи текли слезы: «Крови много, все никак не уймется».

Феодосия обняла подругу.

– Петю к завтраму собери, одень его поплотнее, я апосля обедни приду за ним.

Воронцова подняла заплаканные глаза.

– Головой рискуешь, Федосьюшка. Федор—то знает?

– Как не знать, знает..., – отозвалась женщина: «Опасно Петеньку в вотчины отправлять. Я отцу моему в Новгород письмо послала. Не бойся, мы его не оставим, пока живы. Господь заповедовал сирот привечать. Что Марфа, что Петруша, нам с Федором разницы нет, оба они наши дети».

Прасковья перекрестила гостью.

– Господь вознаградит тебя за доброту.

– Пора мне, ино стражник еще заподозрит чего.

Выскользнув из ворот, инокиня поклонилась стрельцу в пояс.

– Спасибо, добрый человек, что дал помолиться за душу боярышни. Как тебя величать, чтобы за здоровье твое молитву вознести?

– Ильей крестили, матушка, сыном Ивановым.

– Храни тебя Господь, Илья Иванович..., – свернув за угол усадьбы, старица пропала из виду.

Придвинув лавку к окну, Петенька забрался повыше.

Как заболела сестрица, стал он бояться спать в детской светелке. Мальчику казалось, что в углу стоит черный человек, опустивший глаза в пол.

– Как поднимет он очи, дак смерть твоя придет..., – Петенька закрывался одеялом с головой.

Ночью, когда все кричали, и хлопали двери, случилось то, что Петруша не мог вспоминать. Закрывая глаза, он видел все снова. Забираясь под стол или в чулан, мальчик тихонько плакал.

Батюшки больше не было, Степы не было, матушка ходила грустная. Она молилась с Петей перед сном, но все больше молчала, только вздыхала, когда сын ластился к ней.

Марьюшка умирала. Держа ее за руку, мальчик пугался смертного холода. Он дышал на пальцы сестры, надеясь, что ей станет теплее.

Не было никого на дворе, скучно было смотреть в окно. Петенька покрутил колеса игрушечной тележки, что поправила сестра, прежде чем начать умирать. Пете стало всех жалко, и тех, кого он не увидит, и тех, кто остался, а жальче всех было себя. По щекам побежали крупные слезы.

– Петруша! – он не заметил, как мать зашла в светелку. Прасковья обняла его и стала целовать:

– Петенька, мальчик мой...

– Он умер, матушка, умер! – Петя зарыдал пуще: «Я сам видел!»

– Не надо, не надо, родной мой! – от матери пахло уютно, словно все еще были дома.

– Помнишь тетеньку Федосью, маменьку Марфуши? – Прасковья покачала сына.

– Помню. Почему они к нам больше не ездят?

Прасковья помолчала.

– Хочешь к ним в гости поехать?

– К Марфе? Хочу, конечно, – обрадовался Петя: «Мы когда поедем?»

– Я не поеду, сыночек. Федосья Никитична завтра придет и ты пойдешь с ней. Будь хорошим мальчиком, не балуйся, слушайся ее.

– Ты потом приедешь? – мальчик поднял на мать лазоревые глаза.

– Нет, Петруша..., – Прасковья поцеловала сына: «Не приеду».

– Никогда? – неслышно спросил мальчик: «И батюшка со Степой не приедут?»

– Не приедут, милый... – Прасковья закусил губу, сдерживая слезы.

– Я теперь совсем один буду? – Петруша отвернулся, детские плечики затряслись: «Как я без вас—то?»

Прасковья притянула его к себе.

– Петя, ты помни, что отец твой и брат жизни отдали за честь семьи нашей. Не посрами, сыночек памяти их.

– Матушка, можно мне ножик взять, что Степа мне на именины подарил? И ножны для одного, что Марьюшка вышила. Можно?

– Можно. Давай, я тебя собирать буду, а ты помогай мне.

– Молчит Башкин... – налив себе вина, Федор перехватил взгляд жены: «Не смотри так, Федосья. Мне цельной бутылки не хватит, чтобы забыть все».

– Что же будет—то? – жена подперла щеку ладонью.

– Дыба и кнут в придачу... – мрачно отозвался Федор.

– Степан как же? И Михайло? – Феодосия взяла руки мужа в свои.

– Басманов ждет, что Башкин заговорит. Тогда он и за Воронцовых возьмется.

– Но ежели не заговорит?

– Дыба всем язык развязывает, – вздохнул Федор: «Что у Прасковьи слышно?»

– Марья кончается, вряд ли пару дней протянет. Федя, ты часом не знаешь, когда кого из стрельцов Басманов на усадьбу к ним отправляет?

– Знаю, – Федор хотел что—то спросить, но жена остановила его.

– Скажи мне, а остальным я сама озабочусь.

– Коготок увяз, всей птичке пропасть, – пропел Басманов: «Дурак я, Федор Васильевич. Помнишь, как я отцов святых в Андрониковом монастыре спрашивал?»

– Помню, как не помнить.

– Не всех я спросил, вот что. Есть у них честной отец Иона, он летом к Троице уезжал. Только сейчас вернулся, грамотку прислал.

– Дай погляжу, что он пишет. Отправился на богомолье через две ночи на третью после той, когда Феодосий пропал..., – Федор прищурился, разбирая при одной свече монашескую скоропись.

– Истинно так! Ночью, что сбежал Феодосий, отец Иона с требой ходил. Недалече, на Китай—Город, в Иоанно—Предтеченский монастырь. В оном старица на смертном одре лежала, соборовал он ее. Вернулся в обитель он за полночь, и видел кое—что..., – Басманов торжествующе улыбался.

– Парень под стенами монастыря рыбу удил..., – зевнув, Федор отбросил грамотцу: «Давай, Алексей Данилыч, по всей Москве зачем парня искать, коего отче святой видел за полверсты в темноте! На смех нас поднимут и будут правы. Мало ли рыбаков на Яузе той ночью сидело?»

– Мало или немало, а у Андрониковой обители только один. Думаю я, что парень карасей выбросил, Феодосия на руки принял, в лодку перенес, и был таков. А? – Басманов умильно смотрел на Федора.

– Чтоб ты сдох, гнида, – бессильно подумал Вельяминов.

– Башкин тогда что? Наговаривает на себя, мол, сие его рук дело?

– Мнится мне, – Басманов помедлил, – что он с парнем сим знаком. Насчет того, кто на веслах сидел, прав ты. Наговаривает на себя друг наш, выгораживает кого—то. Мы его и поспрошаем со всей строгостью.

– Я пока грамотцу перепишу..., – Федор ткнул пером в показания отца Ионы: «Хоша и монах, однако ошибок насажал, не разберет непривычный человек»

– Сие хорошая подмога, Федор Васильевич. Мы без тебя прямо как без рук. Без рук, да? Ловко вышло! – Басманов рассмеялся.

– Не описать, как ловко... – Федор придвинул чистый лист бумаги.

– Пойду я дыбу налаживать. Надо еще кнут правильный выбрать.

– Разные они? – неосторожно спросил Вельяминов.

– Как иначе! – окольный всплеснул руками: «Коим можно и хребет перешибить, ежели со всей силы ударить. Есть другие, что кожу только рвут, или кожу и мясо под оной. Такой и сгодится нашему боярину».

Матвей Вельяминов выздоравливал. Из царских покоев перенесли его в опочивальню. Ходить юноше было пока нельзя. Царь приносил любимцу книги или играл с ним в шахматы.

– Как погода на Москве, государь? – юноша сидел на ложе, глядя в окно.

– Бабье лето все стоит, Матюша... – Иван Васильевич потрепал его по отрастающим волосам: «Как оправишься, поедem по пороше на зайцев охотиться. На медведя тако же сходим, как обещал я тебе».

– Листья небось все золотые да красные, – вздохнул Матвей: «У нас в подмосковной об это время лес словно сиянием одет. Ровно в храме Божьем, тишина да благолепие, ни единой ветки не шелохнется».

– Паучок на паутине летит, грибами пахнет, травой прелой... – отозвался Иван: «Такое родное все, что слезы на глаза наворачиваются».

– Оттого—то и жаль умирать, царь—батюшка, – Матвей прижался щекой к руке государя: «Сколько красоты нами не видено. Данило Федорович про Пермский край рассказывал, или как на Волге, стоишь и смотришь, аж дух захватывает!»

– Верно говоришь, Матвей... – Иван Васильевич помолчал:

– Посему и хочу я дальше идти. Нечего сидеть в Перми, Казани, да Астрахани. Пора за Большой Камень переваливать, воевать народы тамошние, себе их подчинять. Земли у нас много, люди умные да способные. Чем мы хуже гишпанцев, половиной мира владеющих, али англичан?

– Море для сего нужно, государь. Белое море суровое, путь на него далек. Кто из торговых людей туда доплывет али оттуда до Москвы доберется? Хоша мачеху мою спроси, новгородцы искони по Ладоге да Онеге ходят, но дороги к морю им нет, не пускают.

– Прав ты, парень... – Иван заходил по опочивальне: «Надо Ливонию воевать. Зря, что ли святой благоверный князь Александр Ярославич во времена предков наших за нее боролся?»

– Слава Богу, нужды в людях у нас нет, – юноша взглянул на царя: «Я бы и сам с войском пошел...»

– Тебя я никуда не отпущу... – царь улыбнулся: «Куда тебе в битву лезть, Матюша? Ты не батюшка твой, Федор Васильевич. Он ни Бога, ни черта не боится, как есть храбрец».

Зареванная девчонка лет трех, босая и растрепанная, шла по Рождественке.

Стрелец, сидевший у ворот усадьбы Воронцовых, был человеком семейным, отцом трех дочерей. При виде плачущего ребенка он забеспокоился.

– Случилось что у тебя, девица? – стрелец опустил на корточки.

– Котенок, – девчонка скривила рот: «Котенок мой сбежал! Порскнул за дверь и нет его! Дяденька, – она обхватила стрельца ручками за шею, – найди котеночка!»

– Где я тебе найду—то его? – стрелец погладил ее по спутавшимся косам: «Ты лучше скажи, звать тебя как?»

– Василиса, – шмыгнула носом девчонка: «Батюшка с матушкой пьяные напились и дверь в избе не закрыли, котенок и сбежал!»

– Куда сбежал—то?

Девчонка стрельнула зелеными глазищами.

– Туда и сбегал, – она показала на ограду усадьбы, – вскарабкался и прыгнул во двор. Вона какой забор высокий, разве я перелезу? – плюхнувшись в пыль у ног стрельца, она опять зарыдала.

– Постой туточки, я гляну, где там твой котенок..., – стрелец открыл тяжелые ворота.

—Дяденька, – девчонка сунулась на двор Воронцовых, – котенок—то обратно порскнул.

Стрелец, излазивший весь двор, выбежал на улицу.

–Вона он! – девчонка указала на золото монастырских куполов: «Вона бежит, не догоним!»

Как не догоним?! – стрелец раззадорился. Дома в слободе его девчонки тоже носились с котом, норовившим удрать на улицу: «Давай, Василисушка, припустим, изловим беглеца твоего».

Ворота усадьбы остались открытыми. Во двор с оглядкой проскользнула неприметная баба в потрепанном сарафане.

Басманов прохаживался вокруг дыбы, поигрывая кнутом.

–Что за парень карасей удил на Яузе, боярин? Знакомый твой какой али друг?

–Не видал я никого, – качнул опущенной головой Башкин.

В угарном чаду свечей Федор Вельяминов едва различал висящего человека.

– Значит, не видал..., – Басманов ударил боярина кнутом меж лопаток:

–Ежели получше вспомнить, Матвей Семенович? Может, видел? – окольный ударил во второй раз. По телу Башкина прошла судорога.

Вельяминов отер со щеки брызнувшую кровь:

– Без пользы сие. Он в беспамятство впадет, мы и вовсе ничего не узнаем.

–Пять ударов..., – Басманов погладил рукоятку кнута:

–Я его меру знаю, а кнуту все одно язык менять. Оный искровавленный, шибко не бьет.

–Ты ежели запираешься будешь, Матвей Семенович, – Басманов ударил в третий раз, – дак жизни лишишься. Ни руки, ни ноги у тебя нет, считай. Кости в них переломаны, а лекарей у нас не заведено. Но даже без рук и ног люди живут, а без головы – нет. Если дальше в молчанку будешь играть, я велю очаг раздуть. Ты с клещами познакомился, когда я тебе ногти рвал, дак они холодные были, сие ерунда. Как я тебе зачну каждое ребро тащить клещами раскаленными, ты и откроешься. Но поздненько будет, с вывороченными ребрами ты не жилец..., – снова раздался свист кнута: «Нести очаг? Иль ты вспомнил, что за парень там сидел?»

– Вспомнил, – прошелестел узник: «Не бей только, Богом молю».

– Молодец..., – кнут опустился: «Порадуй нас с Федором Васильевичем, скажи, кто на лодке плыл с монахом?».

Невнятно пробормотав: «Степан Воронцов, сын стольника Михайлы Воронцова», – Башкин потерял сознание.

–Ты нам подарок сделал, коего мы и не ждали, правда, Федор Васильевич? – обрадовался Басманов.

– Истинно государь говорил, потяни за ниточку, клубочек разматается..., – Федор сумрачно кивнул.

Басманов захлопотал:

–Мы тебя снимем, и отдохнешь. Но, – окольный важно поднял палец, – недолго нежиться тебе, Матвей Семенович! Ежели Степан Михайлович запирается будет, мы тебя по новой поспрашиваем, у кого на усадьбе вы монаха прятали и куда он из Твери поехал. Понял?

Ему никто не ответил. Башкин был без памяти.

Степан Воронцов, уронив голову в руки, считал капли, падавшие с сырых стен подвала на пол. Когда его бросили сюда, он лег лицом на камни. Изуродованный глаз горел, боль наполняла всю голову. Ощупав вздувшийся на лбу и щеке рубец, Степан скрежетнул зубами:

– Матвей Семенович тоже здесь. Ежели не выдержит он, нам всем дорога на плаху. Хотя мне и так не жить. Только бы родители с Петенькой уехали, успели.

Степан знал, что отец не бросит сына в остроге, но теплилась у него надежда на спасение кого—то из семьи.

Юноша тоскливо уставился в темноту подвала:

– Что должно было, я исполнил, – прошептал он, – моря, жаль, не успел повидать.

Тяжелая дверь медленно отворилась, на пороге появился человек со свечой.

– Бог тебя не оставит, Федосья. Обнимемся на прощанье, не свидеться нам более.

Марья едва дышала. Прасковья неотлучно сидела у постели дочери.

– Петенька, поцелуй Марьюшку, мы с ней здесь останемся.

Осторожно коснувшись губами лба сестры, мальчик шепнул: «Я за тебя помолюсь».

Обняв сына, Прасковья взглянула поверх его головы на Феодосию. Та поняла без слов.

– Не тревожься. Жизнь свою положу, а Петя под защитой будет. Пора, еще неровен час, стрелец вернется.

– Петенька, – Прасковья засутилась, – ладанку, что я тебе на шею повесила, не снимай. Слушайся Федосью Никитичну и Федора Васильевича, не балуйся..., – голос женщины сорвался: «Петенька, сыночек мой...»

Мальчик, в невидной рубашечке, с котомкой за плечами, вцепился в ее сарафан:

– Маменька, не прогоняй меня, я хорошим буду...

– Пойдем, Петруша..., – Феодосия попыталась забрать мальчика.

– Петенька... – Прасковья не могла разнять рук.

– Ино все погибнем! – Феодосия встряхнула подругу за плечи. Выпустив сына, женщина зарыдала.

– Маменька! – рванулся к ней ребенок, Федосья быстро вывела мальчика из комнаты. Прасковья рухнула на колени перед Спасом в красном углу.

– Что же ты, – она кусала губы, – детей забрал у меня, мужа тоже, дак и жизнь мою возьми!

Прасковья пуще заплакала, уткнув лицо в подол.

– Федор Васильевич! – потянулся к вошедшему Степан.

– Тихо, Степа..., – Вельяминов присел рядом: «Как ты?»

– Царь плетью глаз выбил.

Федор выругался сквозь зубы.

– Я ненадолго к тебе, пока не хватились, собаки. Степа, Башкин на дыбе тебя помянул. Ты не запирайся, расскажи все. Бог даст, минуешь и тиски и другие мученья.

– Я—то расскажу, – горько вздохнул Степан: «Но ведь меня зачнут про Тверь спрашивать да и про другое тоже».

Боярин попытался разглядеть в темноте лицо племянника.

– Отец твой здесь.

– Он же ничего не знает..., – найдя руку Вельяминова, Степан сжал его пальцы: «Что наши?»

– Марья кончается. Мать твоя, боюсь, тоже скоро здесь окажется. Петю мы с Рождественки увезли, в безопасности он. Как до царя дойдет, что Башкин на тебя показал, он велит вас всех в острог запрягать. Прасковья не признается, что мы Петеньку забрали, а тебе держаться надо, Степа.

– Страшно мне, Федор Васильевич, – понурился Степан: «Ино не смогу».
Вельяминов обнял его.

– Пора, а то Басманов вернется. Знай, ежели что, Федосья увезет детей, и не найдут их. Если поймешь, что не в силах терпеть более, вали все на меня.

Степан покачал головой.

– Хоша и страшно мне, да сказано: «Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси».

Показалось Федору, что накрыла их сень смертная, и нет от нее ни защиты, ни спасения.

—Мой котеночек! – девчонка понеслась к толстому полосатому коту, нежившемуся в тени монастырской стены: «Барсик, ты зачем убежал?».

Кот мяукнуть не успел, как его стиснули цепкие девчоночьи руки. Морда у животного сделалась ошарашенная. Стрелец почесал кота за ушами.

– Раскормленный он у тебя, а все одно в бега норовит! – кот обреченно зажмурился. Стрелец погрозил ему пальцем: «Ты удирать более не смей!»

– Мышелов он, – похвасталась девчонка, – всех крыс в округе извел. Благодарствую, дяденька, – она поклонилась стрельцу: «Домой побегу. Батюшка с матушкой проснутся, надо рассол с погреба притащить».

– Благослови тебя Бог, Василисушка, – перекрестил ее стрелец. Девчонка с котом подмышкой запылила прочь.

С Рождественки же на Введенскую улицу, к Неглинной горке повернула неприметная слободская баба, с виду пушкарская женка. Она, всхлипывая, вела за собой рыдающего парнишку.

Прохожие на бабу не оглядывались. Должно, муж поучил, али кису на базаре порезали. Москва большая, много горя на ней, не станешь за чужой слезой останавливаться, когда своих хватает.

Сидя на краю кровати, Феодосия держала ноги в тазу с с травяным настоем. Осторожно вытерев ее, Федор уложил жену в постель.

–Федя, – попросила она, – покорми деток, пригляди за ними. Нехорошо их одних оставлять, особливо Петеньку. Прости, что я не встаю...

– Отдыхай, только вот что..., – помолчав, Федор продолжил:

–Ежели днями что случится со мной, бери детей и беги отсюда. Не жди, не тяни время. Оставаться даже не думай, поняла?

–Может случиться? – голос жены дрогнул. Казалась она сейчас Федору замерзшей птахой, бьющейся в окно избы посередке зимы, в надежде, что добрый человек насыплет ей зерен.

–Степу не сегодня—завтра к Басманову поведут. Башкин на него указал, дак я велел, чтобы Степа не запирался, валил все на меня. Царь, как узнает, что исчез Петя, пуще взъярится..., – вздохнул Федор.

Дверь опочивальни закрылась, Феодосия заплакала, комкая во рту рукав сорочки, раздирая зубами тонкий лен.

—Расстроил ты меня, Алексей Данилович, – царь отвернулся от окна: «Две бабы, одна из коих при смерти, и парень малолетний, а ты за ними уследить не смог!»

– Стрельцы говорят, что мальчишка перелез через забор ночью, да и был таков.

– Ты ровно забора того не видел! – желчно отозвался Иван Васильевич: «Сей забор в два роста человеческих, а поверху его колья заостренные пущены. Куда мальчишке с ним справиться! Ворота не открывали твои стрельцы?»

– Как можно, коли не велено? – зачастил окольный: «Ворота заперты стояли все время!»

– Не приходил к ним никто? – остановившись перед Басмановым, царь посмотрел ему в глаза.

Окольный развел руками.

– Говорят, никто. Если бы кто и появился, не пустили бы, приказ на сие строгий.

– Сама Воронцова что говорит? – царь кружил по палате.

– Аки волк дикий, – Басманов сам испугался своих мыслей.

– Говорит, что проснулась утром, а сына нету.

– Врет, – буркнул царь: «Знает небось, но покрывает мальчика. В округе спрашивал?»

Басманов подался вперед.

– Баб с детьми видели, а мальчика одного не было.

– Найди его. Обещал я, что семя их истреблю, так и случится... – Иван грохнул кулаком по столу.

Окольный растерялся.

– Где же на Москве найдешь мальчишку шестилетнего? Может, околел он, а может дальше ушел.

– Дак ищи дальше! – заорал Иван: «В вотчины их пошли, вдруг его туда вывезли. Прасковью, стерву, поспрашивай. Знает она что—то, не может не знать. В остроге она?»

– Да, и дочка ейная с ней. Та совсем плоха, кончается.

– Чтoб она и вовсе издохла, – пробормотал Иван. Государь добавил: «От Башкина вы признания добились, за сие хвалю. Теперь сведите его с воронцовским отродьем, посмотрим, как они изворачиваться будут».

– Государь, но Федор Васильевич сродственник им... – растерянно сказал Басманов.

– Я князю Старицкому, изменнику, двоюродным братом прихожусь, – язвительно ответил царь: «Сейчас мне голову отрубишь али погодишь еще?»

– Да я, – залепетал Басманов, – я, государь, вовсе не...

– К Вельяминову у меня веры поболее, чем к другим, понял? Ежели есть у меня надежный человек, сие Федор Васильевич.

Басманов ушел. Царь, потрепав пальцами, направился в покои Анастасии Романовны.

Царица с ближними боярынями вышивала на престольную пелену для Успенского собора. Шел третий месяц, как она понесла. Выполняя обещание, данное Богородице, Анастасия щедро жертвовала на церкви и ставила ослопные свечи.

Дверь распахнулась. Щека царя мелко подрагивала. Анастасия поняла, что случилось плохое.

– Вон пошли отсюда, – бросил он. Боярыни порскнули по углам.

– Что, государь? – Анастасия заставила себя улыбнуться.

– По бабской твоей жалости у Воронцовых с усадьбы мальчишка ушел, – огрызнулся Иван: «Сидели бы они в остроге, дак не случилось бы сего».

– Петенька? – ахнула царица: «Ему шесть лет лишь. Ты что, Иван, теперь с детьми воюешь?»

– Не учи меня, как врагов государевых изничтожать..., – Иван хлестнул ее по лицу.

Анастасия схватилась за покрасневшую щеку.

– Что ты делаешь, в тягости я...

– Кабы не сие, сапогами бы тебя поучил. Возомнила о себе невесть что, змея!

Под градом пощечин царица молчала, только голова ее моталась из стороны в сторону, да бежали по лицу быстрые слезы.

Царь, утомившись, опустил руку.

– Коли выкину я, Иван, сие твоя вина будет, – проронила Анастасия.

– Про Соломонию Сабурову забыла? – намотав на руку ее косы, Иван пригнул царицыну голову вниз: «Знай свое место и молчи».

Зайдя на конюшню, Федор прислушался к детским голосам.

– Когда стрельцы пришли за батюшкой, Волчок им навстречу бросился. Главный его сапогом пнул, но Волчок его укусил. Тот озлился, Волчка взял и голову ему об стену разбил. Я под столом сидел, и все видел..., – голос Петруши задрожал: «Я Волчка на дворе похоронил, за амбаром. Ямку вырыл, в ручник его завернул и «Отче наш» прочел».

Марфа обняла его.

– Хочешь, моего Черныша возьми? Если бы у меня собачка была, я бы тебе ее отдала, да нетути.

– Черныш твой, он тебя любит..., – покачал головой Петя.

– Тебя он тоже любит..., – коты, черный и полосатый, лежали между детьми в сене. Марфа почесала полосатого между ушами. Зверек зевнул, не открывая глаз: «Барсика я себе оставлю».

– Его, может, и не Барсик зовут.

– Будет Барсик! – заупрямилась Марфа: «Как я сказала, так и будет!»

– Куда мне Черныша? – погрустнел Петя: «Я, Марфуша, вскорости уеду, несподручно сие с котиком».

– Поедешь с котиком, – девочка поджала губы, совсем как мать: «Черныш хороший, он тебе не помешает».

Осторожно взяв черного котенка, Петя прижался к нему щекой.

– Марфуша, давай крестиками поменяемся, словно мы братик и сестричка родные.

Марфа потянула с шеи крохотный золотой крестик.

Федор позвал:

– За стол идите, ребятки, поздно уже.

Открыв глаза, Марья увидела измученное лицо матери. «Как постарела она, – подумала девушка, – все я виновата».

– Матушка, – прошептала Марья: «Родная...»

– Тихо, доченька, – Прасковья приложила губы ко лбу дочери.

– Холодно..., – девушка задрожала: «Болит нутро, ровно огнем жгут, а все одно холодно».

Взяв посиневшие пальцы дочери, Прасковья подышала на них.

– Что батюшка? Степа и Петенька что?

– С Петенькой все хорошо..., – Прасковья смахнула слезу с ресниц.

– Повидать бы их, – с трудом проговорила Марья: «Согрubiла я, обидела вас. Благослови, маменька, меня на смерть, кончаюсь я...».

– Что ты говоришь такое, – Прасковья приникла к Марье: «Никого ты не обидела, доченька».

– Держи меня, – пролепетала Марья: «Тепло, матушка, солнышко светит...»

Взглянув на сырые своды подвала, Прасковья крепче прижала к себе дочь.

– Да хранит тебя Пресвятая Богородица, – она услышала легкий вздох Марьюшки.

– Вечный покой дарует тебе Господь..., – закрыв синие, потускневшие глаза, баюкая невесомое тело, она запела:

Ой же ты, родима моя доченька,

Прилети ты на свою сторонушку,

Распусти сизы свои крылышки,

Да превратися ты в быстру пташечку...

Федор Вельяминов сказывал детям сказку. Марфа заснула быстро. Петя, заслушавшись про странствия Ивана—царевича, спросил:

– Дяденька Федор Васильевич, можно я у вас останусь? Я не забалуясь, послушный буду во всем.

– Нельзя, Петенька, милый..., – Федор погладил темные кудри: «Ежели прознают про тебя, всем нам смерти не миновать. Но ты к хорошим людям поедешь, хоша и далеко они живут».

– И вас я больше не увижу? – Петя потер мокрые глаза.

– Дак кто сие знает? На все Божья воля, Петруша, может, и свидимся еще. Ты спи покуда.

– Можно я ножик, что мне Степа подарил, рядом положу? Ночью кто придет, я его ножиком и ударю.

– Не придет никто, – успокоил ребенка Федор. Выходя из детской светелки, он заметил, что мальчик все—таки сжал рукоятку ножа.

В опочивальне, опустившись рядом с женой, Федор прошептал:

– В бою убивал, и не раз, но чтобы дитя невинное мучить? Никогда я сего ему не прощу. Феодосия открыла глаза:

– Бог ему ничего не оставит, накажет стократ за все прегрешения.

Царь приехал в Разбойный приказ глубокой ночью, тайно.

– Не сводил ты еще Башкина с Воронцовым? – спросил он окольничего, просматривая записи допросов, приведенные в порядок Федором: «Толково изложено. Великое дело грамота, Алексей Данилович, ты бы тоже поучился».

– Поздновато мне, государь, – заискивающе улыбнулся Басманов: «Чай, не мальчик. Сын пусть за меня отдувается. Их я думал завтра свести. Посмотрим, как дело обернется».

– Что за шум у тебя? – царь прислушался к звукам в подвале.

– Девка у Воронцовых преставилась, а Прасковья умом помутилась, все поет и поет.

– Дак заткни ее! Мне тебя учить, что ли? Веди их сюда. Не буду я здесь полночи сидеть заради псов сих.

Федор проснулся от шума в детской. Взяв свечу, он осторожно заглянул в дверь. Дети и коты спали вповалку на одной лавке.

Марфа подняла голову.

– Петенька проснулся, плакал, маменьку звал. Пуцдай котики с нами останутся, ладно?

Федор поцеловал дочку. Обняв его за шею, Марфа зашептала отцу на ухо:

– Пусть Петруша с нами останется мне братиком. Можно? Он хороший, мы дружим.

– Нельзя, доченька. Знаешь ты, что с его родителями случилось.

– В остроге они сидят, – выдохнула девочка.

– Коли Петенька с нами останется, и нас всех туда отведут.

– Можно разве деток в острог сажать? – удивилась Марфа.

Федор тяжело вздохнул.

– Потому Петруша и уедет, а ты спи.

– Далече он уедет?

– Должно далече, спи.

Девочка устроилась под одеялом, прижав к себе сонных котов.

– Жалко, вот бы с ним свидеться когда.

– Может, и свидитесь, Марфуша. Храни тебя Господь, доченька..., – Федор загасил свечу.

По лицу отца Степан понял, что его били, долго и жестоко. Михайло еле держался на ногах, но, увидев сына, попытался улыбнуться. С разбитых губ закапала кровь.

– Рассказали нам про твоего сына, боярин..., – Басманов остановился перед Воронцовым: «Не верю я, что не знал ты, будто он в ересь опасную впал и беглым преступникам спешествует».

– Не знал я ничего, говорил и еще скажу, что не знал! Даже если ты мне оставшиеся зубы выбьешь, все одно мой ответ не изменится.

– Не изменится, – задумчиво проговорил царь, стоя спиной к Воронцовым: «Сынок твой младший, Петя, где он?»

– Как увозили меня с Рождественки, дак он в усадьбе оставался..., – ответил Михайло.

– Сейчас нет его, вот незадача, – Иван щелкнул сильными пальцами: «Как сквозь землю провалился Петенька. Прасковья твоя говорит, что убег он куда—то».

– Да как же это? Как дите малолетнее одно на Москве будет? Надо искать его!

– Эка затрепыхался! – усмехнулся царь: «Не сам ли ты переправил куда мальчишку? К сродственникам али в вотчины? Не помнишь?»

– На что тебе дитя сдалось? – пробурчал Степан: «Или заместо татар свой народ воевать хочешь?»

– Ты, Степа, глаза лишился..., – царь подошел совсем близко. Юноша чувствовал его горячее, звериное дыхание:

– Может, тебе еще и язык укоротить? Басманов сие сделает, но не сейчас, конечно. Сначала ты все обскажешь про монаха Феодосия и про то, кому ты его в Твери передал и куда его далее повезли.

– Не обскажу. Хоша ты меня на кол сажай..., – Степан вздернул голову.

– На кол ты, Степа, сам запросишься, – пообещал Иван: «Погоди, мы еще только начали». Он обернулся к Басманову:

– Предерзкая нынче молодежь пошла. Но ты, Степа, смерть можешь миновать. Батюшка твой родной перед тобой стоит. Возьми кинжал да и горло ему перережь. Сразу мы тебя отпустим, и даже про монаха пытаться не будем. Господь с ним, мало ли холопов каждый день в Литву али Ливонию бегают! Мы с Алексеем Даниловичем тайну твою сохраним. Перережешь отцу горло и гуляй на все четыре стороны. Парень ты молодой, семья у вас богатая, отбирать я у тебя ничего не стану, своего достаёт. Глаза у тебя нет, но сие не страшно, главное, что голова на плечах осталась. Согласный ты?

Отец стоял с прямой спиной. Михайло ободряюще кивнул сыну.

– Ежели ты мне, государь, кинжал дашь, – отозвался Степан, – первый удар тебе достанется. Там будь, что будет.

Убрав со стола, Феодосия сказала детям:

– Ино хотите на конях прокатиться? В тереме сидючи и закиснуть легко. Петруша, ты в седле удержишься?

– Я с год как на коне сажу..., – глаза мальчика заблестели.

– Мне не разрешают одной, – погрустнела Марфа: «Только если впереди посадят».

– Потому что ты маленькая! – Петя показал ей язык: «А я большой».

Девочка выпятила губу.

– Не отдам тебе Черныша, раз ты дразнишься!

– Жадина! – Петя кривлялся, бегая вокруг стола. Бросив в него берестяной солонкой, не попав, Марфа слезла с лавки.

– Сейчас я тебе покажу..., – девочка сжала кулачки: «Проси прощения, а не то...»

– Не догонишь, не догонишь! – показав ей нос, мальчик шмыгнул за дверь.

Марфа припустила за ним.

– Что за шум, а драки нет? – раздался со двора удивленный голос Федора.

Выйдя на крыльцо, Феодосия усмехнулась. Петя висел на заборе, Марфа закидывала его грязью.

Она потерлась щекой о плечо мужа: «Они дети, пусть резвятся. Все лучше, чем слезы лить».

– Как думаешь, – спросил Федор, – забудет Петя—то?

Жена качнула головой:

– Не забудет. Батюшка отписал, что завтра человек приедет. Отправят Петю на Чудское озеро, а оттуда в Колывань. В Новгород не заглянут, опасно сие, везде глаза да уши».

– Феодосия в Новгород возили? – поинтересовался Вельяминов.

– Откуда мне знать? – Феодосия пожала плечами: «Батюшка человек скрытный. Он каждый день ровно по краю пропасти ходит. Один шаг неверный и костей не соберешь».

– Как началось сие, я и сам ровно на краю пропасти, – тоскливо вздохнул Федор.

– Жалеешь? – серые глаза жены взглянули на него.

– Ежели бы я один был, дак нет, – хмуро сказал боярин, – а так я за вас боюсь с утра до ночи. Почему в Колывань—то?

– Там у батюшки друзья по торговле. Может, Петю приемным сыном куда возьмут.

– Он Воронцов! – вскинулся Федор: «Боярин, не торговая косточка».

– Знаешь, Федя, – заметила жена, – как зачнешь умирать, дак Господь тебя не по званию судить будет, а по делам твоим.

– Права ты, – усмехнулся Вельяминов. Он провел рукой по ладной спине Феодосии: «Пойдем наверх, покуда ребятишки делом занялись».

Успев помириться, дети копошились в куче песка за амбарами.

– Я им коней обещала, – запротестовала Феодосия.

– Не перечь мужу, – весело велел Федор:

– Как зачнешь спорить, дак не остановить тебя. Сказал, иди наверх, значит иди. Али не хочешь ты? – он вскинул бровь.

Рассмеявшись, Феодосия легко побежала вверх по лестнице.

—А ты, Михайло Степанович? – остановился перед ним царь: «Как сыну своему старшему горло перережешь, дак и отпустим тебя. Заберешь Прасковью, домой пойдешь. И где Петю ты спрятал, я не спрошу».

Воронцов молчал, глядя себе под ноги.

– Ты человек молодой, жена твоя деток может принести. Не робей, мы с Алексеем Даниловичем тайну сохраним. Помер Степан и помер, никто ничего не узнает. Не сумлевайся, Михайло Степанович, бери кинжал. Ты на поле боя раненых добивал. Дело минутное, он и не почувствует ничего.

Подняв угрюмый взгляд на государя, Михайло протянул ладонь. Басманов передал ему широкий кинжал.

– Господи, прости, – Воронцов сжал пальцы на богато изукрашенной каменьями рукояти. Государь расхохотался.

– Опусть клинок, Михайло Степанович. Сына своего ты жизни не лишишь, знаю я тебя, а меня заколоть не так просто. Я теперь по Москве без кольчуги не езжу..., – царь шепнул что—то Басманову. Суетливо закивав, окольный позвал стрельцов: «Уведите его».

– Ты, Степа, – царь подошел к младшему Воронцову, – сейчас с другом встретишься, с боярином Башкиным. Поговорите с ним о том, о сем. Глядишь и разберемся, куда и к кому дорожка из Твери проложена. Как я и обещал, ты смерти, как облегчения, запросишь..., – Иван приблизил губы к его уху:

– Знаешь, отрок, как умирают на колу? Долго сие, Степа. Дня три промучаешься, не меньше.

– Кончал бы скорее со мной, – отозвался Степан.

– Нет, милый, что за радость, коли враг не страдает? – хмыкнул царь: «Не будет такой меры, Степан Михайлович, чтобы страдания твои исчислить».

Вельяминовы все же выехали на прогулку с детьми. Сначала обоих пришлось отмывать, так измазались они на дворе.

Петю отправили на смирную кобылу, хотя он убеждал Федора, что может ехать и на горячем коне. Лошади шагом шли по осеннему лесу. Сидя в седле перед отцом, Марфа показала Пете язык.

– Зато я сам еду, а ты не умеешь! – пробурчал Петя

– Батюшка, – девочка надула губы, – можно я сама буду ездить? Я большая. Маменька умеет, и я тоже хочу.

Федор поцеловал дочь в теплую макушку:

– Лошадь, коя у Пети, совсем смирная. Как по мне, лучше с нее начинать. А, Федосья? – обернулся Вельяминов к жене.

– Меня отец на коня посадил, как мне годика четыре исполнилось. Пушай учится.

Марфа торжествующе посмотрела на Петю.

– Когда мы в следующий раз свидимся, я сама ездить буду!

– Дядя Федор, – Петя не поднимал глаз от холки коня, – когда мне уезжать?

– Выходит, что завтра, милый..., – отозвался боярин: «Давайте спешимся, посмотрим, грибов нет ли каких в лесу?»

– Я первая смотрю! – завершала Марфа.

Петя молчал. Федор положил большую руку на плечо мальчику. Остановившись, на краткий миг прижавшись щекой к его ладони, Петя распрямил спину. Ребенок независимо зашагал дальше.

Подняв тяжелые веки, Прасковья увидела колеблющийся огонек свечи. Лежа рядом с телом дочери, женщина напевала колыбельную. Ей все казалось, что Марья маленькая, грудная. Степан родился первым из двойни и рос спокойным. Марья была бойчей и прожорливей брата. Она требовала молока даже когда Степа, насытившись, спал в колыбели.

Прасковья сидела на постели, приложив дочь к груди. Вдыхая сладкий младенческий запах, она задремывала под мирное причмокивание. Марья начинала обиженно хныкать. Михайло брал дочь на руки и носил по горнице, чтобы Прасковья могла передохнуть.

Прасковья бережно погладила темные волосы дочери. Ее грубо встряхнули за плечо.

– Подымайся, боярыня, с мужем свидишься. Соскучилась небось?

– Девочка моя маленькая совсем, как я ее оставляю?

Окольничий ударил женщину по лицу, голова Прасковьи мотнулась.

– Ты мне не притворяйся! Ишь какая нашлась! Быстро расскажешь, куда сынок твой с Рождественки делся!

– Сынок мой Степа тоже ребенок еще..., – синева ушла из глаз Прасковьи. Казались они теперь не лазоревыми, а черными, словно ночь.

Басманов потащил ее к двери.

– Сейчас ты у меня по—другому заговоришь.

– Алексей Данилыч, – остановил его стрелец, что стоял на страже: «С покойницей—то что делать?»

– Свезите на кладбище ближнее и выбросьте. Пушай Христа ради похоронят в общей могиле..., – бросил Басманов через плечо.

Когда жену ввели в палаты, Михайло и не признал ее сразу. Словно скинула двадцать лет Прасковья, став той юной девушкой, какую увидел он когда-то в крестовой горнице ее родителей.

Остановившись на пороге, она низко опустив голову с туго заплетенными косами.

— Словно кобылка норовистая, — подумал о ней семнадцатилетний Воронцов. Прасковья вскинула на него глаза, юноша отпрянул. Лился из ее очей лазоревый свет, и все вокруг купалось в его сиянии.

Сейчас жена смотрела на него так же, ровно не было вокруг ничего и никого, кроме них. Она едва шевельнула губами, но он всегда понимал ее и без слов.

— Милый мой..., — руки ему связали, он не мог даже прикоснуться к жене. Басманов крепко держал ее за плечо.

— Оставь, — хрипло попросил Михайло окольного: «Баба, что с нее взять, не знает она ничего».

— Дак может, ты знаешь, вот и скажи нам, — пропел Басманов сладким голосом:

— Не дай Бог, с ней что нехорошее случится, так ты виноват будешь. Но сдается мне, что ведомо боярыне, куда сынок ваш делся. Не молчи! — встряхнул он Прасковью.

— Нет у меня другого сыночка, окромя Степы..., — недоуменно отозвалась она.

Михайло не понимал, ведает она, что говорит, али нет. Взгляд Прасковьи затуманился, на губах играла ускользящая улыбка.

— Смотри, боярыня, потом сама пожалеешь. Не доводи меня до греха, откройся, и муж твой страдать не будет.

Прасковья протяжно запела:

Ночка темная, не спится,

Наша Марьюшка боится.

Ты, собачка, не лай,

Ты мне Марью не пугай!

Она обвела комнату невидящими глазами.

— Холодно Марьюшке, отпусти меня, согрею я доченьку свою.

Окольный кивнул стрельцам. Те, развязав Михайле руки, усадили его напротив Прасковьи.

— Как мужу твоему зачнут раскаленными клещами ногти рвать, — наклонился к ней Басманов, — ты в глаза ему смотри. Может, и пожалеешь его. Очаг сюда несите, — распорядился окольный. Михайло даже не дрогнул лицом.

Дверь подвала отворилась, через порог шагнул царь.

— Уберите все, — Иван Васильевич указал на кровь, стекавшую со стола: «Воды принесите, надо мне, чтобы он в памяти был». Он подошел к Прасковье: «Допелась? Муж твой страдания принимал у тебя на глазах, а ты, стерва, молчала?».

Очнувшись, Воронцов мутно взглянул на царя.

— Не знает она ничего. Убей нас, зачем тебе слезы наши?

— Ты, боярин, не понял еще, что такое боль..., — наставительно ответил царь: «Что тебя пытали, дак ты муж. Знал я, что ты не скажешь ничего, но как на твоих глазах за бабу твою примутся, не сможешь ты молчать. Так, Алексей Данилыч?»

— Истинно так, государь..., — кивнул Басманов: «Баб да деток завсегда жальче».

— Разве сможешь ты смотреть, как страдает жена твоя венчаная, Михайло? Она тебе Богом дадена, чтоб защищал ты ее и оберегал, а ты ее на муки обрекаешь.

— Да ежели вы..., — вскинулся Воронцов. Стрельцы навалились ему на плечи.

–Ты что, боярин, мы христиане! Как можно жену венчаную хоша пальцем тронуть! Нам того не надобно, – усмехнулся царь, – ты нам все расскажешь, как боярыня твоя под кнутом окажется.

–Будешь говорить? – наклонившись к Прасковье, государь отшатнулся. Женщина плюнула ему в лицо. Иван утерся рукавом ферязи.

– Очаг подвинь и клещи нагрей..., – велел он Басманову: «Пусть держат ее двое али трое, ино она вырваться зачнет. Воды еще принеси холодной со двора».

– Государь, она после сего и вовсе ничего не скажет... – попытался возразить окольничий.

– И не надо..., – царь перевернул клещи на огне: «Молча пойдет на плаху».

Взяв Прасковью за горло, он поднес к лицу женщины раскаленное докрасна железо. Глаза ее расширились. Иван быстрым движением сомкнул клещи. Из рта хлынула кровь. Распрямившись, царь вдавил вырванный язык сапогом в пол.

Женщина, мыча от боли, билась головой о стену.

–Ведро на нее вылей и тащи сюда, – приказал Иван Басманову: «Хочу, чтобы она все видела. На колени ее поставь».

–Смотри, как я мужа твоего сейчас охолощу. Знаешь, как с конями сие делают, тако же и с людьми. Был у тебя муж, а на кол я его мерином посажу. Обещал я семя ваше истребить, с него и начну.

– Разденьте его..., – Иван кивнул на Воронцова:

–Не хочешь в последний раз—то, а мы на вас посмотрим..., – государь ощерился.

Поглядев на залитое кровью лицо жены, Михайло закрыл глаза.

– Прощай.

Степана привели к Басманову глубокой ночью. Крики, доносившиеся из подвала, смолкли. Покой опустился на Москву.

Обычно невозмутимое лицо окольничего изменилось. Рот подергивался, под глазами залегли тени, подрагивали пальцы, постукивавшие по столу.

– Готов ты, Степа, увидеть Матвея Семеновича? Или так все расскажешь?

–Говорил царю, повторю и тебе, слова единого вы от меня не добьетесь..., – хмуро отозвался юноша.

Окольничий крикнул, приоткрыв дверь:

– Давайте его сюда!

Башкин не мог идти сам, стрельцы поддерживали его с двух сторон. Изуродованные ноги бессильно волочились по полу.

–Что, Степа, страшно? Ты парень молодой, здоровый, но как в тиски тебе руку зажмут, то же самое случится..., – Басманов кивнул на посиневшие пальцы Башкина. Боярин поднял голову, взгляд заплывших от побоев глаз остановился на Степане.

–Узнаешь, Матвей Семенович? Степан Воронцов, о коем говорил ты нам. Видишь, мы долго запрягаем, зато быстро едем. С тобой мы сколько валандались, но как ты открылся ты, кто тебе помогал, дак мы вас и свели.

Башкин молчал.

–Матвей Семенович, царь велел, что ежели ты нам все расскажешь, дак плаху минуешь, пойдешь в тюрьму монастырскую. Сие тоже не сладко, однако жив останешься.

–Рассказал я, что знал. Остальное у него спрашивайте..., – Башкин кивнул на Степана.

–По всему выходит, что Матвей Семенович отсюда в монастырь поедет, а ты, Степа, – Басманов развел руками, – не знаю куда.

Башкина выволокли из палат. Сев за стол, окольничий подвинул к себе очаг.

–Видишь, какое дело у нас с тобой выходит. Рад бы я тебе подсобить, да никак не могу, ежели ты упираться зачнешь.

Матвей Вельяминов поцеловал цареву руку.

– Что ты, милый, – Иван улыбнулся, – ровно не знаешь, как я люблю тебя. Вотчины воронцовские сие ерунда, разве измеришь землями да холопами нашу дружбу? Ты в возраст вошел, пора от батюшки отделяться, своим хозяйством жить. Как обустроишься на Рождественке, в гости зови.

Иван пропустил сквозь пальцы его густые кудри.

– Скоро совсем выздоровеешь. Воронцовых изничтожим и заживем спокойно.

– Что с ними—то? – безразлично спросил Матвей.

Иван отмахнулся.

– Невеста твоя бывшая зельем опоила себя, а отец ее под пыткой кончился. Ничего, еще Степан у них остался, чтобы на кол сесть.

– Прасковья, я слышал, разумом помутилась?

– Совсем плоха, верно. Все одно ей на плахе лежать. Ты отдыхай, тебе еще рано вставать и Федосья Никитична сие говорит.

– Ежели бы не она, не оправился бы я так скоро.

Иван кивнул.

– Твоя правда. Надобно ей чего подарить за излечение твое. Царице она тоже помогла травами.

– Когда срок—то Анастасии Романовне?

– Великим Постом, с Божьей помощью, Ты что, Матюша, плачешь, что ли?

Матвей, отвернувшись, закусил губу.

– Ты у меня единственный, – царь смотрел в блестящие слезами глаза юноши: «Жены да дети, сие долг царский. На кого мне страну оставлять, коли помру?»

– Всякий раз, когда ты уходишь, – прерывающимся голосом ответил Матвей, – словно жизнь моя исчезает... – скрипнув зубами, он замолчал.

– Не стану врать тебе, коли мы друг другу душой принадлежим. Царицу я не так, как тебя люблю, но она жена моя венчаная, Богом нареченная, – развел руками царь.

– А я? – Матвей сглотнул: «Разве не твой я всем телом и существом своим? Если ты мне что прикажешь, все сделаю, ты сам видел!»

Царь приложил палец к его губам: «Знаю, милый. Однако ты не мальчик, тебе жениться надо, род продлевать. Не вечен твой батюшка».

Матвей покраснел:

– Не смогу я жениться—то.

– Брось, – Иван рассмеялся: «Ты сейчас так говоришь, а придет время, дак пойдешь под венец. Собирался один раз, и во второй соберешься».

– Помнишь, каков я раньше был? – вздохнул Матвей: «Всех срамных девок на Москве изведаль. Но как вернулся из Кириллова монастыря, пошел дорогой известной, и не смог. Никогда такого со мной не случилось. Девка меня на смех подняла, избил я ее в кровь, а все одно ничего. Стыдно мне, но ты сие знать должен».

Царь коснулся губами лба юноши.

– Что доверился мне, молодец. Не бойся, сие во мне умрет.

– Иван, – позвала Анастасия, глядя на широкую спину. Они лежали на просторном царском ложе. Натянув на себя парчовое, с меховой оторочкой одеяло, царица прижалась к мужу.

– Чего тебе? – сонно спросил Иван.

– Правду ли говорят, что Прасковья Воронцова разум потеряла?

– Совсем плоха, не узнает никого..., – зевнул царь.

– Может, пусть ее в монастырь сошлют, чего казнить—то? – неуверенно проговорила Анастасия:

– Степана, понятное дело, на кол надо посадить, а Прасковья пушай кается да грехи семьи замаливает.

Царь повернулся к жене.

– Добрая ты баба, царица, – смешливо сказал он: «Поучил я тебя, дуру, днями, а ты, смотрю, забыла сие. Еще хочешь?».

Заметив страх в глазах жены, Иван грубо обнял ее.

– Тебе ведь нравится, – прошептал он ей на ухо: «Ты и на казнь Воронцова побежишь смотреть, Настасья. А после казни будешь вся покорная, я помню, как бывало».

Царица лишь втянула в себя воздух.

– Нравится, вижу. Всякий раз, как бью я тебя, ты потом ровно масло. Ино хочешь глянуть, как подругу твою кнутом исполосуют?

Анастасия кивнула.

– И как ноздри ей порвут? И железом раскаленным заклеят? – Иван вгляделся в женино лицо: «Что с тобой делать, придется уважить».

– Ты и сам того желаешь, – Анастасия приникла к губам мужа: «Неправду, что ли, говорю?».

– Правду..., – Иван развернул жену к себе: «Не шевелись».

Анастасия закусила зубами угол подушки.

– Как родишь, ты у меня с кнутом и повстречаешься, Настасья.

Царица низко застонала.

Матвей, в соседней опочивальне, услышав ее стон, заплакал.

Улучив момент, когда Басманов обернулся за очагом, Степан схватил окольничего за горло. Прижав его к затоптанному полу, юноша поднес к глазам Басманова горячие клещи.

– Коли голос подашь, дак рожи лишишься, и жизни тоже.

– Не губи! – проскулил окольничий, – я тебе золота дам, сколько захочешь.

– В глотку себе его заткни, собака, – Степан плюнул Басманову в лицо: «Где родители мои? Марья где?»

– Сестру твою на кладбище свезли вечером, а батюшку вслед за ней. Царь Иван его охолостил железом раскаленным, он и кровью истек, – зачастил окольничий: «Но я, вот те крест, батюшку твоего и пальцем не тронул».

Степан сильнее сжал его шею.

– Правду говорю, не бери грех на душу, Степа, – прохрипел Басманов.

– Мать моя где?

– В подвале, разум у ей помутился, Царь язык ей вырвал, помирает она.

– Ключи, – коротко приказал Степан.

– Царь в Кремль увез..., – Басманов хватал ртом воздух.

– Врешь, – Степан поднес клещи еще ближе: «Сейчас выжгу тебе все лицо, сука».

– Не вру я, Степа, – окольничий заплакал: «Нет у меня ключей!»

Перевернув Басманова, Степан стащил с себя рубаху. Разодрав полотно, впихнув в рот окольничему кляп, юноша связал его по рукам и ногам.

– Помнишь очаг, Алексей Данилович, коим ты меня страдал? Сейчас его сам испробуешь.

Юноша прижал лицо окольничего к раскаленной решетке. Запахло горелым мясом и палеными волосами. Вой Басманова заглушил кляп.

– Чтоб помнил обо мне, сука..., – Степан подбежал к окну. Вдохнув холодок осенней ночи, юноша перемахнул во двор. Прыгнув на спину какой-то кляче, Степан перескочил через низкий забор Разбойного приказа.

– Федосья! – женщина выплывала из сна: «Федосья!»

Ей снился дом на холме над северным морем. Волны бились о каменистый берег, низкие тучи вереницей шли над волнами. На горизонте виднелись дальние горы, поросшая вереском равнина, шумел ветер в очаге бился огонь.

В снах Марфа была почти взрослой. У Феодосии росли другие сыновья и дочери. Она чувствовала, как наливается силой ребенок внутри нее, как тяжелеет лоно. С тех пор, как отняла она от груди Марфу, она все ждала новолуния. Видя кровь, женщина прятала слезы. Феодосия поняла, что не принесет она более детей, что сие решил Господь, ожесточившись на землю, где остались страдания и смерть.

В ее снах не было страха, бессонных ночей, ожидания стука в ворота. В доме на холме сиял свет, смеялись дети, улыбался Федор. Вечерами они сидели у огня, зная, что так будет всегда, покуда стоят небо и земля.

– Федосья, вставай! – муж наклонился к ней со свечой.

– С детьми что? – всполошилась боярыня.

– Спят они. Приходи в конюшню. Мазь у тебя для ран есть? – Федор рылся в сундуке.

– Есть, сейчас принесу.

– Чтоб не услышал никто..., – Федор вышел, прихватив охапку одежды.

Феодосия пробежала в дальний угол конюшни, где горела одинокая свеча. Узнавая ее, лошади тихонько ржали, вскидывая головы, вороные, гнедые, белые.

Федор хлопотал над человеком, лежавшим на соломе.

– Выпей..., – велел он: «Хоша согреешься»

Феодосия осторожно размотала грязную тряпицу, прикрывавшую рану.

– Потерпи, Степа..., – она осмотрела разорванное, гноящееся веко, пустую глазницу: «Когда глаз вытек?»

– Третьего дня, – послышался глухой ответ.

– Я промою и мазь наложу. Потом ты сам, хорошо? – ловкие пальцы бережно касались раны.

– Коня я тебе дам. Тряпье, что на тебе, снимешь, клячу оставишь, мы от сего избавимся..., – Федор повернулся к Феодосии: «К батюшке твоему ему надобно».

– Опасно их с Петей вместе отправлять..., – жена покачала головой: «На Чудское озеро ему ехать тоже не след. Велико оно, в коем месте переход готовят, о сем только батюшка мой ведает».

– Скачи шибко, не мешкай..., – велел Федор: «Хоша ты с Басмановым и поквитался, не сегодня—завтра он в себя придет. Царь разошлет людей по всем дорогам. Конь у тебя хороший, других не держу. В Новгороде ты скоро будешь».

Степан умоляюще посмотрел на Вельяминова. Тот кивнул.

– Федосья, собери ему чего в дорогу и приходи к воротам.

– Мать моя... – начал Степан, когда они с Федором шли через двор.

– Не спасти ее..., – вздохнул боярин, – одна она из семьи осталась, гнев государев на нее выльется без остатка.

Степан только крепче сжал свечу.

Федор приоткрыл дверь. Петя сопел, раскинувшись на постели, темные волосы разметались по подушке, длинные ресницы отбрасывали тень на серьезное личико мальчика.

– Храни тебя Бог..., – юноша перекрестил брата.

Петя заворчался, Федор подтолкнул племянника.

– Пора.

У ворот ждала Феодосия с холщовой торбой. Степан вскочил на коня.

– Сколь жив буду, дак вам благодарен останусь.

– Господь с тобой, Степа. Главное, чтобы вы с Петей встретились.

Перегнувшись в седле, юноша обнял Федора.

– Берегите себя и Марфу тако же.

– Езжай, Степан Михайлович..., – Вельяминов открыл ворота: «Бог даст, может свидимся еще».

Предрассветный туман накрыл поля. Всадник на гнедом коне потонул в белом мареве.

– Иди в дом, ты дрожишь вся..., – хмуро сказал Федор.

– А ты? – Феодосия обхватила себя руками, чтобы согреться.

– Сейчас о сем позабочусь, – Федор кивнул на кобылку, привязанную к забору, – и приду.

– Что с ней сделаешь?

– Застрелю, что. Иди, не дай Бог, простынешь еще.

Поворошив палкой угли в костре, Вельяминов забросал огонь песком. Кляча мирно паслась на лугу.

Федор и раньше убивал лошадей. При осаде Казани ему пришлось застрелить любимого, бережно рошеного жеребца. Конь сломал ногу, споткнувшись в овраге. Вороной страдал от боли, слезы собрались в уголках карих глаз. Федору показалось, что жеребец посмотрел на него с благодарностью за избавление.

Вельяминов завел клячу в реку. Лошадь шла спокойно, не упираясь. Прошептав «Господи, прости», Федор выстрелил ей в ухо. Животное взглянуло на человека с удивлением. Ноги кобылки подогнулись, вода вокруг порозовела.

Федор подтолкнул труп вниз по течению. Поднявшись на обрыв, он проследил за темной точкой на воде. Послышался скрип уключин, на реку вышли рыбаки. Боярин побрел через мокрый от росы луг к воротам усадьбы.

Почувствовав рядом мужа, Феодосия прильнула к нему, как любила, всем телом. Накрыв ладонями ее грудь, Федор приник губами к шее, выше того места, где камушком перекатывался последний позвонок.

– Марфе уже четвертый год идет.

Он всегда понимал ее без слов, с одного ее жеста или дыхания.

– Бог даст, Федосья.

Слезы потекли по ее щекам. Высвободившись из рук Федора, женщина повернулась к нему.

– Бог не даст..., – ей показалось, что глаза мужа увлажнились.

– Но Федор никогда не плачет, – мелькнуло в голове Феодосии.

– Ты не можешь сего знать, про то лишь Богу ведомо.

– Знаю. Сказано в Писании: «И благословен будешь паче всех язык, и не будет в вас безчадный, ниже неплоды». Кончилось для нас благословенье Божье, Федор, было и прошло.

Он привлек ее к себе. Феодосия ахнула, в серых глазах замерцали золотые искры. Федор прошептал: «Еще сказано, «Возвеселися, неплоды, нераждающая, яко много чада пустые паче, нежели имущая мужа».

Легко подняв жену, Федор посадил наверх. Волосы Феодосии рассыпались, накрыв их светлым шатром.

– Ты мне Марфу принесла, а Господь мне тебя дал. Чего мне еще просить у Господа?

В мужниных объятьях Феодосия задремала, в первый раз за долгое время спокойно, без снов.

Гнедой жеребец оказался быстрым, ровно птица. Не было у Вельяминова плохих лошадей. Конь Степана мчался на северо—запад. Холодный ветер пробирал юношу до костей, отгоня сон. Впереди, за мокнущей под мелким дождем равниной, за пеленой тумана, лежал Новгород.

Царица поежилась. Над Васильевским спуском гулял злой ветерок. Начатые стены Троицкой церкви стояли в лесах. Справа белела громада Кремля.

За серой рекой терялось во влажной мгле Замоскворечье. Возле помоста шевелилась жадная до крови толпа. На казни сбегались посадские и слободские, купцы, нищие, юродивые и шальные людишки, коих на Москве всегда было пруд пруди.

Взглянув на спокойное лицо Феодосии Вельяминовой, сидевшей рядом, Анастасия подавила вздох. Поверх парчового опашения на ближней царицыной боярыне сверкало алмазное ожерелье, царский подарок за излечение Матвея.

Сам Матвей был подле царя. Голову он не покрыл, по плечам юноши рассыпались золотые кудри. Униженная перстнями рука уверенно сжимала поводья гарцующего гнедого жеребца.

– Хорош конь у твоего пасынка, Федосья, – прошептала царица.

– У Федора Васильевича других нету. Матвей на Рождественке обустроивается. Отец выделил ему лошадей. Вдругорядь клячи у Воронцовых стояли, дак наши не в пример лучше.

Лицо Феодосии словно не мutilа ни единая забота али хлопоты. Серые глаза в длинных ресницах внимательно разглядывали помост, где ставили столб для порки кнутом. Окольный Басманов сидел дома, залечивая ожоги. Ходили слухи, что царь, разгневавшись на побег Степана Воронцова, велел забить Прасковью насмерть, но Анастасия Романовна на коленях умолила его не делать сего.

В очаге раздували огонь.

С другой стороны помоста Федор, на вороном жеребце, посмотрел в затянутое тучами небо.

Ранним утром на двор подмосковной заехал возок. Моросил непрерывный дождь, Петя плакал навзрыд.

Он всю ночь глотал слезы, чтобы не разбудить Марфу, спящую в обнимку с Чернышом. Кот терся мягким боком о Петину щеку.

Он тихо плакал, когда Феодосия пришла его будить со свечой до рассвета, когда Вельяминовы вышли с ним на двор. Он цеплялся за край Федосьиной одежды и за руку Федора.

На крыльцо выскочила Марфа, босая, растрепанная. Девочка протянула в окно возка Черныша. Петя громко разрыдался. Марфа скривила рот, собравшись зареветь. Отец стиснул ее руку.

– Нельзя сейчас, молчи.

Возок тронулся. Опустившись на землю у ног родителей, Марфа заскулила. Подняв дочь, Федор прижал ее к себе, утешая, баюкая.

Глядя, как раскаляются на очаге щипцы, Вельяминовы опять слышали горестный голос дочери.

– Почему Петю услали? Он хороший!

– Потому и услали, что хороший, дочка.

Феодосия, словно не замечая никого вокруг, провожала глазами пропадающий в тумане возок.

Прасковья очнулась от холодного воздуха, ударившего в лицо. Босые ноги переступали по не струганым доскам помоста. Разодрав на спине рубашку, Прасковью привязали к столбу. Грубая веревка колола спину, женщина поежилась.

– Смотри—ка, – шепнул Иван Матвею, – и вправду, не в себе она.

Воронцова улыбалась распухшими губами. Рот женщины двигался, словно пела она или молилась.

– Сколько ударов дадут? – Матвей рассматривал игравший яркими огоньками сапфировый перстень у себя на пальце.

Синие глаза Прасковьи неотрывно смотрели на него. Юноша отвернулся, чтобы не встречаться с ней взглядом.

– Пять, – незаметно взяв его руку, Иван поглаживал крепкими пальцами мягкую, словно детскую ладонь: «Ежели больше, она околеет, а не того я хочу».

– Чего же ты хочешь? – Матвей поднял взгляд. Царь жадно смотрел на хлопотавшего у очага палача.

– Чтобы она заживо сгнила в яме земляной, – процедил Иван: «Видел ты, как волков, на охоте взятых, в неволе держат? Так же и она жизнь закончит. Волчице волчья смерть».

Первый удар кнута располосовал белую кожу ниже лопаток. Синий рубец прорвался кровью. Прасковья завyla, замотав раскосмаченной головой. Женщина не сводила глаз с Матвея.

– Как есть волчица, – поморщился юноша.

– Я велел вполсилы бить, – заметил царь: «Ежели бы в полную, ее бы надвое разрубило».

Дымом пахло на Васильевском спуске, сыростью, кровью, распиленным деревом с лесов Троицкой церкви.

– Ровно жертву приносим..., – перекрестившись, отогнав дурные мысли, царица придвинулась к Вельяминовой.

– Сейчас заклеят ее.

Прасковью, потерявшую сознание на четвертом ударе, отвязали от столба. Прикрыв женщину рогожей, ее поставили на колени.

Над помостом понесся запах горелого мяса. Толпа зашумела, вытягивая шеи.

Федор удерживал на месте заплясавшего жеребца.

Протянув руку, царь крепко сжал поводья.

– Конь молодой, государь. Прости, не видел он еще толпы такой, – невозмутимо prorонил Вельяминов.

– Что ты, Федор Васильевич, – Иван улыбнулся: «Сына твоего тоже замутило. Он и вовсе первый раз на казни, молод еще».

Матвей хватал пересохшим ртом воздух.

Анастасия подалась вперед. Палач поднес к лицу Прасковьи раскаленные щипцы. Хлынула кровь, помощник оттянул голову женщины вниз. Сидевшие на помосте увидели изуродованное, с вырванными ноздрями, лицо.

Подняв руку, Прасковья указала на бледного, едва держащегося на коне Матвея. Разняв измазанные кровью губы, женщина замычала. Обрубок языка шевелился в черной пещере рта.

Матвей покачнулся в седле. Обхватив сына, удерживая его за плечи, Федор неслышно приказал: «Смотри, глаз отводить не смей».

Прасковья осела на окровавленные доски.

— Федосья, – ахнула царица: «Дитя—то!»

– Что, матушка? – забеспокоилась боярыня: «Живот потянуло?»

Анастасия взяла руку Вельяминовой. Царица приложила ладонь боярыни к своему чреву. Словно рыбка билась внутри, шевелилось неуловимое, ускользающее, сомкни пальцы, и нет его.

– Благослови, Господи..., – Феодосия перекрестилась: «Даруй ему Всевышний жизнь безгрешную, безмятежную».

Поднялся северный ветер. На головы толпы, на бархат и шелка помоста посеял колючий снег, первый снег зимы.

Над серой полосой озера заходило тусклое солнце. Шуршали вымороженные камыши. Тих и безлюден стоял лес. Высоко в небе кричали птицы. Озеро еще не встало, только у берега виднелся прозрачный ледок. Даже утки не ступали туда, таким ненадежным был он.

Степан Воронцов отхлебнул вина из бутылки, что дали ему в дорогу. Жеребца вельяминовского он отпустил на все четыре стороны, не доезжая десятка верст до Новгорода.

—Пеший меньше заметен, чем всадник, — сказал Федор Васильевич на прощание.

Степан брел в кромешной темноте, под мокрым снегом. Несмотря на холод, разорванное веко горело огнем. Временами юноша заходил в хриплом, изматывающем кашле.

Никита Судаков испытующе взглянул на грязного, еле держащегося на ногах незнакомца. Прочитав грамотцу Федосьиной руки, купец только сдвинул брови.

Степан проснулся от жжения. Мягкие, но сильные руки промывали ему рану.

Худенькая женщина с прозрачно—голубыми глазами, неожиданно молодыми на морщинистом лице, удержала его на лавке: «Терпи».

Закусив губу от боли, юноша огляделся. Никита Судаков стоял у окна крестовой горницы. За мелкими переплетами рам поднимался неяркий рассвет.

—Слушай меня, парень, — велела знахарка:

—Феодосия Никитична тебе мазь дала, и верно сделала, но одной мазью не обойдешься. Ежели запустить рану, можно и жизни лишиться, упаси Господи. Надо все почистить и зашить..., — женщина раскладывала на чистой тряпице тонкие иглы.

Присев рядом со Степаном, Никита Судаков закатал рукав рубахи. Посреди руки пролегал ровной нитью шрам.

—Ефросинья Михайловна, — Судаков кивнул на женщину, — заштопала меня с десятков лет назад. На охоте волк клыками полоснул..., — налив полный стакан прозрачной жидкости, купец подвинул его Степану.

—Что сие?

—Хлебное вино..., — Никита взял со стола деревянную палочку: «Как выпьешь, стисни зубами и терпи».

—Дак пить—то зачем? Я и так...

—Ничего ты не так..., — оборвал его Никита: «Делай, как велено».

Одним махом осушив стакан, Степан изо всех сил сжал зубы.

Когда все закончилось, Ефросинья Михайловна наложила на шов свежую повязку. Женщина бережно стерла с лица пациента кровь, перемешанную со слезами. Она на миг прижала его голову к себе:

—Молодец мальчик.

Ему в рот влили горьковатый настой. Степан провалился в глубокий, ровно стоячая вода, сон.

—Что его брат—то? — Ефросинья Михайловна собирала инструменты: «Везут, должно быть?»

—Везут, да не сюда..., — отозвался купец.

Женщина пожала плечами. За десятки лет Ефросинья, сродственница Судаковых, привыкла к скрытности Никиты.

—Хороший парень Степан. Нельзя ему в Новгороде—то остаться?

—Нельзя — отрезал Никита. Купец добавил: «Чем скорее его духу здесь не будет, тем лучше».

С южного конца озера в закатной мгле проскрипели уключины. Приставив ладони ко рту, Степан закричал уткой, как учил его отец, когда ходили они на тягу в ярославском имении.

Хмурый рыбак вылез из лодки. Прошлепав по мелководью, он сел у костра.

– Поторопись, – стянув рукавицы, он погрел руки над огнем: «Ветер с востока подымается. Еще вынесет тебя на камни, упаси Боже, утонешь али замерзнешь».

– Я плавать умею, – отозвался Степан.

– На морозе ночном далеко не уплывешь. Давай, отчаливай.

– Что там за люди—то? – Степан сел в лодку.

Рыбак усмехнулся.

– Такие, как мы с тобой, парень. Все мы создания Божьи, что здесь, что там.

Степан лежал на камнях, ожидая рассвета. В черной, без единой звезды, тьме, свистел вихрь. Как и предсказывал рыбак, он не справился с ветром. Лодку вынесло на отмель. Степан бросил весла, не в силах бороться с огромными, словно морскими волнами.

Одежда промокла, но кожаный мешочек с грамотцей, написанной и запечатанной Никитой Судаковым, остался при Степане.

Отец Феодосии порылся в сундуке:

– Сие на первое время. Руки и голова у тебя есть, с голоду не помрешь. Ежели брат твой в целости и сохранности доедет, куда отправили его, дак о нем тоже беспокоиться не будешь. Однако устроиться тебе надо..., – Никита протянул юноше увесистый кошель.

– Я отдать не смогу, – попытался отказаться Степан.

– Сего ты не знаешь, – усмехнулся Никита: «Сказано от Писания, «Яко неиспытани судове его, и неизследовани путие его». Может и свидимся еще».

Распластавшись на скользких камнях, Степан не заметил, как задремал.

Ему снилась припорошенная легким снегом дорога. Неказистая лошаденка тащила по разъезженной колее низкие сани. На облучке сидело двое в тулупах. Сзади тряся прикрытый рогожами куль. Начиналась поземка.

– Может, заедем куда? – предложил один из возчиков: «Холод—то какой зачался».

– Я бы довез ее, – второй, постарше, кивнул на рогожу, – поскорее куда велено, да и домой. Думаешь, мне охота с ней по морозу валандаться?

– Хорошо бы шей горячих, да к бабе под бочок, – первый оживился: «Что ходить—то далеко? Баба в санях у нас лежит».

– Грех сие, – насупился старший.

– Какой же грех, – удивился первый: «Вдова человек мирской. Муж ее, говорят, пытки не снес, на кладбище свезли».

– Ты лицо ее видел? – старший подхлестнул коня.

– С лица не воду пить. Рогожей прикроем, и дело с концом. Она хоша ведьма и еретица, а сама гладкая да белая, ровно пух. Давай, когда еще боярыню потрогаешь? – возчик захихикал.

– Отстань, чего привязался! – сплюнул его товарищ.

– Как хочешь, – первый полез в сани: «Бабу в монастырь везем, жалко ее. Она до смерти ничего не попробует, хоша в последний раз пуцай побалуется».

– При смерти она. Какое побалуется, дурья твоя башка.

– И не расскажет ничего, без языка как расскажешь – первый завозился в санях.

Вокруг Прасковьи расстился цветущий, напоенный солнцем луг в их подмосковной усадьбе. Лениво жужжали пчелы. Марьюшка копошилась рядом, плетя венок из ромашек.

Прасковья лежала в траве, устроив голову на плече Михайлы.

– Петеньки нет, – спохватилась она, но сообразила, что не родила еще младшего сына: «Близнецы—то маленькие совсем».

– Степа—то где? На реке, что ли?

Приподнявшись, женщина увидела, что сын машет им с берега.

– Степка реку переплыть хочет, – хихикнула Марья, – только у него силенок не достает.

– Плыви, сынок, не бойся! – крикнула Прасковья.

Ледяная вода подступила к камням, заливая ноги юноши. Посмотрев на всходившее на востоке солнце, Степан бултыхнулся в глубокую волну. От холода перехватило дыхание, запахло озерной тиной. Отфыркиваясь, он, что было сил, поплыл на запад, где белела полоска песка.

—Погоди, – разохотился старший возчик. Остановив лошаденку, он привязал клячу к придорожной березе: «Дай и мне».

Обхватив женщину, первый попытался перевернуть ее. Холод втекал в пальцы, леденил руки, и помстилось возчику, что сейчас и он станет трупом. Он с криком отшвырнул тело с саней. Рогожа размоталась, обмороженное, с вырванными ноздрями лицо уставилось широко открытыми глазами в низкое небо. Опухшие губы улыбались.

Прасковья взглянула на реку. Степа был на другом берегу. Взяв Марьюшку, Воронцовы пошли в глубину луга, исчезая в жарком воздухе.

Зайдя в чистую комнатку, Степан сел на крепкий стул, бросив перед собой покрасневшие, обветренные руки. На узкой постели в обнимку с черным котом спал Петя. Зверек, встрепенувшись, выгнул спину. Младший брат приоткрыл синие, заспанные глаза. Спрыгнув на пол, кот потерялся о ноги Степана.

– Степа, это ты? – голос мальчика дрожал.

– Я, Петруша, я..., – обняв брата, он шепнул плачущему навзрыд ребенку: «Все кончилось, Петька. Я с тобой».

Эпилог

Колывань, апрель 1554

Каждое утро Степан отправлялся к морю. Комнату он брал у вдовы чухонки. Женщина поднималась до рассвета, доила корову, сбивала сливки, пекла булочки к завтраку. Степан выпивал чашку кофе. Поначалу было горько, а потом пришлось по душе. После завтрака юноша шел на берег.

Перед ним простиралась серая гладь. Степан знал, что когда встанет солнце и разойдутся облака, море заиграет лазоревым цветом. С запада подует легкий ветер и побегут на нем, сколь видит глаз, белые барашки волн.

В порт заходили ганзейские корабли. Степан рассматривал флаги за кормой, развернутые паруса, смуглых, обветренных матросов. Моряки резво карабкались по вантам, рулевой разворачивал огромный румпель. Корабль скользил по гладкой воде гавани.

Из трюмов таскали тюки с терпкими запахами, с диковинными печатями, арабскими или индийскими, с кофейными зернами и специями, осторожно спускали ящики с толстыми, зеленого стекла, винными бутылками. Грузили корабли золотой пшеницей. Обозы с зерном приходили с востока, в кою сторону Степан смотреть не хотел.

На глазу он теперь носил черную повязку. Рубец от плети зажил, но выделялся на щеке. Вдова вздыхала: «Такой красивый юноша, так жалко!». Но колыванские девицы, казалось, не замечали его увечья. Наоборот, девушки бросали на Степана жаркие взгляды, такие, что с непривычки можно было и обжечься.

Степе было не до девиц. Петю взял под крыло вдовый купец Мартин Ключе. Получив грамоту Никиты Судакова, немец охотно принял мальчика в обучение торговому делу. Степан с легким сердцем дневал и ночевал в порту. Наблюдая за кораблями, он выучил команды и названия такелажа, что хриплыми голосами выкрикивали немецкие и английские капитаны.

Ключе дал ему записи и карты, оставшиеся от его брата, утонувшего несколько лет назад в Северном море. По ним Степан учил навигацию, проклиная свой корявый немецкий язык.

Как—то за обедом купец сказал:

– Завтра приходит «Кларисса» из Гамбурга. Там капитаном товарищ брата моего покойного. Если хочешь, Стефан, могу замолвить за тебя словечко.

Степан не поверил своим ушам, а потом быстро закивал. Ключе рассудительно продолжил:

– Штурманом тебе идти рановато...

– Да хоть матросом! – взмолился юноша: «Хоть кем, только бы в море!»

– Брат мой, упокой Господи душу его, такой же был, – вздохнул купец: «Как вы такие рождаетесь, с солью в крови? Вроде у вас в Московии одно море, и то далече. Не иначе, как Господь вас выбирает».

– Степа, а ежели тебя на корабль возьмут, ты мне ракушку привезешь из теплых морей? – встрял в разговор Петя.

– Привезу, и не одну!

– Петер скоро лучше меня будет разбираться в математике, – улыбнулся Ключе: «Думаю, через год его надо в городское училище отдать. С другими детьми ему веселее станет. Да, Петер?»

– Мне бы еще языки выучить, – деловито кивнул Петя: «Латынь сейчас не больно нужна, в священники я не собираюсь, но для торговли одного немецкого не достанет. Английский нужен да и французский тоже».

Степан взглянул на младшего брата:

– Все не зря, – сказал себе юноша: «Стоило кору грызть по новгородским болотам прошлой осенью, стоило хлебать тину в ледяном Чудском озере, ради того, чтобы Петя сидел в теплой комнате и рассуждал, какие языки нонче надо учить».

– Пойдем, Стефан, на двор, покурим, – поднялся Мартин: «Петеру еще задачи решать надо».

Над Колыванью разливался гомонящий птичьими голосами апрель. Купец неторопливо набил трубку.

– Думаю, если возьмут тебя на корабль, надо нам года через три—четыре далее перебираться. Жаль насиженное место покидать, семья наша долго здесь живет, однако не нравится мне, как ваш царь на Ливонию смотрит.

– Не мой он царь, – нахмурился Степан.

– Прости, не хотел обидеть..., – Ключе похлопал его по плечу: «Но если московиты с войной сюда придут, станет не до торговли, ноги бы унести. Я за Петера отвечаю, пока он в года не войдет и не передам я ему дела».

– Куда перебираться думаете?

– Можно и в сам Лондон. С Новым Светом выгодная торговля, хотя испанцы, паписты, все к рукам прибирают. Петеру к тому времени лет десять или одиннадцать исполнится. Проще переезжать, когда ребенок подрост. Кабак, что старый Ханс в порту держит, знаешь?

– Знаю, только не заходил туда.

– Завтра к ночи загляни, – велел ему Ключе: «Капитан «Клариссы» всегда там гуляет после плавания».

Прозрачный вечер опустился на Колывань. Месяц тонким леденцом повис в темнеющем небе. Над морем всходили бледные звезды.

Толкнув дверь кабака, Степан закашлялся. Едкий табачный дым сизыми слоями висел в воздухе.

– Меченый, – поднялся из—за столика коренастый человек с отрубленным саблей ухом: «Садись к нам».

Капитан Якоб Йохансен налил Воронцову пива.

– Не сердись, что я тебя так называю. Я, видишь, тоже, – он усмехнулся, – не красавец. Берберы на abordаж брали южней Сицилии. Однако их капитана рыбы едят, а я жив и кораблем команду. Что умеешь, Стефан?

– Ничего не умею, – честно признался юноша.

– В море ходил когда—нибудь?

– Каждое утро смотрю на него..., – Степан отпил из кружки: «Моя воля, так я на суше и не жил бы».

– Глаза тебя кто лишил?

– Царь Московии плетью выбил. Я его заколоть пытался, мстил за честь сестры—покойницы, а потом из тюрьмы бежал.

Йохансен провел угольком по деревянному столу.

– Завтра загрузимся зерном и вернемся в Гамбург. Там возьмем коров. Глаза бы мои живой груз не видели, вони не оберешься, но деньги хорошие. Пойдем в Ньюкасл, коров на берег, берем шерсть, идем в Геную. Дальше посмотрим. На борту я царь, если что не так, могу и кошкой перетянуть. Плавать умеешь?

Степан, боясь поверить услышанному, кивнул.

– Согласен? – Йохансен пытливо глянул на него.

– Да, – внезапно севшим голосом сказал юноша.

За это надо выпить! – капитан щелкнул пальцами: «Ханс, тащи нам пива для нового матроса «Клариссы». Прозвище как твое, Стефан?».

– Сам назвал Меченым, так тому и быть..., – Степан залпом осушил кружку.

– За Стефана Меченого! Попутного тебе ветра!

Пролог

Танжер, весна 1557.

Полуденное солнце заливало гавань беспощадным светом. На пустынном берегу было безлюдно. Горожане прятались в тенистых дворах, ближе к плеску фонтанов.

Над палубой веяло жаркое марево. Степан Воронцов подозвал помощника.

– Вечером возьмем товар, ночью выйдем. Ветер восточный, нечего время терять. К рассвету доберемся до Лагуша.

– Все вчера выгрузили? – помощник сверился с описью.

Воронцов поводил пальцем по строчкам: «Вроде все. От губернатора не приезжали?»

– Нет пока, – помощник вздохнул: «Сдать бы фарфор с глаз долой. Хорошо, что в дороге ничего не побилось».

Губернатор Гоа, где они грузились специями и жемчугом, передал с «Клариссой» подарок на свадьбу родственника, наместника в Танжере. Тонкой работы китайский фарфоровый сервиз аккуратно упаковали в крепкие ящики.

– Мог бы и со своими португальцами отправить, – посетовал помощник: «Рядом их много швартовалось».

– Португальцев много, а «Кларисса» одна, – рассмеялся Степан: «Поеду к наместнику, отвезу ему подарок. Кто знает, когда они кого—нибудь прислать соизволят. Нечего нам здесь стоять, в Бордо груз ждет».

На дверь капитанской каюты, занятой Степаном после смерти Якоба Йохансена, он прибил подкову – на удачу.

На Молуккских островах старому капитану стало плохо. Он крепился, гонял матросов, но, спустившись в каюту, тяжело дышал, прикладывая к голове мокрую тряпку.

– Стефан, – велел Йохансен ночью: «Приведи «Клариссу» домой».

Воронцов испугался. За три года он стал хорошим штурманом. Юношескую удаль, из—за которой он, впервые встав за румпель «Клариссы», чуть не посадил ее на банку в Северном

море, сменил опыт. Но на борту были моряки куда старше его, люди, привыкшие к качающейся под ногами палубе.

Вяло ругнувшись, Йохансен попросил Степана набить трубку.

– Дурак, – он лежал на высоком рундуке: «Я вижу, как ты корабль ведешь, как море чуешь. Я еще в Колывани понял, что быть тебе капитаном».

Якоб Йохансен умер на рассвете, в двух днях пути от мыса Доброй Надежды. Тело, зашитое в парус, ушло под воду. Перекрестившись, Степан занял его место у румпеля.

Сейчас его первый корабль стоял на рейде Танжера. «Кларисса» была ходкой, недаром португальские корабли, вышедшие из Гоа раньше, безнадежно от нее отстали.

О случившемся у берегов Африки, Степан предпочитал не вспоминать. Его левая рука пока оставалась перевязанной. Холст скрывал и татуировку на кисти. Прошлым годом в Бремене Степан позволил портовому мастеру набить ему синюю звезду между большим и указательным пальцами. Йохансен не ругал его, только покачал головой. Впрочем, у старого капитана была такая же татуировка, только выцветшая от времени.

Дон Бернардим де Карвальо, губернатор Танжера, наместник короля Себастьяна и недавний молодожен, проснулся после сиесты не в настроении. Прошел всего месяц с тех пор, как он с большой помпой обвенчался со своей юной женой, Изабеллой, в соборе девы Марии в Лиссабоне.

Новобрачной не нравился Танжер. Пятнадцатилетняя девушка, привезенная на свадьбу прямо из дальнего монастыря, страдала от жары и головной боли, и дичилась людей.

Посылая к Изабелле слугу, де Карвальо знал, что тот скажет по возвращении:

–Сеньора лежит и не встанет..., – пробормотал наместник. Он велел принести парадный костюм. Внизу ожидал капитан торговой шхуны с подарком от дальнего родственника, губернатора Гоа.

– Сеньора Изабелла! – служанка вбежала с балкона в прохладную комнату: «Приехал какой—то мужчина!»

– Откуда в этой дыре взяться незнакомому мужчине, Пепита? – девушка приподнялась на локте: «Наверняка какой—нибудь берберский дикарь».

– Нет, сеньора, он выглядит христианином! Темноволосый, с черной повязкой на глазу. Он оставил коня слуге и зашел в дом. Моряк вроде.

В дверь постучали. Выпорхнув из спальни, Пепита просунула голову обратно в дверь.

–Сеньора, дон Бернардим прислал сказать, что приехал капитан «Клариссы». Он привез подарки от губернатора Гоа.

– Капитан «Клариссы»? – Изабелла рывком села на сбитых простынях: «Неси одеваться».

Когда она вошла в залу, Бернардим с гостем негромко переговаривались у окна. Немецкий капитан был почти на голову выше ее мужа и много шире в плечах.

– Капитан, – губернатор удивленно кашлянул: «Позвольте представить мою супругу, донью Изабеллу Хуану Марию де Карвальо ди Жоао».

На Степана повеяло сладкими цветами. Тонкая рука развернула кружевной веер. Нежный голос сказал: «Добро пожаловать в Танжер, капитан».

Изабелла впервые видела так близко постороннего мужчину. У него было смуглое лицо, каштановые волосы выгорели на солнце и посверкивали золотом. Единственный глаз оказался синим, как вода в горной реке. Другой глаз прикрывала повязка. Изабелле захотелось приподнять ее холеным пальчиком.

Левая рука гостя была забинтована. Правая лежала на эфесе шпаги, поглаживая чеканных наяд и кентавров.

Степан почтительно поклонился Изабелле. Муж сеньоры уныло жужжал о торговых патентах и перевозке слоновой кости. Воронцов его не слышал. Изумрудные серьги покачива-

лись в маленьких ушах девушки. Огненно—рыжие локоны она убрала под сетку из золотой нити, но несколько непокорных завитков выбились на шею. На носу доньи Изабеллы рассыпалась стайка веснушек.

– Когда вы снимаетесь с якоря, капитан? – спросил губернатор.

– Хотелось бы сегодня, – Степан с трудом отвел взгляд от девушки.

Длинные ресницы дрогнули. Изабелла негромко проронила: «Жаль, что вы торопитесь, капитан. Танжер достоин того, чтобы провести здесь пару дней».

Губернатор запоздало подумал, что за месяц в Танжере Изабелла ничего не видела, кроме резиденции, порта и собора.

– Если до вечера мы заполним трюмы, то ночью «Кларисса» выйдет в море. Надо торопиться, пока погода хорошая..., – Воронцов снова поклонился: «Мне пора на корабль. Сеньора, пожелайте мне попутного ветра».

– Пусть он всегда будет таким для вас, капитан..., – Изабелла мимолетно улыбнулась.

На Танжер спустилась ночь, небо усеяли искорки звезд. Степану не хотелось возвращаться в пустынную каюту. Осадив жеребца на набережной, он свистом подзвал портового мальчишку.

– Дуй на «Клариссу», передай, что капитан задерживается. Пусть начинают грузить. Если что срочное, то я здесь..., – указав на облупившуюся вывеску, Степан кинул пареньку медную монету. Португальцы привозили сюда хорошие вина.

Из погреба ему принесли запотевший кувшин шероховатой глины.

– Здорово, Меченый, – раздался над ухом незнакомый голос.

Степан поднял голову. Напротив него устроился невзрачный человек с незапоминающимся лицом и острым взглядом прозрачно—голубых глаз.

– Что вам надо и кто вы такой? – хмуро поинтересовался Степан.

– Я привез привет от капитана Стивена Боро, – отозвался незнакомец: «Помните вашего тезку, Меченый?»

– Как не помнить, помню..., – приняв второй стакан, Степан налил незнакомцу вина.

Отпив, он пристально взглянул на Воронцова.

– Испанское.

– Хорошее. Пришел из Московии капитан Боро?

– Пришел..., – незнакомец закурил трубку: «Зимовал во льду. Вас, кстати, хвалили».

Год назад их корабли стояли рядом в лондонском порту. Стивен Боро собирался двинуться путем экспедиции покойного Виллоуби и Ченслора по северному берегу Азии. Капитан хотел отыскать проход к Новому Свету. Они тогда долго сидели над картами. Боро уговаривал Степана отправиться с ним. Воронцов отказался. На восток его не тянуло.

– Мы знаем, что случилось на «Клариссе», когда она обогнула мыс Доброй Надежды..., – незнакомец указал на его перевязанную руку.

Воронцов стиснул рукоять кинжала.

– Кто вы такой?

– Неважно, – отмахнулся незнакомец: «Оставьте оружие, капитан. У нас есть к вам дело».

– Контрабанду не возьму, – мотнул головой Степан.

– Мелко мыслите, – мужчина сухо рассмеялся: «Когда на «Клариссе» случился бунт, вы соображали быстрее и не церемонились с зачинщиками».

– Моя вина, что довел дело до бунта, – буркнул Воронцов: «Был бы я старше...»

– Старше стать вы всегда успеете, – скупно улыбнулся незнакомец: «Испанское вино сейчас очень ценится в Англии».

– Там своего нет? – Степан вскинул бровь.

– Есть, – собеседник пожал плечами: «Но англичанам пока больше нравится испанское. Однако все изменится, и очень скоро. Пока у англичан руки связаны, но, когда развяжутся, нам, Меченый, – он придвинулся ближе, – понадобятся хорошие капитаны. Корабли у нас есть».

– Где? – Воронцов махнул слуге: «Еще вина!»

– В Новом Свете..., – незнакомец испытующе посмотрел на Воронцова: «Что скажете, капитан?»

– Но я не англичанин..., – удивился Воронцов.

– Но и не немец..., – хмыкнул его собеседник: «О вашем выбитом глазе нам тоже кое–что известно. Вы отличный моряк, что сейчас самое важное. Ну так как?»

– Согласен, – решительно ответил Степан: «Только мне нельзя бросать «Клариссу». Я обещал Йохансену привести корабль домой».

– Сейчас и не надо..., – незнакомец осушил стакан:

– Зайдите в Бордо, потом отправляйтесь в Гамбург, как и собирались. Семью из Колывани потихоньку перевозите, у вас есть младший брат, верно? Потом езжайте в Лондон..., – собеседник перебрросил через стол запечатанное письмо: «Придете по адресу на конверте, передадите записку. Дальнейшее вам расскажут».

Воронцов повертел надписанный четким почерком конверт. На печати алела роза Тюдоров. Незнакомец поднялся:

– Может, и свидимся, капитан, а если нет, то доброго вам ветра под английским флагом..., – наклонившись, он шепнул:

– Губернатора Карвальо срочно вызвали в Лагуш. Его корабль сейчас в проливе. Считайте это знаком нашего к вам расположения..., – хохотнув, он исчез в дыму таверны.

Вернувшись на «Клариссу», Степан первым делом бросился в свою каюту. Порывшись в сундуках, он отыскал нужную вещь. В Гоа Йохансен корил его за выброшенные на ветер деньги.

– Вернусь к рассвету, – сказал он помощнику, торопливо спускаясь в шлюпку: «Готовьтесь к отплытию, чтобы сразу сняться с якоря».

Губернаторский дворец стоял высоко на холме. Порт и город казались отсюда россыпью тусклых огоньков. Стоя у окна, Изабелла вспомнила галисийские ночи, звон монастырского колокола и свои мечты на жесткой постели послушницы.

Пепита поскреблась в дверь:

– Сеньора, вас спрашивает давешний немецкий капитан. Он забыл передать вам подарок.

– Зови..., – тонкие пальцы девушки скомкали пышное кружево воротника.

Она завороченно погладила лежавшую на ладони крупную жемчужину, редкого зеленого цвета, оправленную в золото.

– Какая, должно быть, это красивая страна, если там рождаются такие чудеса!

– В Индии говорят, что если собрать девять магических жемчужин, – Степан помолчал, – то человека ждет вечное счастье.

– Вы верите в счастье, капитан?

– Верю..., – он коснулся раскрытой ладони: «Хотите примерить?»

Девушка повернулась спиной, склонив голову. Степан осторожно застегнул на тонкой шее замочек цепочки.словно во сне, он осторожно погладил острые, еще детские лопатки. Изабелла быстрым движением распустила косы. Перед его глазами хлынула вниз расплавленная медь, и больше он уже ничего не помнил.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– Я думала, больше..., – Изабелла потерлась о его щеку.

– Море старит..., – он целовал ее, спускаясь к груди, все ниже, пока она не запустила пальцы в его волосы, не выгнулась с приглушенным стоном.

Сквозь прикрытые ставни в комнату вползал рассвет.

– Ты не вернешься, – осторожно отодвинув повязку, Изабелла коснулась губами шрама.

– Не знаю, – честно ответил Степан.

– Иди, и пусть минуют тебя бури и шторма..., – поднеся к губам жемчужину, девушка перекрестила его.

«Кларисса» вышла из Гибралтара. Оглянувшись на тающий в утренней дымке Танжер, Воронцов крутанул румпель. Корабль, накренившись, взял курс на север.

Часть вторая

Лето 1557

Москва

Развернув письмо, Феодосия Вельяминова вчиталась в ровные строки.

– Порт в устье Наровы мы поставили, однако купцам сюда путь заказан, не пускает их Ливонский орден. В Новгороде говорил я с твоим батюшкой, Никитой Григорьевичем. По его рассуждению, хоша бы мы и десяток портов заложили, все равно надо воевать Ливонию. Отсюда отправляюсь я по царскому приказу в Орешек. Ежели дело дойдет до войны, надо его укреплять, ибо выстроен он хорошо, но давно запущен. Посему, милая моя Федосеюшка, лежит тебе путь в Новгород. У отца твоего есть до тебя дела, да и внучку ему повидать охота. Там можно нанять для Марфуши учителей, коих на Москве не найдешь. Езжай речным путем, так быстрее. Отпиши мне, как прибудешь к отцу, ино тревожусь я за вас.

Марфуше скажи, что растения, какие были здесь, я ей собрал и высушил, как она просила. В Орешке тако же соберу. Посылаю вам свою любовь и благословение.

Марфа просунула голову в дверь.

– Что батюшка пишет?

– Пишет, что растения тебе собрал..., – отозвалась Феодосия.

Марфа забежала в горницу:

– Он скоро приедет?

Феодосия усадила дочь к себе на колени.

– Нескоро, дочка, зато мы в Новгород отправимся, к нему поближе.

– К дедушке? – Марфа просияла: «А когда поедем? Можно мои травы с собой взять?»

– Можно. В Новгороде есть травница известная, я у нее училась. Попрошу ее с тобой позаниматься. Ты настой сварила?

– Сварила, пойдем покажу..., – Марфа прижалась щекой к плечу матери: «А Барсика возьмем?»

– Нельзя Барсика..., – покачала головой Феодосия: «Мы на лодьях пойдем, куда кота по воде таскать. Пусть здесь тебя ждет».

– На лодьях? – Марфа распахнула зеленые, как весенняя трава, глаза: «По самому Волхову пойдем?»

– И по Ильмень—озеру..., – кивнула мать: «Давай поглядим, что ты наварила, а потом на конях прокатимся».

Раскинувшись на лавке в детской горнице, Барсик дремал, подергивая ушами. Завидев Марфу, встрепенувшись, кот спрыгнул на пол. Барсик потерся об ее ноги. Девочка наклонилась его погладить: «Тебя, котище, в Новгород не берут».

Вытащив на середину горницы сундучок, Марфа стала собираться. На дно девочка уложила подарок отца, из—за которого родители повздорили. Она помнила ночь, когда, прокравшись вниз, слышала строгий материнский голос.

—Ты, Федор, ровно ума лишился. Шестилетнюю девицу на охоту таскаешь, кинжал ей на именины даришь. Нет, чтобы вышивание али книгу какую душеполезную! Куда ей кинжал—то?

—Книг у нее хватает, а с вышиванием, — отец усмехнулся, — дак ты знаешь, что дочь наша скорее конюшни вычистит, чем за пяльцы сядет.

Марфа осторожно вынула кинжал из ножен. «Это самолучшая сталь, — сказал ей отец, — смотри, какой узор на клинке. Раньше такое железо называли красным».

—Его на Москве выковали? — Марфа разглядывала клинок. Короткий, ровно по ее руке, кинжал оказался увесистым. Ножны украсили золотой насечкой и тонкой работы фигуркой рыси, с изумрудными глазами.

— На Руси такие пока не делают, из Персии привезли. Ножны я приказал особо сковать для тебя. Только один кинжал ничего не стоит, ежели не умеешь с ним обращаться.

Сначала она училась на набитых соломой мешках. Отец показывал Марфе, как правильно стоять, куда бить, как отступить, чтобы увернуться от удара.

На зимней охоте, когда борзые удерживали волка, Вельяминов, спешившись, подозвал Марфу. Девочка прыгнула с белой кобылки. Отец пригнул к снегу серую голову зверя. Волк рычал, оскалив клыки, собаки повизгивали, возбужденные запахом крови.

Марфа потянула кинжал из ножен.

— Бей, — велел ей отец.

Марфа глядела в янтарные глаза зверя.

— Нечестно сие. Он ответить не может.

Федор Вельяминов одним движением перерезал волку горло.

—Есть враги честные, а есть бесчестные. С бесчестными надо драться, как они с тобой.

— Драться надо честно, — упрямо ответила девочка.

Марфе долго снились желто—зеленые волчьи глаза. Ей казалось, что в углу детской горницы стоит темный человек, о котором рассказывал Петруша Воронцов:

—Как он взглянет на тебя, дак и конец тебе..., — во снах темный человек протягивал ей руку. Марфа шла к нему, словно влекомая недоброй силой.

—Отыди от меня, зрящ бес полуночен, — перекрестившись, девочка провела пальцем по лезвию кинжала.

Сверху Марфа сложила растения. Собирать она их начала, когда матушка стала учить ее лекарскому делу. В саморучно переплетенной толстой тетради она аккуратно подписывала названия по—русски и по латыни, копируя их из матушкиного травника.

—Если б еще у Вассиана попросить травок, — подумала девочка: «Когда мы в Чердынь ездили, я еще маленькая была. Растения там наверняка, не такие, как у нас».

С единокровным братом у Марфы завязалась переписка, когда Вельяминовы вернулись из Пермского края. Вассиан присылал ей искусно исчерченные карты и передал с оказией несколько невиданных зеленых камней, в цвет глаз Марфы. Федор велел выточить из них шка-тулку для дочери.

Последней в сундучок легла книга, подарок деда Никиты на недавние Марфины именины, напечатанное в октаву издание «Землеописания» Дионисия Периегета, из типографии Альда Мануция в Венеции. На первой странице была карта Земли с морями, океанами и даже Новым Светом.

Одежду Марфа побросала в сундучок кое—как. Впрочем, охотничий наряд она свернула со всем тщанием, уложив на самый верх.

Новгород

Лодьи вышли в Ильмень—озеро на рассвете.

Затаив дыхание, Марфа смотрела на бескрайний простор, на крутую волну, разбивавшуюся о бок головного струга. Кормщики развернули паруса, караван потянулся к устью Волхова.

– Сие озеро Ильмень, – сказала мать. Девочка заметила блеснувшую в темно—серых глазах слезу: «Дальше к северу лежит Чудское озеро, где князь Александр разбил рыцарей Ливонского ордена».

– Великий был бой? – Марфа вдыхала свежий ветер, несущий их к Новгороду.

– Великий, – кивнула мать, – предок наш был среди новгородцев, сражавшихся у князя Александра.

Заходя в устье Волхова, кормщики слаженно наклонили лоды. Феодосия сцепила пальцы, спрятанные в рукавах опашения. Почти пятнадцать лет прошло, как покинула она Новгород юной женой Василия Тучкова. Женщина смотрела на дальние купола церквей: «И вот возвращаюсь, боярыней Вельяминовой, с караваном людей, с подарками отцу, с дочерью».

– Волхов—то шире Москвы—реки будет! – звонко сказала Марфа. Гребцы на струге рассмеялись. Бородатый кормщик, обычно угрюмый, широко улыбнулся.

– Права боярышня наша, даром что дитя, а глаз у нее вострый. И пошире Волхов, и поглубже. Если хочешь, дак у руля можно постоять..., – присев рядом с Марфой, он хитро посмотрел на Феодосию.

– Матушка, правда можно? – просияла Марфа.

– Посмотри на господин Великий Новгород, на гордость его, – разрешила мать.

Марфа знала, что кормщика зовут Никифор. Было у него три дочки:

– Столько, сколько ступенек на лестнице, – смешно показывал он ладонью от пола. Положив маленькие ладошки Марфы на руль, Никифор накрыл их своими большими руками.

– Не пужайся, боярышня, – велел он: «Правь, и пристанем прямо у ворот новгородских».

Над белокаменным городом парил золотой купол Святой Софии. Стоя в подмосковной усадьбе, на обрыве Воробьевых гор, глядя на Москву, Марфа чувствовала себя птицей. Здесь город поднимался перед ней, становясь все выше и величественней.

– Господин Великий Новгород, – пробормотала девочка: «Здесь дед Никита мой живет».

– Живет, а как же, – согласился кормщик: «Никита Григорьевич по всей земле Новгородской славен».

Струг притерся к речной пристани. На борт поднялся седой человек, как две капли воды похожий на Феодосию. Поклонившись отцу, боярыня поблагодарила:

– Спасибо, люди добрые, за помощь, и заботу. Славно добежали до земли Новгородской.

– Благодарствуй, боярыня, здрава будь и ты и семейство твое, – отозвался Никифор.

Никита Судаков подошел к притихшей Марфе. Дед присел рядом.

– Ты и есть Марфа Вельяминова, внучка моя единственная? – серые глаза усмехнулись.

– Я есть боярышня Марфа, – девочка важно протянула деду руку. Никита Григорьевич, не удивившись, пожал ее.

– Добро пожаловать, боярышня.

Чудеса начались прямо у пристани. Марфа думала, что, как в Москве, их будет ждать возок, дабы не замарать боярам платья в грязи, однако от пристани к городским воротам взбиралась широкая дорога, выложенная бревнами.

– А где возок? – растерялась девочка.

– В Новгороде, внучка, пешком ходят, – объяснил дед: «Давай руку, на людей посмотришь, себя покажешь».

Марфа, позже видевшая великие города Европы, навсегда запомнила путь по новгородским улицам. Больше всего ее поразила чистота. В Москве даже у Кремля высились кучи грязи. На боярских дворах, у стен богатых теремов, валялись свиньи. Только здесь она поняла, почему мать строго выговаривала ей за беспорядок в детской.

Мать с дедом о чем—то негромко переговаривались. Марфа дивилась, как много людей вокруг, с каким достоинством они идут, неспешно, или торопясь, но никого не расталкивая. В

толпе попадались люди в иноземной одежде. Многие, должно быть, тоже недавно приехавшие, озирались вокруг.

С Никитой Судаковым здоровались. Дед перекидывался со знакомцами словом—другим. До Марфы доносились обрывки разговоров о караванах в земли корелов, о навигации на Ладоге, о поставках рыбы с Белого моря.

Усадьба деда поразила ее непривычным порядком. Казалось, здесь нет ни одного бездельника. На Москве дворня часто сидела на завалинках, выстругивая щепки или лузгая семечки.

Оставив Марфу в детской горнице, мать велела ей прийти к трапезе через час. Феодосия перевернула песочные часы, стоящие на низенькой, под рост ребенка, конторке. Оглядевшись, девочка принялась рассматривать книги. Их было немного, но Марфа отыскиала на полке пречудесные издания. В маленьком, но толстом томике на немного понятной Марфе латыни она увидела красивые карты чужеземных стран, с рисунками диких существ. Рядом стояла латинская грамматика. Марфа сначала подумала, что это та же книга, по которой она училась сама, но здесь задания были сложнее, а поля пестрили пометками. Детская рука писала спряжения глаголов и подчеркивала непонятные места.

На поставке стояла совсем невозможная вещь, деревянный шар с наклеенными на него картами. Карты Марфа видела и могла показать, где Москва, где Новгород, где запад и восток. Шар закрутился. Девочка восхищенно глядела, как под ее пальцем вращается маленькая Земля. Прижав к себе диковину, она заторопилась к взрослым.

– Что сие?

– Сие глобус. Он показывает дальние страны и великие моря, – степенно ответил ей дед.

– Почему он крутится?

– Потому что Земля наша крутится вокруг своей оси, тако же и глобус, – сказала мать: «Теперь причешись, вымой руки и приходи за стол».

За обедом Марфа ела молча, быстро. Кормили у деда просто, но очень вкусно. Свободной рукой она исподтишка вертела глобус, стоящий рядом на лавке.

Герр Ключе проводил Марфу до крыльца. Мать разговаривала у ворот с женой герра Иоганна, толстой, веселой фрау Матильдой. Девочка знала, что фрау Матильда ждет ребенка и что он сейчас в животе у фрау Матильды:

– Потом ребенок появится на свет, и она похудеет..., – думала девочка.

Ключница Ульяна по секрету рассказала ей, что в ночь, когда Марфа появилась на свет, случилась страшная гроза:

– Молния ударила в мыльню, где была боярыня. Начался пожар, мы боялись, что конец и тебе, и боярыне пришел. Но вернулся твой батюшка и перенес матушку на руках в терем. Там ты и родилась.

Марфа бегала посмотреть на след молнии. Старую мыльню сломали, на месте строения выросла высокая трава. Только небольшой выгоревший участок напоминал о ночи ее рождения.

Вот уже месяц Марфа Вельяминова училась. Историю и латынь ей преподавала мать, греческий и математику, дед Никита. Заниматься родной речью, законом Божиим и пением она ходила в собор Святой Софии к строгому писцу Демиду и смешливому батюшке Филиппу.

Герр Иоганн Ключе взялся обучать ее немецкому и географии. Сам Ключе родом был из Колывани, а жена его выросла в Новгороде, в старой ганзейской семье.

Девочку захватила и понесла городская улица. Марфа вертелась, разглядывая прохожих, купола церквей, стаи птиц над головой.

– Зайдем сюда, – мать отворила калитку небольшого домика. В Новгороде дверей не запирали.

Их встретила сухонькая старушка с непокрытой по—домашнему головой. Звали ее Ефросинья Михайловна. Марфа ходила к ней два раза в неделю учиться варить настои, делать мази и перевязывать раны.

Ей дали сладкое яблоко и усадили за стол. Достав немецкую тетрадь, Марфа перечитывала записанные на уроке слова

— Что, Феодосия, думаешь?

— Все по—вашему вышло, Ефросинья Михайловна. Отекает она сильно, я на ноги ее посмотрела, прямо стволы древесные. Жалуется, что голова болит, в жар бросает и мушки перед глазами. Все, как мы и говорили. Когда ей срок—то?

— Хоша бы недельки две, а лучше три походить. Но боязно мне, я таких много перевидала. Ежели судороги начнутся, дак не выживет ни мать, ни дитя. Я ей велела лежать, сколь можно, и чтобы в горнице было темно и прохладно. Воду пьет она?

— Пьет. Я ей сборы оставила, один от отеков, другой от головной боли. По—хорошему, ей бы травок дать, чтобы схватки начались.

— Неделю погодим и решим, — промолвила Ефросинья: «Дитя жалко, первое все же. Я ее мужу велела, буде хоша один пальчик у нее дернется или глаз мигнет, сразу чтоб за мной посылали».

— Матушка, — спросила Марфа, когда они возвращались домой, — фрау Матильда сильно болеет?

— Сейчас сильно, — вздохнула Феодосия, — но как родит, и не вспомнит, что болела. Главное, чтоб родила, и чтоб дитя здоровое было.

— А Ефросинья Михайловна, она повивальная бабка тоже?

— Она меня еще принимала..., — кивнула мать.

— Сколько же ей лет? — ахнула Марфа.

— Да к семидесяти.

— А ты свою матушку помнишь?

— Нет почти, Марфуша, мне всего четыре годика было, как померла Марфа Ивановна. Твой дедушка торговал в свейской земле, а мы летом поехали на Ладогу. Вышли в озеро, поднялся шторм, лодьи на камни понесло. Матушка меня к себе привязала и прыгнула в воду. Она доплыла до берега, а назавтра у нее горячка началась, она и отошла.

Марфа ненадолго затихла.

— Я плавать умею. Ты меня научила?

— И я, и батюшка твой. Как ты дитя была, он тебя отнесет к Москве—реке и давай окунать в воду. Ты и поплыла, а потом я тебя учила.

Феодосию пронзила тоска по мужу:

— Хоша бросай все и езжай в Орешек. Дак нельзя, война еще начнется.

— Батюшка скоро приедет? — поинтересовалась Марфа.

— Как закончит дела, дак и приедет. Скорей бы..., — отозвалась Феодосия.

Никита Судаков ждал дочь в крестовой горнице. Отослав Марфу в светелку, Феодосия протянула отцу переданное Иоганном Ключе письмо из Колывани. Пробежав его глазами, Судаков вернул листок дочери:

— Будет война, сама почитай.

Мартин Ключе, давний отцовский знакомец, писал, что Ливонский орден на переговорах в Позволе заключил вассальный договор с польским королем Сигизмундом.

— Думаешь, государь сего не потерпит? — взглянула Феодосия на отца. Никита покачал головой.

–Ливонцы к войне не готовы. Магистр ихний, Фюрстенберг, полагается на силы Сигизмунда, но король не пошлет войска супротив царя Ивана. Колывань и Рига города ганзейские, а Ганзу сейчас англичане выживают из торговли на наших морях. Ганза чьими сукнами промышляет?

– Фландрскими, знамо дело.

– А Фландрия у нас чья? – Никита прошелся по горнице:

–Англия с Испанией на морях соперничает, еще и здесь они драться зачнут. Английские купцы в Белое море дорогу давно проложили.

– Когда Ченслор в Москву приезжал. Помнишь небось ту осень?

–Как забыть, коли вы тем годом ровно подрядились народ из Москвы вывозить – хмыкнул Судаков.

–Встречался тогда царь Иван с Ченслором, и Федор с ним говорил. Звал государь Федора послом к королеве Марии поехать, дак он отказался. Осипа Непею отправили.

– Отказался? – зорко взглянул на дочь Судаков: «Но ведь муж твой редкого ума человек, таких на Москве и не встретишь ноне».

–Одного бы его отправили, – женщина подняла на отца усталые глаза: «Государь бы меня с Марфой не отпустил, в заложниках бы оставил».

Никита погладил дочь по голове, как в детстве.

–Когда война начнется, от старого Новгорода мало что останется. Наши вольности упразднили, а если в Ливонии вместо купцов войска появятся, много не наторгуешь. Царь Иван горазд чужих в страну впускать, а чтобы своих выпускать, сие ему не по нраву. Надо тебе с Марфой в Колывань собираться. Я у всех на виду, мне не с руки тайными делами заниматься, а что баба с девкой едет, кто на вас взглянет?

– Что сделать надо? – спросила его Феодосия.

– Сие я тебе расскажу, – присел к столу Никита.

Колывань

Мартин Ключе цепко взглянул на стоящую перед ним женщину. Была она высокого роста, худощавая, с аккуратно убранными под белый чепец льняными косами. Из украшений незнакомка носила только серебряные серьги да скромное венчальное кольцо:

–И не подумаешь, что это дочь богатейшего купца Судакова и жена ближнего боярина царя Ивана. ... – Ключе поднял бровь. Федосья рассмеялась.

– Не с руки мне алмазами обвешиваться, герр Мартин. Меньше пустых взглядов, оно и лучше.

– Верно, – одобрительно кивнул Ключе: «Как родственник мой, Иоганн? Жена его родила?»

– За неделю до отъезда нашего. Хороший мальчик, здоровый, – улыбнулась Федосья.

– Слава Богу, – Ключе указал на письмо: «Дело, о коем отец ваш мне написал, фрау Теодосия...»

– Зовите меня Тео.

– За один день такое не делается. Мне надо кое с кем посоветоваться, и не здесь, а подальше. Придется вам пару месяцев пробыть в Колывани. Пока я грамоты нужным людям отправлю, пока ответы получу...

Федосья замялась.

–Неловко мне у вас останавливаться, негоже женщине у вдового человека жить. Нет ли у вас старушки на примете, чтоб комнату взять?

– Есть фрау Катарина, у которой Стефан обретался, до того как в море ушел. ... – ото-звался Ключе.

– Стефан? – ахнула Феодосия.

– Стефан, что из Московии бежал. Одноглазый парень, он сейчас капитан «Клариссы». Знаком он вам?

– Племянник это мой по мужу. Петя, брат его меньший тоже здесь?

– Петер? – Ключе посмотрел на большие часы нюрнбергской работы: «Он в училище городском, сейчас придет. Ужели вам батюшка ничего не сказал?»

Феодосия покачала головой.

– Узнаю Никиту, – усмехнулся Мартин Ключе:

– На что я скрытный, но он меня скрытнее. Вы говорили, что он передал для меня шка-тулку. Давайте я ее заберу, а потом к фрау Катарине ходим, здесь рядом.

Сидя на подножке возка, Марфа скучала. Двор оказался пустым, ни луж, ни пыли. Вокруг были только чисто подметенные камни и подстриженные деревца. Мать ушла с Ключе в дом, за массивную деревянную дверь, и пока не возвращалась.

Город тоже был маленький:

– Не то, что Москва али Новгород... – хмыкнула Марфа. Показав на шпиль церкви, мать заметила ей, что это самое высокое здание в христианском мире, но девочка сомневалась:

– Кому придет охота строить такую красоту в захолустье? – Марфа зевнула.

Из—за угла вышел большой черный кот. Зверь по—хозяйски разлегся на нагретых солн-цем камнях.

– Какой ты толстый, – присвистнула Марфа: «Погладить тебя можно?»

Приоткрыв один глаз, кот повел хвостом. Девочка пощекотала его шею, пальцы нашарили ошейник с бубенчиком.

– Черныш, это ты?

Кот урчал и ластился.

– Эй, – раздался из ворот сердитый мальчишеский голос, – не трожь моего кота!

– Он и мой кот, забыл, что ли? – выпрямилась Марфа: «Здравствуй, Петька!»

Невысокий темноволосый мальчик едва не выронил стопку книг: «Марфуша!»

– Смотри, – он выудил из—за ворота рубашки изукрашенный изумрудами золотой кре-стик на тонкой цепочке.

Марфа достала крест побольше, с алмазами.

– Я его не снимала... – она вскинула глаза на Петю: «Соскучилась я по тебе».

– Пойдем, – мальчик подхватил книги: «Я тебе все покажу, и комнату мою, и где я учусь, и море...»

– Море! – ахнула Марфа.

– А то! – довольно отозвался Петя:

– Степа днями должен прийти. Он нас на шлюпке покатает. Степа нынче капитан, у него свой корабль «Кларисса»! Поняла? – Петя ойкнул, получив тычок под ребра.

– Будешь задаваться, дак получишь! – Марфа сдвинула брови.

– Как и не расставались, – улынулась Феодосия, глядя на детей.

– Смотри, – наставлял Степан Марфу:

– Узел называется фламандским. Восьмерку тебя капитан Джеймс научил вязать. Теперь попробуй этот. Если надо соединить два троса, лучше его нет.

Ловко завязав узел, Марфа довольно оглянулась на Петю. Под присмотром нового капи-тана «Клариссы», шотландца Джеймса Маккея, мальчик пыхтел над простым булинем.

Феодосия взглянула на Колывань. «Кларисса» пришвартовалась на рейде. Перед Велья-миновой, как на ладони, лежал город, с замком серого камня на холме, башнями, шпилями, черепичными крышами. Рядом с ратушей помещалась аптека. Мартин Ключе договорился с хозяином, что Феодосия поучится у него составлять лекарские снадобья.

– Не простудитесь, миссис Тео? Ветер поднялся..., – Джеймс принес из каюты темно-синюю, в черную клетку шаль.

– Какая теплая..., – женщина закуталась в мягкую ткань.

– Матушка дала мне плед, когда я подростком уходил из дома..., – глаза у капитана были серо-зеленые: «Тот потерялся, но у нового тоже цвета моего клана».

– Спасибо..., – она бросила взгляд на детей: «Вы со Стефаном который день с ними возитесь. Наверное, у вас есть дела и важнее».

– Стивен брата видит раз в год, что может быть важней? – ответил капитан: «Я пятнадцать лет не был в Шотландии, не знаю, что стало с моей семьей».

– Если герр Мартин в Лондон переберется в Лондон, может быть, Стефан с братом чаще будут встречаться?

– Вряд ли..., – Маккей указал на горизонт: «Хороший день завтра выпадет, видите, закат какой багровый».

– Почему вряд ли? Стефан говорил, что он будет под английским флагом ходить.

– Английский флаг, миссис Тео, есть разный, – неохотно сказал Маккей: «Оттуда, где Стивен ходить собирается, до Лондона далеко».

– Где же это?

– Это вы у него спросите..., – Маккей обернулся к детям: «Не пора ли на берег?»

– Пусть поиграют, – улыбнулась Феодосия.

– Здесь корабль, миссис Тео, – сказал капитан: «Мы торговая шхуна, но правила для всех одни. Слыхали, как в колокол ударили? Значит, гости с палубы долой».

– Строгий вы..., – она вдохнула пахнувший солью ветер.

– Все нет, – Джеймс рассмеялся. Феодосия увидела, что он на самом деле еще молод: «Племянник ваш строгий пока, а я его старше, мягче буду».

– Придете завтра на обед к Ключе?

– Посмотрим, как погрузка позволит.

– Петя, Марфа, собирайтесь..., – Феодосия протянула Джеймсу шаль.

– Оставьте пока себе. Хоть и лето, а вечера холодные, рядом море.

Проследив, как дети устроились в шлюпке, Степан сел на весла.

– Федосья Никитична, – сказал он, когда Петя и Марфа побежали наперегонки к дому Ключе: «Разговор у меня до вас есть».

– Давай поговорим, Степа, – Феодосия незаметно взглянула на племянника: «Повзрослел он. Двадцать три, а выглядит тридцатилетним».

– Нет, – Воронцов помолчал: «Завтра. Сейчас, боюсь, не то скажу».

Он резко оттолкнул шлюпку от берега. Феодосия смотрела ему вслед, пока закат не заполнил небо.

Новгород

Проведя черту в большой книге, Никита Судаков записал под ней баланс. Перед ним стоял ларчик с документами. Купец раскладывал бумаги на две стопки. Правая получилась значительно больше левой. Судаков с удовлетворением придвинул к себе оставшиеся долговые расписки.

Весточку от Мартина Ключе он получил своими путями. Феодосии пока не след было знать, что обсуждают давние знакомцы. Ключе писал старым ганзейским шифром. Письма отправлялись втайне, но купцы и между собой пользовались мерами предосторожности, выученными у отцов.

– Ответы из Гамбурга, Лондона и Антверпена я получил, – читал Судаков:

– Остались Стамбул и Венеция, откуда я днями ожидаю писем. Твою шкатулку я пушу в дело, процент остается обычным. Прибыль я распределяю так, как ты мне отписал. Подумай об увеличении твоей доли в торговле сукном. Испания и Франция отказались от выплаты долгов,

итальянская война оказалась для них непосильной. Рынок серебра упал, но ожидается, что после перемирия ткани поднимутся в цене.

Что касается специй, то дело это прибыльное и таким останется. Продолжай вкладывать деньги в корабли, ходящие в Индию, в этом товаром замедления не будет...

Судаков углубился в вычисления. Подведя итог, он задумчиво повертел бумаги. Можно было отправить в Орешек гонца, но Никита хотел поговорить с боярином Вельяминовым сам.

– Лодья моя готова? – слуга появился, заслышав звон колокольчика.

– С утра еще, Никита Григорьевич. Кормщика какого выберете?

– Сам поведу, – заперев ларец, Судаков убрал его в железный сундук.

– По Ладогe? – слуга замялся: «Тяжело сие одному—то».

– Не в первый раз. Не бойся, лето на дворе, штормить не будет.

Слуга только вздохнул. Весь Новгород знал, что без толку спорить с Никитой Судаковым, коли он что порешил.

Колывань

Прочли молитву после трапезы, дети попросили разрешения уйти. В столовой Ключе остались только Джеймс и Феодосия. Степана герр Мартин увел в библиотеку, обсудить предстоящий переезд в Лондон.

В тяжелом подсвечнике трепетали огни свечей, в их сиянии рубиновое вино в бокалах казалось еще ярче. Феодосия по старой привычке намотала на палец выбившуюся прядь волос. Она уложила косы на городской манер. Вместо льняного чепца боярыня купила в дорогой лавке знакомого Ключе сетку, отделанную мелким жемчугом.

Новое платье из серого шелка украсили кружевами. Прошивка закрывала грудь, как и было положено замужней женщине, и выглядывала из разреза на юбке. Корсет снабдили серебряными застежками. Торговец объяснил Феодосии, что так положено по последней итальянской моде.

На Москве женская одежда была просторной. Не привыкши к корсетам, Вельяминова сначала чувствовала себя скованно, но полюбовавшись переливами атласа, она пораздовалась, что поддавалась уговорам хозяйки, фрау Катарины.

К поясу на цепочке была пристегнута совсем ненужная вещица. Феодосия сначала отказывалась купить безделушку, но потом не выдержала. Больно хорош был палевый мех соболя, с серебряными лапками и головой, и бирюзовыми глазами.

– Миссис Тео, – попросил Маккей, – расскажите о Москве.

– Лучше вы мне о Шотландии, – улынулась она: «Я нигде не была. Море только раз видела, в детстве. Я и забыла, какое оно».

Маккей посмотрел в сторону.

– Я видел море каждый день. Наш замок стоял на утесе, на три стороны вокруг не было ничего, кроме моря.

– Почему вы уехали?

Маккей поднялся из—за стола.

– Долгая история, и не очень веселая, миссис Тео. Может быть, потом расскажу.

Его черные, вьющиеся волосы побила седина.

– Пойдемте, Джеймс, посмотрим на море..., – предложила она: «Вам все равно надо в порт».

Они неторопливо шли вдоль кромки прибоя. Переодевшись в будничное платье, Феодосия накинула на плечи шотландскую шаль.

– Я сбежал из дома. Наш клан враждовал с кланом Сазерлендов, соседями с юга. Вы знаете, что такое вражда кланов?

– В России князья тоже враждовали, но то дело давнее. Когда царская власть укрепились, все закончилось.

– В Шотландии до сих пор продолжается..., – Джеймс взглянул на запад, где в прозрачном небе всходила бледная луна:

– Подростком я подговорил приятелей напасть на владения Сазерлендов. Мы разграбили и сожгли одну из деревень. Сазерленды пустились в погоню, мой отец выступил навстречу им со всеми силами клана.

– Может, не стоит беречь прошлое?

– Ничего, столько лет минуло..., – Джеймс помолчал:

– Это случилось пятнадцать лет назад. Наш клан разбили, отец попал в плен, старший брат обвинил во всем меня. Я вспылел и ушел из дома.

– И вы ни разу не были дома с той поры?

– Ни разу..., – Маккей вдохнул соленый воздух:

– Иногда я вспоминаю, как шумело море по ночам. Под утесом, где стоял наш замок, волны пробили пещеру. В детстве мы спорили с братом, кто быстрее по ней проплывет.

– Ваш брат до сих пор в Шотландии?

– Моего брата повесили три года назад, когда граф Сазерленд разгромил наш замок..., – Джеймс поклонился: «Доброй ночи, миссис Тео».

– А ваш отец? – подалась ему вслед Феодосия.

– Он умер в плену..., – ответил Маккей.

– Смотри, – Марфа рылась в сундуке, – вот клинок.

– Красота! – Петя прикинул кинжал на руке: «Золота в нем на три тройские унции, не меньше, а еще камни драгоценные».

– Ты на ножны не гляди. Клинок—то какой! – девочка осторожно вытащила лезвие на свет.

– Дамасская сталь, – со знанием дела кивнул мальчик: «Металл возят из Индии, а клинки коуют в Персии. Они дорогие, европейские дешевле».

– Батюшка научил меня им владеть, – похвасталась Марфа: «Он обещал, как я вырасту, сделать меч короткий, мне по руке. А у тебя меч будет, Петруша?»

– Мой меч здесь, – Петя постучал себя пальцем по лбу: «Разбогатею, я найму охрану, и меч брать в руки не придется».

– Но если охрану перебьют? – подначила его девочка: «Давай покажу, как правильно нападать».

– Только если ты потом задачу решишь, идет?

Марфа закатила глаза.

– Дались тебе задачи! Тоска ведь зеленая!

– Кто вчера засел с ними в лужу? – фыркнул мальчик:

– Ежели взято в долг под десять процентов годовых сто золотых и долговая расписка на три года выдана, сколько долга платить придется? Пыхтела, ровно дитя малое.

Поджав губы, Марфа потянула Петю за руку.

– Давай, зубы мне не заговаривай!

– Дочка, домой пора, – заглянула в дверь Феодосия.

– Мамоchка, еще немножко, мы только начали играть!

– Что вы до этого времени делали? – удивилась женщина.

– Задачи решали, – бойко отозвалась Марфа. Петя приснул в кулак.

– Играйте с Богом..., – Феодосия остановилась у распахнутого на двор окошка.

На колокольне церкви святого Олафа били к вечерне. Звезды висели совсем близко:

– Кажется, руку протяни и достанешь их..., – женщина запахнула на груди шотландскую шаль.

Ему снился огонь. На юге вставало зарево, бляели овцы, стучали по каменистой тропе копыта коней. Не осталось ни неба, ни земли, вокруг бушевал ад пылающей галеры.

Оттоманский флот осаждал Мальту. Рабы в трюме в ужасе смотрели, как подбирается все ближе обжигающее пламя. Или это было солнце?

Их гнали от моря в глубь пустыни. Ослабевших бросали на краю дороги. Стервятники, кружившие над головой, клекотали, опускаясь рядом. Белые кости, белый песок, раскаленный добела солнечный диск. Свист хлыста, стоны, завывание ветра, зарево, опять зарево. Или это был закат?

Джеймс полежал, тяжело дыша. Вокруг стояла тишина, поскрипывал качающийся на волне корабль. Одевшись, он вышел на палубу.

Галеры шли ночью, на парусах. Дул резкий северный ветер. Рабы сгрудились в трюме, пахло немытыми телами, страхом. Позади стояло зарево сожженных деревень, вихрь нес в море пепел, с палубы доносились женские крики. Юных и красивых не трогали, держа отдельно.

Он попытался вспомнить, когда видел жену в последний раз:

– Когда нас выводили, скованных, в порту Махдия, в Тунисе...

Женщин, закутанных в покрывала, увезли, но Джеймс успел заметить Маргарет.

Она брала за руки только научившегося ходить сына. Жена смеялась, помогая его неуверенным шажкам. Александр ковылял в распахнутые руки отца.

– Какой ты у нас большой..., – Джеймс ласково подбрасывал ребенка, мальчик хохотал.

Он до боли вцепился пальцами в борт. Пять лет, с тех пор как он обрел свободу, он не знал ничего, кроме мести и поисков. Сейчас, когда все осталось позади, глядя на северный берег, он не знал, что делать дальше.

Корабельный колокол мерно отбил время. Достав письмо, он в который раз перечитал торопливые строки.

В подземной тюрьме ему часто снился дом. Скалистый берег, белые стены, сочная трава. Он переступал порог. Похожая на Маргарет женщина встречала его, протягивая руки. В очаге горел огонь, мирно сопели дети, он обнимал жену.

Он не задохнулся в удушающей жаре трюма, не погиб на пылавшей галере, его не забили кнутом, он не утонул в зимнем море у берегов Сицилии, когда бежал из плена в третий и последний раз.

Маккей иногда жалел, что все не закончилось в горячем песке пустыни или шторме. Разорвав бумагу, он долго смотрел, как кружатся над морем клочки. Наконец темная вода поглотила их, словно и не было ничего.

– И что мне теперь делать? – Степан не поднимал головы.

Они сидели на берегу моря. Взяв племянника за руку, Феодосия сжала загрубевшие пальцы.

– Я все время думаю, как бы батюшка поступил? Грех ведь сие.

– В любви какой грех, Степа? Любовь нам Господь посылает, она есть великий дар, за нее надо Бога благодарить..., – Феодосия кивнула на письмо Изабеллы, которое ей перевел Воронцов:

– Тем более, ты не один любишь, а и тебя любят.

– Не чаял я, что она напишет, – признался Степан: «Я сказал ей, что не вернусь».

– Слова сие одно, а сердце всегда надеется..., – Феодосия помолчала: «Поезжай к ней, Степа».

Лицо юноши озарилось сразу погасшей радостью.

– Не смогу я ее забрать. Мне в море надо уходить, далеко, надолго. Да и кто нас повенчает, она замужем.

– Она и невенчанной за тобой пойдет. Для любящего сердца обряды пустое.

Воронцов покосился на женщину. Феодосия смотрела на рейд, где стояли корабли.

– Нельзя так, – твердо возразил он: «Я могу погибнуть, кто о ней тогда позаботится? Нельзя ее на такую судьбу обрекать».

– Объясни ей все, – пожала плечами Феодосия:

– Только ведь... – она нахмурилась.

– Думал я о сем..., – Степан закурил. Вельяминова поняла, что не может разглядеть в почти взрослом мужчине подростка, которого знала когда-то:

– Мне, Федосья Никитична все равно..., – решительно добавил он: «Пусть Белла ко мне и с дюжиной детей придет, это ее дети. Значит, и мои тоже».

– Коли бы все так поступали, меньше слез бы в мире проливалось. Езжай к ней, Степа. Девушка, наверное, все глаза выплакала..., – Феодосия встрепелась: «Погоди, а ежели с дитем она сейчас?»

Степан покраснел

– Чай не мальчик я, знаю, что надо делать.

– Не мальчик, – вздохнула Феодосия: «Отправляйся в этот Танжер, только глупостей не натвори, Белле ты живым нужен. Когда вы отходите?».

– Посмотрим, пока не загрузились полностью. Я с «Клариссой» до Гамбурга дойду и пересежду на корабль, чтобы до Лондона добраться. Устрою дела и вернусь в Африку..., – Степан взялся за весла шлюпки.

– А «Кларисса» куда? – Вельяминова крепко держала бившуюся на ветру шаль. Показалась она Воронцову птицей, что, развернув крылья, бросается навстречу урагану.

– Как Джеймс решит. Может, в Индию, а может, и дальше. До завтра, – выкрикнул Степан с воды.

– До завтра..., – Феодосия не отводила взгляда от темнеющего в светлой ночи корабля.

Орешек

На крепостной стене дул сильный ветер. Огромная Ладога простиралась на все стороны, уходя вдаль, где клубились сахарные облака.

– Ненастье будет, – Никита всмотрелся в горизонт.

– Как же вы обратно, коли шторм? – забеспокоился Вельяминов.

– Это разве шторм? – хмыкнул Судаков:

– Ближе к осени, там шторма истинные, волны лодьи на берег выбрасывают. Федосья небось рассказывала, как ее мать спасла, а сама померла. Аккурат на исходе лета то случилось. Сейчас пустяки, потрясет до устья Волхова и тишина настанет.

– В хорошем месте князь Юрий Данилович крепость устроил..., – с высоты бастиона Федор оглядывал остров. Всюду кипела работа. Массивные стены подлатали, крыши починили, на дворе оружейники готовились поднимать на галереи пушки с ядрами.

Никита указал на запад.

– Вход в реку закрыт, выход тоже. Выходить туда вы, как я понимаю, – он усмехнулся, – не собираетесь, а кто сюда явится, того в Ладогу крепость не пустит.

– Вы дальше ходили? Вниз по Неве?

– Ходил, – кивнул Никита:

– Порт там надобно строить. Место болотистое и нездоровое, зато река в залив морской впадает. Он удобнее, чем в устье Наровы.

– На Нарове у нас есть крепость, царем Иваном Великим поставленная..., – Федор перегнулся вниз: «Поднимайте, и так полдня провозились!»

Пушки медленно поползли на канатах.

– Есть, – согласился Судаков: «Однако тамошняя гавань не защищена от ветра или неприятеля. Где Нева в море впадает, там островов много. Один остров и вовсе у входа в залив. В том месте и надо возвести крепость, никто вовек не сунется».

– По Ореховецкому миру, что ваши новгородцы со шведами заключали, не можем мы крепости на границе иметь, а там что ни на есть самая граница, – возразил Федор.

– Вы воевать собираетесь, – хмыкнул Никита: «Какое вам дело до договоров, хоша бы и вечных?»

– Мы не со шведами воевать будем. Никита Григорьевич, – Федор усмешливо взглянул на тестя, – кто тебе про войну сказал?

– Птичка напела, – рассмеялся тот:

– Выйди на базар в Новгороде, на цены глянь. Народ все скупает подчистую. Я на соли за последний месяц столько сделал, сколько за год не выручал. Люди не слепые, видят, что царь сюда войска стягивает. Но не о сем я с тобой хотел поговорить. Люди мы с тобой, Федор Васильевич, немолодые. Мне пятьдесят шесть, а ты на год меня старше, да?

– Пятьдесят семь на Федора Стратилата миновало.

– Ты, боярин, человек крепкий не по годам, могучий, однако все мы под Богом ходим. Может случиться, что мы с тобой аредовы веки проживем, но может и как с дружкой моим давеча приключилось. Пришел он домой из лавки, прилег отдохнуть и не поднялся. Ему и пятидесяти не исполнилось. Сразу долговые расписки появились, вдова рыдает, сирот семеро по лавкам... – Никита вздохнул.

– Ты к чему клонишь, Никита Григорьевич?

– К тому, что дочь у меня одна и внучка тоже единственная. Ты сейчас на войну отправишься, я тоже не вечен. Вона Ладога, – указал Судаков себе за спину, – заберет, и тела не отыщут.

– Федосья с Марфой по моей духовной не обижены, читал ты запись.

– Бумага, Федор, бумагой останется. Ты не серчай на меня, но коли тебя на свете не будет, думаешь, Матвей отдаст вдове твоей да дочери все, что им причитается? – жестко спросил Судаков.

Федору вспомнились слова, брошенные в сердцах сыну в горнице Воронцовых. «Что трус ты, сызмальства твоего знаю, но не думал я, что ни совести ни чести ты не имеешь».

– Может и не отдать, – нехотя признал он.

– Ни ты, ни я из могил не подыдемся, чтобы их защитить. Тако же и царь. Матвей, слышал я, в любимцах у него ходит? – исподлобья взглянул на зятя Никита Судаков.

По лицу Вельяминова заходили желваки.

– Охолони, боярин, – похлопал его по плечу тесть:

– Дело известное, шила в мешке не утаишь. Матвей пусть творит, что хочет, мне сие неважно, однако навряд ли Иван Васильевич его обидит, так?

– Выходит, что так.

– То бишь забота о твоей жене и дочери на мои плечи ложится. Коли ты с войны не вернешься, а я жить буду, в том разе не переживай, за мной они как за стеной каменной. Но ежели я первым сгину, на сей случай придумал я кое—что.

Колывань

В библиотеке Ключе Феодосия нашла книгу на латыни, *Ars Amatoria*. Томик запрятали за толстой историей Геродота. Написал стихи римский поэт Овидий. Дойдя до третьей части поэмы, она почувствовала, как заплыла щеки.

– Марфа еще не бойко латынь разбирает..., – Феодосия наткнулась на такие строки, что даже оглянулась вокруг: «Хорошо, что рядом нет никого».

Мужа она не видела с марта. Прошло пять месяцев с тех пор, как Вельяминов уехал на север. Раньше они тоже, бывало, расставались надолго. Федор ходил на Казань, к низовьям Волги, в Астрахань, на границу Дикого Поля. В Москве Федосье скучать было некогда. Боярыню занимали домашние хлопоты и служба при царице.

В Колывани все было иначе. Здесь она свободно ходила одна по улице, как в новгородском детстве. На Москве боярыни и не ступали на мостовую. Женщины ездили в возках, со слугами. Мужики московские, завидев Феодосию, опускали глаза, опасаясь встретиться взглядом с женщиной, сосудом соблазна. Здесь Феодосия чувствовала на себе совсем иные взгляды.

Отложив книгу, она устроилась, как любила, на правый бок. Глаза, что виделись ей, были серо—зеленые, и поселилась в них не привычная, спокойная уверенность, а тоска. Такая тоска, что хотелось птицей перелететь к нему и хоша немного, но тоску отвести.

Феодосия заснула. Опять привиделся ей белый домик на утесе над морем. Она сидела у очага с прялкой. Тепло было вокруг, словно и не свистел, не громыхал ставнями ветер. Она улыбнулась вошедшему темноволосому мужчине. То был муж ее, отец ее детей, но не Федор. Поднявшись ему навстречу, Феодосия обняла мужчину, коснулась губами его ласковых губ, вдохнула крепкий запах соли.

Феодосия рывком села в постели. Тишина стояла вокруг, за стеной посапывала Марфа. Подушка промокла от слез. Перевернув ее, женщина снова задремала, на сей раз без снов.

Орешек

—Когда воевать—то пойдете? – спросил Никита Судаков у зятя, налаживая парус.

Вельяминов переминался с ноги на ногу

– Тоже мне тайна, чужак человек, – Никита рассмеялся:

–Любая баба тебе скажет, что пока снег не выпал да реки не встали, конницу в Ливонию пускать не след, ино потонете в грязи. Зимы в тех краях сиротские, льда крепкого до Святков не жди. Выходит, что до января вы туда не тронетесь. Прав я?

– Прав.

–Время еще есть. Сейчас у нас конец июля, посмотрим, как оно сложится. Бумаги, кои тебе понадобятся, в усадьбе лежат, в ларце. Ключ я тебе отдал. Давай, Федор Васильевич, обнимемся на прощанье.

– Спасибо тебе, Никита Григорьевич.

– Феодосию с Марфой береги.

Выведя лодью на воду, Никита помахал зятю. Поднявшись на галерею крепости, Федор смотрел, как уходит вдаль лодья по простору Ладоги, за горизонт, где играла веселая волна.

Колывань

Феодосия работала в сводчатой комнате, выходившей на двор аптеки. На столе лежали Die Grosse Wundartznei Парацельса, которую ей одолжил хозяин, и один из семи томов De Humani Corporis Fabrica Андрея Везалия.

– Нет, фрау Тео, я не с вами не согласен, – сказал Ганс Штейн, пожилой аптекарь:

–Травами лечил еще Гиппократ, но травы не панацея. Хирургия, – он наставительно поднял палец, – приходит на помощь тогда, когда остальное бессильно.

–Забота врачевателя, герр Штейн, – сухо возразила Феодосия, – вылечить пациента, не доводя дела до ножа.

– Хотел бы я посмотреть, фрау Тео, какими травами вы собираетесь пользоваться конечность, подлежащую ампутации, – пожал плечами Штейн: «Можно снять симптомы воспаления, но гангрена не остановится».

–Большинство ампутаций, герр Штейн, – Феодосия сняла с полки склянку с жидкостью, – происходят потому, что в рану попадает грязь.

– И как грязь приводит к воспалению? – насмешливо спросил Штейн.

– Попробуйте размазать грязь, да и любую субстанцию, по неповрежденной коже..., – Феодосия добавила в ступку пару капель содержимого склянки:

–Например, сок ядовитого растения. Вы получите ожог, но не умрете. Но если на коже окажется хоть малая царапина, то яд попадет в кровь, и она понесет отраву к сердцу.

– Но при чем здесь яд? – всплеснул руками Штейн: «Грязь у нас под ногами не ядовита, иначе мы бы все бы давно умерли».

– Не знаю, герр Штейн, – в ступке пузырилась резко пахнущая каша: «Может быть, вокруг существуют невидимые человеческому глазу вещества, вызывающие воспаление. Вот, – подвинула она ступку, – что скажете?»

Понюхав, аптекарь одобрительно поцокал языком.

– Очень неплохо. Добавьте толченый мел в шкатулке слева, и можно делать пилюли.

Прислонившись к дверному косяку, Маккей любовался Феодосией. Утренний свет золотил сколотые на затылке косы, покрытые легким чепцом. Женщина носила темное платье с холщовым передником. Она склонилась над столом. Штейн негромко приговаривал: «Да—да, именно такого размера. Чуть меньше, и пилюлю легко выронить, чуть больше, и ее трудно проглотить».

Джеймс кашлянул.

– Приветствую, вас, капитан..., – расплылся в улыбке аптекарь: «Надеюсь, на «Клариссе» все здоровы?»

– Здоровей некуда, однако, герр Штейн, путь кораблю предстоит долгий. Хорошо бы пополнить запасы снадобий.

– Разумеется, – захолопотал аптекарь: «Собрать по обычному списку?»

– Да, как всегда. Пришлите кого—нибудь, когда все будет готово. Я приеду и расплачусь.

– Прямо сейчас и займусь..., – Штейн вышел из комнаты.

– Знаете, миссис Тео, вы правы, – признался Джеймс, когда они остались одни.

– В чем же? – она повертела нож для разрезания пилюль.

– Положите, а то я начинаю вас бояться, – улыбнулся Маккей:

– Правы вы насчет грязи. Смотрите, – он закатал рукав льняной рубашки. Вдоль смуглой руки змеился давний шрам:

– Мне должны были отрубить руку, но я был ранен. Рана загноилась и тогда Салих Рейс, наместник султана в Алжире, приказал сначала вылечить меня, а потом рубить руку.

– За что вас так?

– За второй побег. За первый бьют кнутом, за второй отрубают руку, за третий отрезают нос и уши, – скучным голосом объяснил капитан:

– Арабский лекарь промывал мне рану холодной водой и настоями из трав. Он велел перевести меня из подземной тюрьмы в чистое помещение. Как видите, рука осталась цела.

– Наместник вас помиловал?

– Нет. Когда рана зажила, я бежал в третий раз.

– Долго вы провели в плену? – ее голос дрогнул.

– Пять лет. Миссис Тео, не хотите взять детей и прогуляться верхом?

– Не откажусь. Петя должен сейчас прийти домой. По пути он заберет Марфу с немецкого.

– Я зайду к Ключе через час, будете готовы?

– Да. Благодарю вас, капитан.

– Меня зовут Джеймс. Называйте меня так, прошу вас. Меня пять лет никто не называл по имени. Я думал, что никогда и не услышу его более.

– Хорошо, Джеймс.

– Повтори основные формы глагола «любить», – строго сказал Петя.

Марфа выпалила: «Amo, amare, amavi, amatus».

– Молодец, – покровительственно сказал мальчик: «Там больше есть, но ты успеешь разобратся».

– Ты говорил, что латынь сейчас не нужна, – Марфа поддала ногой камешек: «Однако сам учишь».

– На ней книг много хороших..., – признал Петя:

– Не все еще на немецкий с английским перевели. По географии пишут тоже пока на латинском. Для торговли латынь ни к чему, но, кроме торговли, есть и другие вещи.

– Неужто? – хитро прищурилась Марфа.

– Скажи мне, как по—латыни «Я тебя люблю».

– Те ато, – недоуменно, отозвалась девочка.

Петя довольно рассмеялся.

– Ты только что призналась мне в любви!

– Дурак! – Марфа заносчиво вскинула голову. Охнув, девочка схватилась за плечо. На землю с глухим стуком упал камень.

Петя оглянулся: «Беги отсюда!». Он знал этих подростков. Сыновья рыцарей ордена расхаживали по городу, подметая камни мостовой дорогами плащами, у каждого на поясе висел короткий меч.

– Московит, – издалека процедил старший, – мало тебя лупили, чтоб не путался под ногами у благородных рыцарей? Грязное отродье!

– Они тебя били? – тихо спросила Марфа.

– Как я приехал, каждый день. Беги, что стоишь!

– Кого ты называешь отродьем? – звонко крикнула Марфа.

– Хотя бы тебя, рыжая жаба! – старший мальчишка метнул в нее камень. Девочка ловко увернулась: «Глаза у тебя косые, тоже мне рыцарь!».

– Их шестеро, Марфа! Уходи отсюда, – прошипел Петя.

– Еще чего! – зеленые глаза потемнели от гнева.

– Совсем как у отца ее, – подумал Петя.

– Никогда Вельяминовы с поля брани не бегали..., – прицелившись, Марфа запустила камень. Один из подростков схватился за живот.

– За девкой прячешься, ублюдок? – осклабился старший.

Кровь хлынула Пете в голову.

– Кидаюсь я лучше, чем эти криворукие бараны..., – один из подростков получил камнем в шею.

– Вы оба пожалеете, что на свет родились, – пригрозил старший, подходя вплотную.

Завернув на узкую улицу, ведущую к дому Клюге, Маккей услышал крики. Марфа и Петя стояли спиной к спине, напротив стайки ребят постарше. Возле них валялись камни, на щеке мальчика краснела ссадина. В девичьих руках блеснула сталь клинка.

Маккей двинулся на подростков.

– Так вы готовитесь к рыцарским обетам?

– Они первые начали, – буркнул старший парень.

– Не стыдно тебе врать? Чтобы дети младше вас начали первыми? Придумал бы что—нибудь поумнее. Зарубите себе на носу, что рыцари защищают слабых, а не нападают на них, ясно?

Предводитель парней развернулся, за ним последовали остальные.

– Здорово мы их? – Марфа подергала Джеймса за рукав.

– Вы дрались как львы, – Маккей присел перед девочкой: «Можно посмотреть кинжал?»

– Дамасская сталь..., – она протянула клинок: «Мне батюшка на именины подарил».

– Отличное оружие..., – Маккей взвесил кинжал в ладони, пальцы сомкнулись на удобной рукояти.

—Ты сильный, – работороговец потрепал Маккея по плечу: «Сильный и молодой, тебе всего двадцать лет. Если ты понравишься хозяину и будешь хорошо работать, сможешь взять себе жену».

– У меня есть жена.

– Златовласая, белокожая, с глазами цвета моря, – торговец причмокнул:

–Ее продали вчера. Чудны дела Аллаха, она не девственница, но золота я за нее выручил как за нетронутую. Многие мужчины предпочитают, чтобы кто—то другой был первым, меньше хлопот. У нее широкие бедра, она родила здорового ребенка, значит, родит еще. Сын у вас был или дочка?

– Сын – Маккей отвернулся, скрывая слезы, выступившие на глазах.

– Тем более..., – Работороговец зевнул: «Мой тебе совет, забудь прошлую жизнь и начинай новую».

– Я запомню твой совет..., – сталь холодила пальцы Маккея. Это был не кинжал, а всего лишь кандалы, но ими тоже можно было убивать. Нужно было.

– Пойдем, – Маккей вернул кинжал Марфе: «Обещал я твоей матери конную прогулку, теперь и не знаю, как быть. У Питера все лицо разодрано».

– Это просто царапины, – хмуро отозвался Петя: «Пустяки».

Феодосия не ругала детей, только помазала племяннику щеку пахнущей травами мазью. Женщина отослала обоих умываться и переодеваться.

– Я нашел женское седло, – они с Джеймсом вывели лошадей из конюшни: «Марфа ездит по—мужски?»

Феодосия погладила темно—серого коня.

–Отец ее так научил. Оно и удобней, пока девочка маленькая. Потом на женское переседет. Меня тоже отец в седло посадил, а Петину мать покойницу муж учил. На Москве это не принято, редко кто из боярынь к лошадям подходит.

–Стивен рассказывал мне о родителях..., – Маккей посадил женщину в седло: «Не отвечайте, если не хотите, но как не мстить за такое?»

–Степан мстил, – горько вздохнула Феодосия: «Однако царь выше суда человеческого, а Божий суд нескорый. Да и кто мы такие, чтобы торопить Всевышнего?»

– А Питер? Он не отомстит, когда вырастет?

– Когда он вырастет, все забудется..., – отозвалась женщина.

– Есть вещи, которые не забываются..., – покачал головой Маккей.

– А вы мстили?

– Да. Я мстил пять лет, с той поры, как бежал из плена. Искал и мстил.

– И что теперь? – нежная рука натянула уздечку.

– Не знаю.

Пересчитав золото, Степан подвинул монеты Ключе. Купец отдал ему расписку.

–Можно было и так, герр Мартин..., – буркнул Степан.

–Нельзя..., – покачал головой Ключе: «Твои деньги не будут лежать просто так. Зачем нужно золото, если оно не приносит доход? Я пушу средства в оборот. В любой момент ты получишь обратно и основной капитал, и проценты».

– Мне они зачем? – пожал плечами Степан: «Я на берег редко схожу, пусть для Петра останутся».

– Петер после моей смерти все получит, – улыбнулся Ключе: «Тебе сегодня не нужно, а завтра понадобится. Тебе еще семьей обзаводиться. Будешь в Лондоне, зайди к стряпчему, моему знакомому, адрес я дам. Напиши завешание».

– Что мне завещать? – удивился Степан: «Только шпагу».

– К стряпчему иди не до того, как с людьми своими встретишься, а после, – посоветовал Ключе: «Неизвестно, до чего вы договоритесь, а если с тобой в Новом Свете что—то случится, то Петер твой законный наследник, и не как со мной – по дарственной, а по крови».

– Зайду. Не тяните с отъездом, зимой начнется война. Насчет складов и дома в Англии не беспокойтесь, я обо всем позабочусь. Здешнее имущество вы продадите? – поинтересовался Степан.

– Придется за бесценок..., – вздохнул купец: «Мало охотников перед войной дома покупать. Когда вы отчаливаете?»

– Как пеньку привезут и загрузят, снимемся с якоря.

Проводив Степана, Ключе углубился в вычисления.

– Несмотря на расходы с переездом, я все равно остаюсь в выигрыше, да в таком, что хватит и на обустройство в Лондоне, и на учебу Петера и..., – он почесал нос пером:

– Если действительно он так выгоден, как его расхваливают, то хватит и на табак. Португалцы с испанцами пока раскачиваются, – думал Ключе, – надо перехватить дело. Сейчас курят только моряки, прибыль мизерная, но если из кабаков табак переключат во дворцы, появятся совсем другие барыши. Кофе начали в Венеции пить. Ворчали, что не христианский это напиток, а сейчас итальянцы его и сюда привозят. Но, чтобы торговать кофе, надо с знаться с берберами, а у меня на это ни сил, ни желания нет. Стефан говорил, что португалцы в Гоа пьют какой—то ча, вроде из Китая. Для Востока я староват. Нет, табак, табак. Надо и Никиту подбить, кстати. Новый Свет поближе Китая будет.

Убрав документы, Ключе пошел в аптеку. Прежде чем вкладываться в новый товар, он хотел расспросить герра Штейна, от каких болезней исцеляет табак.

Всадники спешили на краю рощи, у подножия холма, где торчали поросшие мхом развалины замка.

Петя с Марфой помчались лазить по камням в поисках изъеденных ржавчиной подков и монет.

– Холодная, – Феодосия попробовала воду в ручье: «Осень скоро, деревья желтеют».

– Там, где я вырос, лесов не найти..., – Маккей смотрел вдаль: «Только на юге растут сосны и березы, а еще южнее дубы и вязы. У нас только море и трава. Она даже зимой зеленая».

– Вы с детства мечтали о море?

– Нет..., – отозвался капитан: «На севере Шотландии нет своих моряков, к нам ходят норвежцы. Я младший сын, но земли у нас было много, никто меня из дома не гнал. Я сам себя выгнал. Добрался до Инвернесса, нанялся на норвежский корабль, так и пошло».

– И в плен вас на море взяли?

– Нет, на земле..., – Маккей усмехнулся:

– Я считал, что если вышел сухим из стычки с пиратами, когда мне было шестнадцать, то на земле они меня не достанут. Но вышло, что я ошибся. Нашли что—нибудь? – крикнул он детям.

– Здесь много всего, можно мы еще поиграем? – донесся со склона голос Пети.

Феодосия отмахнулась.

– Сейчас Петя в Лондон уедет, мы с Марфой домой отправимся. Когда они еще свидятся?

– Хотел бы я тоже вернуться домой.

– Почему не возвращаетесь? – она приподнялась с пледа: «Гляньте, форель». В прозрачной воде серебрились юркие рыбы.

– У нас реки мелкие, порожистые, но бурные. Рыбы в них много, хоть руками лови. Миссис Тео...

– Почему вы меня все время зовете «миссис»?

– Я привык..., – Джеймс помолчал: «Мою жену тоже звали «миссис». Миссис Маргарет Маккей. Только я звал ее Мэгги».

– Вы были женаты?

– Я и сейчас женат. Мэгги жива. Только лучше бы она умерла.

В первый раз его поймали быстро, в негостеприимных к чужакам песках. Он не знал, как найти воду, но помнил, что надо идти на север. В горах он видел ручьи, а за горами лежало море. Море означало свободу.

– Ты меня разочаровал, – сказал работороговец, когда его стаскивали с лошади, избитого, измученного жаждой: «Теперь придется бить тебя кнутом, твои раны загноятся, и ты умрешь. Я надеялся выручить за тебя хорошую цену».

– Можно не бить, – попытался усмехнуться растрескавшимися губами Маккей. Получив удар тяжелой палкой черного дерева, он схватился за сломанное ребро.

– Я могу отрезать твой лживый франкский язык, но тогда ты точно сдохнешь..., – холодно ответил торговец: «Я дам тебе десять ударов. Если выживешь, хорошо, не выживешь, такова воля Аллаха».

Он выжил.

– Я называю вас так, потому что не смею называть иначе.

– Посмейте, – коснувшись его руки, Феодосия одернула пальцы, словно обжегшись.

– Тео. Тео.

С холма наперегонки сбегали дети.

– Арабская монета, – Маккей потер тусклый серебряный диск: «Видишь, – показал он Пете, – какая вязь».

– Вы знаете арабский, мистер Джеймс?

– За пять лет пришлось выучить..., – развел руками капитан.

– Расскажите, как вы бежали из плена, – попросила Марфа.

– Марфа, не приставай! – одернула ее мать.

– Не ругайте ее, – Маккей покраснел, – миссис Тео. Сейчас не так страшно все вспоминать, дело прошлое. Меня привели к наместнику султана Салиху Рейсу. Он пообещал, что завтра в полдень мне отрубят руку.

Марфа испуганно пискнула.

– Руку мне должны были отрубить, потому что я до этого пытался бежать. Когда меня поймали, я был ранен. Наместник приказал меня вылечить перед казнью. Ко мне прислали арабского лекаря, я оглушил его и выбрался из крепости. Дошел до порта, а дальше все было просто. Но пришлось прыгать в зимнее море, чтобы доплыть до Сицилии.

Дети слушали, затаив дыхание.

– Собственно, и вся история. Домой, или еще поиграете?

– Еще, еще!

Феодосия улыбнулась.

– Бегите, только недолго. Джеймс, вы хорошо ладите с ними. У вас есть дети? – спросила она, когда Петя с Марфой перебрались на другую сторону ручья.

– У нас был сын, Александр. Мы назвали мальчика в честь моего отца.

– Где он сейчас? – увидев, как помрачнело его лицо, Феодосия смешалась: «Простите, капитан».

Он долго всматривался в прозрачную воду ручья.

– Помните, Тео, вы меня спрашивали, могу ли я вернуться домой?

– Да, – выдохнула она.

– Иногда мне кажется, что я вернулся.

—По всему выходит, родная моя, что скоро свидимся мы в Новгороде. Батюшка твой сказал, что дела, заради которых ты в Колывань поехала, закончены. По цареву приказу к Покрову я должен вернуться на Москву. Начинай потихоньку собираться. Скучаю по тебе и Марфуше, и не могу дождаться нашей встречи...

Рука с письмом задрожала:

—Никогда такого не случалось..., — поняла Феодосия: «Словно стою я перед волной, что захлестнет меня, и не знаю, то ли броситься в пучину, то ли отступить».

— Маменька! — Феодосия и не заметила, как Марфа оказалась рядом. Дочь положила ей голову на колени: «Скоро мы домой поедem?»

— Домой хочешь, Марфуша? — женщина погладила бронзовые косы.

— Очень, — вздохнула девочка:

—Я по батюшке скучаю, долго его не видела. И по дедушке тоже, и по Барсику, как он без меня? — Марфа подняла голову: «Ты что, плачешь?»

— Не плачу, — Феодосия поцеловала высокий лоб дочери: «Сейчас ответ батюшке напишу. Если хочешь, и от себя весточку пошли, он порадуетя».

Марфа старательно выводила ровные буквы. Над серым морем ползли набухшие дождем тучи. На краю земли стоял белый домик с огнем в очаге, ветер гулял по зеленой траве, Феодосия носила под сердцем дитя.

— Марфуша, тебе к учителю сейчас идти? — спросила она.

— Да, — Марфа сложила листок: «Дописала».

—Хорошо, — рассеянно отозвалась женщина: «По дороге загляни в порт, отнеси весточку на «Клариссу».

— Степе?

— Нет, капитану Джеймсу. Герр Штейн велел передать, что лекарства готовы..., — запечатав грамотцу, Феодосия отдала бумагу дочери: «Беги, а то опоздаешь». Хлопнула входная дверь, женщина прошептала: «Прости, Господи». За окном мелко, почти по—осеннему моросило.

Сидя за аптечным столом, Феодосия смотрела на струйки воды, стекающие по окну.

— Тео, — он прислонился к косяку двери.

—Герр Штейн приболел..., — Феодосия не обернулась: «Снадобья ваши собраны, увозите».

—Тео..., — он подошел ближе. На черных, с заметной проседью, волосах блестели капли дождя:

— Больше всего на свете я бы хотел бы увезти тебя с собой..., — Маккей накрыл ее пальцы ладонью, Феодосия не отняла руки.

—Тебя и Марту. Если бы я мог, я бы увез тебя на север. Вы бы ждали меня с моря, у нас бы родились еще дети. Если бы я мог, я бы прожил с тобой, сколь отмерено мне Господом и всю оставшуюся жизнь благодарил бы Его за милость. Но я забыл, Тео, как хотеть чего—то, кроме мести.

— Вспомни..., — она не поднимала глаз.

— Сначала я хотел только мстить. Теперь не хочу.

— Ты отомстил?

— О да, — Маккей усмехнулся: «Только я не знал, что моя месть была впустую. Когда узнал, когда нашел ее, то было поздно. Убитых не воскресить».

—Где она? — Феодосия избегала его взгляда.

– Я долго искал. Собираю деньги для выкупа, ходил с контрабандистами, продавал секреты, лгал, убивал. Я нашел ее. Мне передали от нее записку: «У меня дети, я счастлива, забудь обо мне».

Феодосия схватила за край стола.

– А ваш сын?

– Когда берберы напали на наше селение, они убили Александра на наших глазах.

– Что с нами будет? – она посмотрела в окно. Дождь усилился, ветви деревьев мотал ветер.

– «Кларисса» отходит через два дня. Мне остались лишь воспоминания. Ни на что другое я не годен.

Шаги за дверью стихли, Феодосия взялась за перо.

– Как ты и велел, зачали мы укладываться. Марфа по тебе скучает, и я тоже. Подождем, пока просохнут дороги, и тронемся в путь.

Москва

Анастасия Романовна приложила к груди младенца Федора. После смерти детей в колыбели, после гибели царевича Дмитрия, сжалась над ней Богородица. Царица принесла второго здорового сына.

Трехлетний Иван играл у ее ног.

– Маменька? – старший сын поднял темноволосую голову.

– Что тебе, сыночек?

– Когда Федя вырастет, мне надо будет с ним игрушками поделиться? – Ваня прижал к себе новую забаву, расписного деревянного коня на колесиках.

– Ванечка, вы же братья. Когда ты на престол сядешь, Федя будет тебе во всем подмогой. Ты, как брат старший, должен о нем заботиться..., – передав уснувшего младенца мамке, Анастасия обняла старшего сына.

– Федя маленький такой, даже ходить не умеет..., – Ваня смотрел, как брата укладывают в колыбель.

– Ты, Ванюша, тоже не умел, – рассмеялась царица, – но, как встал на ножки, не удержать тебя было.

Вывернувшись из материнских рук, мальчик бросился к двери.

– Батюшка!

Подхватив сына, Иван подбросил ребенка.

– Хорошо ты сегодня себя вел? Маменьку слушался?

– Слушался! – мальчик счастливо приник щекой к плечу отца: «Я, как встал, помолился, и не баловался вовсе».

Иван Васильевич опустил сына на пол.

– Заслужил ты подарок. Глянь, что Матвей Федорович тебе принес.

Выступив из-за государевой спины, опустившись колено, Матвей протянул ребенку маленькую сабельку. Рукоять украсили драгоценными камнями.

– Настоящая? – детские глаза загорелись.

– Ты из ножен – то ее достань, Ванюша, – усмехнулся царь.

Осторожно вытащив клинок, мальчик завертел им над головой.

– Не поранься, Ванечка, – встрепелась Анастасия.

– Прощайся с матушкой, Ванюша, – велел царь: «Мы верхами поедem. На соколиную охоту хочешь? Матвей Федорович решил нас порадовать».

– Хочу! – мальчик размахивал саблей.

Склонившись над колыбелью, Иван Васильевич всмотрелся в спящего младенца.

– Растет, храни его пресвятая Богородица, – перекрестилась царица.

– Молока хватает у тебя? – не обращая внимания на стоявшего в дверях Матвея, царь пощупал грудь Анастасии: «Ежели что, не молчи. Баб кормящих достанет, дело сие простое».

– Да вроде наедается.

– Вечером жди, а пока держи..., – царь вытащил на свет нить крупного жемчуга. Анастасия подождала, пока он обовьет бусы вокруг ее шеи.

– Благодарствую, государь..., – она прижалась губами к мужниной руке, царь раздул ноздри:

– Кнута заждалась, небось, Настасья? – шепнул он: «Окромя жемчугов сих, чтобы ничего более на тебе не было, слышишь?»

Царица успела поймать ненавидящий взгляд Матвея.

Царь посадил Ваню перед собой на седло.

– Ты, Матюша, не откажи мне. Пора Ване от мамок да нянек в мужские руки переходить. Лучше твоего батюшки на Москве наездника нет, однако он сейчас на войну пойдет, а то бы Федор Васильевич мальчика и мечом обучил владеть, и стрелять. Значит, ты остаешься.

– Я с радостью, государь, – поклонился Матвей:

– Однако же... – он замялся.

– На войну я тебя не пушу, и не проси..., – отрезал царь: «Даже в Новгород ни ногой. На тебе царевич малолетний. Как я уеду, ты за него в ответе».

– Что люди—то скажут? – горько проговорил Матвей: «Отец мой на седьмом десятке воюет, а я, на третьем, дитя тетешкаю, словно баба».

Царь посерьезнел: «Не могу я Ваню на царицу оставить, разбалует она его. И потом, не ей же парня к воинскому делу приучать».

Спешившись, царь снял сына с седла.

– Беги, Ванюша, к шатрам, обожди нас. Сейчас Матвей Федорович тебе кречетов покажет..., – проводив глазами сына, он повернулся к Матвею:

– Раньше января в Ливонию соваться нечего. Не хочу я войско в грязи топить али по тонкому льду пускать. Сие мы на совете решили, что еще до отъезда отца твоего в Орешек собирался. Пишут мне оттуда, что его стараниями крепость теперь неприступной стала.

– Шведы могут напасть? – они пошли к раскинутым на холме шатрам.

– Кто их разберет, – пожал плечами Иван:

– Договор у нас мирный, вечный и нерушимый, но как армия в Ливонии окажется, они могут и полезть в драку. Надо бы еще, – Иван остановился, – на богомолье съездить, хоша недалече, под Москву, победу нашему оружию попросить. Царевича взять, тебя.

– А царицу? – Матвей отвел глаза.

– Царица пуцай в Кремле сидит, младенца пестует, без нее помолимся. Так, Матюша?

Юноша обрадованно улыбнулся.

– Батюшка, – донесся от шатра восторженный голос царевича: «Глянь, птички!»

Высоко в небе кречет догнал и сбил белую цаплю. Легкие перья кружились на ветру, осыпаясь на траву.

Колывань

Феодосия уложила в сундук книги. За месяц жизни в Колывани накопилось их предостаточно.

– Маменька, – вбежала в комнату Марфа: «А растения мои куда?»

– У тебя места не осталось, что ли? – удивилась боярыня.

– Петя мне учебники дал, кои сам выучил. Много их, – вздохнула девочка: «Мы посмотрим, как «Кларисса» уходит?»

– Конечно. Со Степой надо попрощаться..., – Феодосия закрыла сундук.

– Степа говорил, что едет в Новый Свет! Мы с Петей те края на карте нашли! Страсть как далеко, море надо переплыть. Вот бы в сих землях побывать... – восторженно сказала Марфа.

– Руки помой, выдумщица, а то вся перепачкалась, собираясь..., – Феодосия ласково подтолкнула дочь к двери.

Марфа подергала Степу за рукав рубашки.

– Степа, как ты по солнцу определяешь, куда корабль вести?

– Пойдем, посмотришь квадрант на прощание..., – улыбнулся Степан.

Маккей разрешил Пете спуститься в трюмы. Мальчика было не оттащить от грузов.

– До свидания, Джеймс..., – Феодосия протянула ему шотландскую шаль: «Как у вас говорят, попутного ветра?»

– Попутного ветра..., – кивнул капитан: «У меня есть для вас подарок, он в каюте».

Маккей предложил ей руку.

– Держитесь, трапы у нас крутые.

В просторной капитанской каюте было светло, солнце било в иллюминаторы.

– Надеюсь, вам понравится, – Маккей протянул ей изящный томик: «Перевод на немецкий, мне только вчера привезли книгу из Любека».

– Декамерон, – Феодосия раскрыла издание на середине: «Какие красивые миниатюры! Поцелуйте меня на прощание, капитан».

– Тео, – глухо сказал он: «Не надо, Тео».

Она была рядом, благоухающая травами, летним ветром, теплая, с мягкими губами. Его поцелуй был ровно таким, как снилось Феодосии, нескончаемо долгим. У нее перехватило дыхание.

– Легкой тебе дороги, Джеймс.

«Кларисса» накренилась, заполоскались паруса, взвился над кормой ганзейский флаг. Феодосия махала вслед кораблю.

– Они нас видят, маменька? – Марфа грустно смотрела вдаль.

– Да. Они все видят, Марфуша.

Клюге протянул Феодосии письмо.

– Из Новгорода, фрау Тео, только сейчас доставили.

Прочитав первые строки, она испуганно вскинула глаза.

– Я знаю..., – вздохнул Клюге, – меня тоже известили. Лошади готовы. Даже по вашим дорогам, дня за три доберетесь.

Новгород

Отпевали Никиту Судакова в Софийском соборе, служил архиепископ Новгородский Пимен. Когда Феодосия подошла к нему под благословение, старик покачал головой.

– Не было у святой церкви столпа более верного.

Феодосия прижалась губами к сухой руке владыки.

Над золотым куполом храма кружили речные чайки.

– Живый в помощи вышнего, в крове бога небесного водворится, речет господеву, заступник мой еси и прибежище мое, бог мой, и уповаю на него..., – грянул хор.

Феодосия обвела глазами собор. Темными глазами смотрели на нее со стен святые лики. Отец рассказывал ей про идолов:

– Не в иконах и не в золоте Бог, а истинно лишь в душе человека..., – твердо повторила себе женщина.

– Воззовет ко мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дний исполню его и явлю ему спасение мое..., – псалом закончился.

Неожиданно сильным голосом, не вяжущимся с его сторбленной спиной, архиепископ завел зауспокойный канон.

Весь сентябрь лодью Судакова искали по берегам Ладоги.

– Хоша бы что выбросило, – молилась Феодосия.

К началу октября на южном берегу озера рыбаки нашли пояс, изорванный о камни кафтан с потускневшей золотой вышивкой, обломки лоды. Тогда Пимен и прислал за ней монаха.

– Отпеть его надо.

– Тело не отыскивали еще..., – Феодосия отерла глаза.

– Могут и вовсе не отыскать, – жестко сказал владыка: «Мало ли на Ладоге с Онегой каждый год людей тонет? Но без христианского отпевания душа покоя не обрящет».

После канона читали стихиры Иоанна Дамаскина.

– Для людей суета все то, что не остается по смерти: не остается богатство; слава не идет. Ибо как только пришла смерть, все это исчезло. Потому возопием Христу бессмертному: упокой преставившегося от нас там, где всех веселящихся жилище..., – разносился по храму звонкий голос чтеца.

– Где пристрастие к миру? Где золото и серебро? Где множество рабов и слава? Все это персть, все пепел, все тень. Но, придите, возопием Бессмертному Царю: Господи! вечных благ Твоих сподоби преставившегося от нас, упокая его в нестареющем Твоем блаженстве.

Феодосия сдерживалась, чтобы не разрыдаться в голос. Марфа крепко держала ее руку.

– Вспомнил я слова пророка, вопиющего: «Я земля и пепел», и еще заглянул в гробы и увидел кости обнаженные, и сказал: итак, кто же царь или воин, или богатый, или убогий, или праведник, или грешник?

– Истинно, – шептала женщина, – прах и пепел мы.

После чтения евангельских отрывков о воскресении полагалось петь «Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему, благодаряще Бога...», но гроба в храме не было, поэтому хор начал «Вечную память».

– Маменька, а теперь что? – девочка шмыгнула носом.

Теперь поминальный обед, Марфуша..., – Феодосия искала глазами мужа.

Мрачным было лицо боярина. Федор вспоминал, как Никита Судаков, в первую их встречу, когда Вельяминов только ехал в Орешек, сказал:

– Ты, Федор Васильевич, хоша и думаешь об сих вещах, однако не родился в них, не знаешь, каково жизнь, словно в остроге провести. Тяжелее всего, что живешь и думаешь, нет выхода иного, кроме как с жизнью расстаться. И на том спасибо, ежели Господь даст кончину в своей постели, а не в огне или на плахе.

– Не дал в своей постели, – горько думал Федор: «Но, может, так и лучше. Сколько лет он по Ладоге ходил, ровно родная земля было ему озеро».

Полная луна встала над Новгородом. Устроившись на сундуке, Марфа глядела в окно на крупные звезды.

– Господь всеблагий, – шептала она, – пусть дедушке у тебя хорошо будет. Обещаю, что баловаться не стану, и маменьку с батюшкой буду слушаться. Дедушка такой добрый был..., – девочка подняла голову. Отец стоял со свечой на пороге горницы:

– Спать пора, доченька, – ласково сказал Федор.

Батюшка, а правда, когда умрешь, свидишься со всеми у престола Божьего?

– Правда, – подоткнув на дочери одеяло, Федор поцеловал ее в лоб.

– А где сейчас дедушка?

– В царстве Господнем, с праведниками пребывает.

– Почему все меня бросают? – слеза скатилась по щеке Марфы: «Дедушка утонул, с Петенькой я не свижусь более».

– Когда ты маленькая была, и Петя уехал, тоже говорила, что не свидишься..., – улыбнулся Федор:

– Однако вы сейчас повстречалась, может, и еще встретитесь.
– Правду говорят, что война начнется? Сегодня, как дедушку поминали, я слышала, гости сие говорили.

– По всему выходит, что да. Спи, милая..., – Федор услышал отчаянный шепот: «Ежели тебя на войне убьют, мы с маменькой одни останемся?».

– Не убьют меня, Марфуша..., – он тихо закрыл дверь горницы.

Феодосия сидела на постели, уставившись на бревенчатую стену.

– Ложись, – Федор обнял жену: «На тебе лица нет».

В неровном пламени свечи заблестели ее глаза:

– Федор, посмотрела я отцовские бумаги. Как знал он, что помирать ему скоро. Все продано, все завещано, долги уплачены, по распискам все получено.

– Я тебе больше скажу, батюшка твой деньги в Европу вывел.

– Знаю я, – кивнула жена:

– Герр Ключе говорил, что судаковское золото вложено у пятерых купцов. Бude нужда настанет, можно его получить, да с прибылью. Только, Федор, это как если бы деньги на небе были. Где мы, и где те купцы?

– Кто знает, милая, – Федор коснулся губами ее щеки, – как судьба сложится? Батюшке твоему в ноги поклониться надо. Не видал еще я, чтобы о семье так заботились.

– Как я еще маленькая была, – Феодосия устроилась в его надежных руках, – батюшка учил меня, что дороже семьи родной ничего у человека на свете нет. Федор, я все думаю, ежели что, как я с Марфой одна останусь?

– Не останешься, – он поцеловал теплые, льняные волосы: «Я всегда возвращаюсь, дак и сейчас вернусь. Куда я без тебя?»

Феодосия распустила косы.

– И мне без тебя не жить.

Подняв голову с его плеча, она с тревогой взгляделась в лицо Федора.

– Когда провожать тебя?

– Семнадцатого января тронемся..., – он помолчал: «Конницу я веду, еще Глинский с Захарыным со мной и царь татарский, Шигалей».

– А дальше что?

– Дальше война. Пока Ливония нашей не станет.

Эпилог

Карибское море, 1560

Ворон дрался сразу с тремя. Один из нападавших скорчился в грязи, изо рта толчками выплескивалась кровь.

Они выследили его, когда Ворон выходил из кабака. На втором этаже пивной сдавались комнаты с почасовой оплатой. Он встречался там с агентом. Ворон почти дошел до набережной, когда трое перегородили ему дорогу в узком проулке. Увернувшись от выпада, он полоснул одного шпагой снизу вверх. Человек истощно завопил, но в Порт—Рояле такие крики были делом обычным. На драки здесь никто внимания не обращал.

Это были испанцы, точнее кастильцы, Ворон отличал их сразу. Он отражал удары последнего из трех:

– Здорово я насолил Филиппу, если за мной посылают головорезов из Старого Света. Словно здесь своих не хватает.

Шпага испанца чиркнула по белоснежному рукаву рубашки Ворона. На льне расплылось кровавое пятно.

– Утрись, англичанин, – нападавший презрительно рассмеялся.

Он был далек от истины, но никто не стал его поправлять. Ворон одним движением вонзил острое шпaги в живот противника. Испанец рухнул в лужу. Ворону надо было знать правду.

- Добей, Куэрво! – прохрипел раненый: «Будь милостив, добей!»
- Кто тебя послал? – Ворон намотал на острое шпaги его кишки.
- Карвальо..., – на губах испанца выступила кровавая пена, он затих.

«Жемчужина» стояла в укромном заливе, куда не заходили испанские корабли. Запершись в капитанской каюте. Ворон велел его не беспокоить.

Три года назад, в Танжере он не обещал вернуться, понимая, что не может забрать Беллу с собой. Но всю дорогу до Бордо ему хотелось крутануть штурвал:

- Если понадобится, я сожгу весь город, лишь бы она была рядом..., – понимал Ворон.

Каждую ночь Белла приходила к нему в снах, он ловил ее смех, ее дыхание, ее шепот. В Гамбурге стоя на вахте, он услышал оклик:

- Эй, на «Клариссе»!
- Что надо? – отозвался Степан. С палубы соседней шхуны донеслось:
- Капитан на борту?
- Я капитан.
- Письмо для тебя из Танжера. Забирать будешь?

Он открыл шкатулку черного дерева, где с корабельными бумагами хранились ее письма. Перечитывая хрупкие листки, Ворон слышал ее голос:

– Ты сказал, что не вернешься. В детстве я мечтала о дальних странах, о том, что за морями есть человек, которому я доверю себя навсегда. Потом я встретила тебя, мой капитан. Я буду ждать тебя, всю мою жизнь.

Степан вернулся в Танжер зимой.

Сдав «Клариссу» новому капитану, съездив по делам в Лондон, он позволил себе передохнуть. Очертания будущей «Жемчужины» поднимались вверх на стапелях Гринвичской верфи. Когда в порту слышали, что Меченый свободен, к нему зачастили агенты судовладельцев. Он взял выгодный рейс до Танжера и обратно. Море было спокойным, ветер попутным, но Степан не находил себе места. Он не знал, что ему делать. Привезти Изабеллу в Лондон можно было, только обвенчавшись с ней, а губернатор Карвальо, судя по всему, умирать не собирался.

Когда он переступил порог губернаторского дворца, его сомнения исчезли. Она стояла перед ним, прикусив розовую губу. Рыжие косы были унизаны изумрудами, на длинной шее покоилась индийская жемчужина. У них был всего один день, даже меньше. Карвальо возвращался к вечеру. Они сидели в саду. Со стороны могло показаться, что капитан и жена губернатора ведут светскую беседу.

- Я буду тебе писать..., – она не поднимала глаз: «В Лондон?»
- Запомни адрес. Торговый дом Мартина Ключе, в Сити. Это мои поверенные.
- Хорошо, – по нежной щеке поползла слеза.
- Белла, любимая, не плачь. Все будет хорошо. Я заберу тебя, обещаю.
- Когда, Стефан? – она сжала тонкие пальцы: «Это грех, но я каждый день молюсь Мадонне об одном. Я прошу, чтобы Карвальо умер, и я стала свободной. И потом, – она запнулась: «Я принадлежу ему по закону, он может...»

– Белла, я могу увезти тебя в Лондон прямо сейчас. Но я отвечаю за тебя, с тех пор, как ты стала моей женой.

- Я замужем за другим, – еле слышно шепнула она.

– Для меня ты моя жена, и не будет у меня иной, пока я жив. Но я моряк, я могу не вернуться из плавания, и что тогда с тобой будет? Я не имею права обрекать тебя на страда-

ния. Когда мы обвенчаемся, я с легким сердцем уйду в море, зная, что и ты, и наши дети под защитой.

– Наши дети... – она покраснела.

– Да, наши дети.

– Но если...

Степан поцеловал изумрудные глаза.

– Ты моя половина. Помни, что твои дети и мои дети тоже. Что бы ни случилось, мы с тобой одно целое.

«Жемчужина» спала, только у румпеля, где стоял вахтенный, поблескивал огонек фонарика. Ворон поднялся на палубу.

– На рассвете снимемся с якоря.

– Ураган идет, – вахтенный кивнул в сторону едва заметных туч на западе.

– Видишь ли, дружище, – Ворон облокотился о румпель: «Новый губернатор завтра отплывает в Испанию. Маленькая птичка принесла мне на хвосте известие, что трюмы у губернатора забиты до отказа. Вот я и думаю...»

– Перехватим? – помощник оживился: «Он без конвоя?»

– Без конвоя. Торопится губернатор, за орденом плывет или за титулом. Кстати, он знает, что я здесь.

– Как так?

– Сегодня в Порт—Рояле я повстречался с тремя кабальеро. У меня рука перевязана, а по ним, думаю, панихиды служат. Болтают по кабакам, песни даже стали складывать. Рты им не заткнуть, пустомелям.

Амстердамец, которого Воронцов переманил с «Клариссы», понимал своего капитана без слов.

– Хорошо, что мы разделаемся с губернатором, – помощник обстоятельно прочистил трубку: «Хватит, Ворон, тебе холостым ходить. Пора и к алтарю, ты не мальчик».

Бернардим де Карвальо в ярости схватил подзорную трубу. Проклятая «Жемчужина» была совсем рядом. Шла она, в отличие от груженого до отказа губернаторского корабля, легко, словно играючи.

– Прибавить парусов, – приказал он молодому капитану де Альварадо—и—Контрерасу.

– Сеньор, с запада надвигается шторм. Если мы добавим парусов, это верная смерть.

– Кривая английская собака идет как по маслу! Он сейчас нас нагонит.

– Он пустой, – невозмутимо ответил Контрерас: «Если мы опорожним трюмы, у нас есть шанс уйти».

– Он сюда явился не ради золота, – выплюнул Карвальо. Губернатор быстро спустился в свою каюту.

Изабелла, забившись в угол, с ненавистью смотрела на мужа. Рыжие волосы рассыпались по плечам. Карвальо с порога отвесил ей звонкую пощечину. Портовые сплетни оказались правдой. В перехваченном письме проклятый Куэрво, за голову которого губернатор и так обещал награду, называл Изабеллу своей женой. Карвальо рванул на ней платье, обнажив маленькую, девичью грудь.

– Чертова кастильская гордячка. Я знаю, что был для тебя нехорош все эти годы. За моей спиной ты раздвигала ноги для английской сволочи, выставив меня на посмешище во всех кабаках отсюда и до Индии! Сейчас я приведу его, и он увидит, как я сделаю из тебя покорную жену.

Изабелла презрительно расхохоталась.

– Ворон убьет тебя, Бернардим. Он пришел за мной.

Карвальо толкнул ее к постели.

– Потом, – он сорвал со переборки хлыст, – я буду пытать его у тебя на глазах, так, чтобы он молил о пощаде.

Изабелла вывернулась из его рук.

– Тебе никогда не пленить Ворона!

– Тебя я сгною в монастыре! – Карвальо занес над головой плеть, к его затылку приставили пистолет.

– Прочь от нее, – приказал Ворон.

Степан приказал посадить испанцев в шлюпки.

– До земли недалеко, успеете до урагана.

– Я с тобой еще посчитаюсь, – плюнул под ноги молодой капитан Контрерас.

Оставалась одна пустая шлюпка. Карвальо вывели на палубу.

Смотри, губернатор. Сейчас тебя развяжут и мы будем драться до смерти. Твои люди свидетели, я могу воткнуть в тебя шпагу, но я не убиваю из—за угла.

– Ты, Куэрво, вор и мерзавец! Ты украл у меня жену и еще осмеливаешься говорить о чести!

– Выживший пусть садится в шлюпку. Если ты меня убьешь, значит, Господь так рассудил. Плыви на все четыре стороны. Снимите с него веревки!

Матросы развязали руки Карвальо, мужчины по жребию вытянули шпаги.

Ворон понял, что перед ним достойный противник. Он учился владеть шпагой у кого придется, а дворянин Карвальо словно родился с клинком в руке. Ловким выпадом Карвальо ранил Степана в левое плечо, где зацепил его вчера испанец. Кровь закапала на доски палубы. Воронцов, разъярившись, прижал Карвальо к борту:

– Не позволю. Не будет она больше плакать из—за меня.

С запада подул сырой ветер, паруса заполоскало. По серой воде пошла рябь, хлынул тяжелый, жаркий дождь.

Острие клинка вошло в губернаторское горло. Карвальо захрипел, выпустив шпагу. Отшвырнув клинок, Степан пошел к Белле.

На рассвете шторм стих. Садясь в шлюпку, Степан приказал помощнику вернуться, когда «Жемчужина» сдаст в Плимуте испанское золото.

– На этот остров отродясь никто не заходил и не зайдет..., – Степан усмехнулся: «Даже у моряков случается медовый месяц».

– Обычно после свадьбы, – проворчал амстердамец.

– Обычно, у обычных людей..., – Степан паковал порох и пули: «А у меня до, потому что после венчания я уйду в море, и буду видеть Беллу раз в год, и каждый год с новым младенцем».

Помощник рассмеялся.

– У тебя большие планы.

– Я слишком долго ждал, и больше медлить не намерен.

Белла сидела в шлюпке с закрытыми глазами.

– Ворон.

– Да, любовь моя.

– Я и не знала, что бывает такое счастье.

Они лежали на песке у костра. Вокруг оставалось море и небо, в воде отражались звезды. Вернувшись из Плимута, «Жемчужина» встала на рейде. Паруса корабля трепетали, словно крылья огромных птиц.

– Завтра домой..., – Белла устроилась удобнее на плече у Ворона.

Он коснулся губами ее волос.

–Погода хорошая, недели через три будем в Англии.

– А потом?

Степан медленно целовал ее:

–Потом обвенчаемся, и я уйду в море.

– Я буду ждать тебя..., – Изабелла обняла его. Степан подумал:

–Все было не зря. Стоило ждать три года, топить корабли, рисковать каждый день и каждый час..., – он улыбнулся:

– Если бы мне сказали «Завоюй весь мир и сложи к ее ногам», я бы сделал это.

– Если бы мне сказали, что я буду видеть тебя раз в год, я бы все равно пошла за тобой хоть на край света..., – она помолчала: «Помнишь, в Танжере ты говорил о наших детях?»

– Потому я и хотел побыть с тобой как можно дольше..., – кивнул Степан.

– Когда ты вернешься через год, я встречу тебя с нашим сыном, или дочкой..., – шепнула Белла.

Степан, осторожно, коснулся ее живота: «Здравствуй, вороненок!». В его руках она плавила, словно воск. Протяжный крик спугнул птиц, стаи, сорвавшись с берега, уходили в светлеющее небо.

– Ворон, помнишь, ты рассказывал, как бежал из Московии?

– Не бойся, счастье мое, я туда не собираюсь. Предлагали, но я отказался, зачем голову на плаху класть?

– Моя бабушка была конверса. Знаешь, кто это? – она приподнялась на локте.

Степан усмехнулся.

–Дураки ваши христианнейшие короли, похуже, чем московский царь. У меня помощник амстердамский еврей. Главное, чтобы человек был хороший, а еврей он или индус, дело десятое. В море все равны.

–Бабушка умерла, когда я была еще маленькой. Но я помню, как она говорила: «Не будет нам счастья, ибо мы обречены на скитания и умрем вдали от родины».

– Мне иногда снится Москва, – признался Степан: «Редко, но снится. И родители с сестрой».

– Нет у меня ничего и никого, Ворон, кроме тебя. Где ты, там и я, где твой дом, там и мой дом.

– У нас будет большой дом, обещаю тебе.

– Почему? – в ее зеленых глазах заплескался смех.

– Затем, чтобы Вороненку не было скучно. Появятся еще птенцы.

– Куда бы ты ни ушел, Ворон, мы всегда останемся твоей гаванью.

Поздним вечером Контрерас увидел на горизонте паруса «Жемчужины». После смерти Карвальо за голову Ворона назначили огромную награду, но испанец гнался не за золотом. Капитан хотел отомстить за унижительное, на глазах английских моряков, помилование.

Степан дремал, когда в дверь каюты постучали.

–Кто там еще? – недовольно прошептал он. Белла спала, подложив, как ребенок, руку под голову.

–Испанец, – донеслось до него.

Ворон быстро оделся. Белла открыла глаза, он приложил палец к ее губам:

– Я скоро вернусь. Только не выходи наверх.

Контрерас приказал открыть стрельбу. «Жемчужина» была еще далеко, но ветер стал порывистым, на горизонте появилась полоса темных туч.

– Если поднимется ураган, нас отнесет обратно на запад. Сейчас мы можем их зацепить.

Над головами англичан просвистели ядра. Убавив паруса, развернувшись, «Жемчужина» дала ответный залп.

Белла шептала: «Святая Мадонна, убереги его от всякого зла». С палубы доносился шум, кто—то крикнул: «Капитан ранен». Сорвав с переборки кинжал, девушка выбежала на палубу.

Ворон привалился к борту, матрос ловко перевязывал ему правую руку.

— Ерунда, — поморщился он, завидев Беллу:

— Марш вниз, и чтобы я тебя здесь больше не видел. Разделаемся с этим наглецом и пойдем дальше..., — поднявшись, он с усилием сжал пальцы на рукоятке шпаги:

— Оружие я держать могу, остальное неважно. Иди, любовь моя..., — торопливо поцеловав Беллу, Ворон увидел ее расширившиеся глаза. Что было силы толкнув его, девушка накрыла Ворона своим телом. Испанское ядро врезалось в борт рядом с ними.

— Со мной все хорошо, — под ее рукой девушка, пригвожденной к палубе обломками разбитого борта, расплывалось алое пятно.

Степан высвободил изломанную кисть. Кровь хлынула ручьем.

— Огонь из всех орудий! — приказал Ворон.

Испанский корабль медленно погружался в море. Степан приказал обыскать галеон от мачт до трюма, но капитана они так и не нашли.

— Ворон, — помощник передал ему подзорную трубу. На юго—западе маячила одинокая шлюпка.

— Пусть катится к черту. Надо быстро откачать воду из трюмов, сейчас начнется шторм. Ураган нес «Жемчужину» на север, где на сотни миль не было ни клочка земли.

Ворон спустился к Белле поздно ночью. Она открыла затуманенные болью глаза: «Ты пришел... Ты убил его?».

— Рыб на дне кормит..., — размотав холст, Степан увидел распухшие пальцы. Отек подбирался к запястью.

— Болит, — пожаловалась пересохшими губами Белла: «Дай воды». Осторожно приподняв ее за плечи, Степан поднес ко рту кружку. Она сглотнула:

— Где мы?

— Где—то на севере. Звезд нет, небо затянуло тучами. Но ты не бойся, все обойдется.

Море не утихало. «Жемчужину» швыряло из стороны в сторону, паруса трещали под шквальным ледяным ветром.

Помощник снял повязку, Степан вдохнул запах разложения. Рана загноилась, бесформенные пальцы почернели. Белла вытянулась на сбитой постели.

— Приготовь все, что надо, — приказал Ворон.

— Может, лучше я?

— Нет, я сам.

Ворон давно припрятал индийскую настойку, в пузырьке темной глины. Гоанский целитель, восседавший посреди лавки, полной сухих трав, пилюль и снадобий, клялся, что двух ложек хватит для долгого сна. Ворон осторожно влил Белле в рот ложку зелья. «Если что, добавим. Давай нож».

Когда он рассек ей руку почти до кости, из заткнутого тряпками рта донесся сдавленный крик. В каюте было душно, пахло железом и огнем. Они прижгли сосуды, чтобы остановить кровь. Белла не шевелилась, смертно побледнев. Степан приник к ее груди.

— Дышит. Надо шить.

Ловко орудуя иглой, он вспоминал ночь в Новгороде. Тогда он думал, что изведал всю боль. Тогда он думал, что плачет в последний раз.

Всю долгую ночь, прислушиваясь к ее неровному дыханию, баюкая искаленную руку, он глотал слезы.

На следующий вечер буря усилилась. Белла горела, багровые пятна ползли к ее плечу. Ворон стоял на коленях у изголовья. Здоровой рукой она тронула жемчужину.

– Я не снимала ее все эти годы. Не плачь, милый. Мы с Вороненком будем ждать тебя.

Наутро море стихло. До Ирландии оставалось три дня хода.

– Капитан, – кашлянул помощник: «Позвольте мне...»

– Я сам, – мотнул головой Ворон: «Пусть принесут в мою каюту все, что нужно».

Он обмыл ее тело, бережно касаясь белой кожи. Расчесав рыжие волосы, заплетя косы, Степан, аккуратно уложил их вокруг изящной головы. Он надел на Беллу платье зеленого шелка. В последний раз прижавшись к ее щеке, Ворон завернул Изабеллу в парус.

– Господь мой пастырь, – разносилось над морем..., – Он ведет меня пастбищами и тихими водами, ведет меня тропами верными, ради имени Своего. Прими души Изабеллы и ее не рожденного младенца. Даруй им, Господи, вечный покой под сенью присутствия Твоего.

Парус ушел в чистую волну. Паривший над кораблем буревестник полетел прочь от «Жемчужины». Ворон встал к штурвалу.

Пролог

Лондон, март 1565

Колокола на соборе святого Павла пробили шесть вечера. Бурая Темза бурлила у ворот купеческих складов, выстроившихся напротив Сити. По реке сновали приземистые баржи—перевозчики.

У «Клюге и Кроу» кипела работа. Разгружали пряности. Под сводчатыми потолками пахло перцем и мускатным орехом, в воздухе стояла коричная пыль. Невысокий юноша в холщовом фартуке и нарукавниках подозвал приказчика.

– Поторопитесь, еще одна баржа на подходе. Гвоздику развесили?

– Только что, сэр..., – приказчик протянул Питеру Кроу маленький мешочек. Высыпав на ладонь черные соцветия, юноша попробовал гвоздику на зуб.

– Надо еще подсушить. Отвезите на ламбетский склад, где не так сыро. Когда закончите с этим грузом, тоже гоните его в Ламбет, чтобы не плесневел.

– Будет исполнено, сэр.

Покусав кончик пера, Питер опять углубился в торговые книги.

У входа кто—то чихнул.

– Кого нелегкая принесла? – недовольно поднял голову юноша: «Я запретил заболевшим появляться в конторе, содержание им положил. Что вам дома не сидится? Только заразы нам здесь не хватало».

– Здоров я, Петька, – между ящиками и мешками пробирался высокий широкоплечий человек: «Чихаю, но у тебя здесь такой дух стоит, что попробуй не чихни».

– Степа!

– Прости, что опоздал, застрял у оружейников. Для «Изабеллы» привезли не те пушки, что я заказывал. Курить нельзя здесь? – Степан неуверенно оглянулся.

– Ни в коем случае! – сняв передник, Питер стряхнул невидимые пылинки с камзола черного бархата: «Пошли, устрицы заждались». На пороге он обернулся к работникам:

– Завтра буду в шесть утра, начнем отгрузку в провинции. Когда закончите со следующей баржой, идите по домам.

Степан полюбовался младшим братом.

– Герр Мартин, упокой Господь его душу, остался бы тобой доволен. Помнишь, как он всегда говорил: «Кто рано ложится и рано встает...».

– Здоровье, богатство и ум обретет... – закончил Петя: «У нас не разоспишься. Слыхал, небось, что во Фландрии творится».

– Ничего особенного пока не творится... – Степан расплатился с перевозчиком. Братья пошли к собору святого Павла. Петя покачал головой:

– Поверь моему слову, через год Фландрия, Артуа, Брабант и Голландия поднимутся против испанцев. Деньги, лежавшие в Антверпене, я оттуда вывел. Так спокойней. Купцы, кто поумнее, теперь в Лондон товар возят. Это нам на руку, обороты растут.

На углу улиц Корнхилл и Треднидл забор огораживал площадку, выделенную по приказанию королевы Елизаветы для строительства биржи.

– Спасибо сэру Томасу Грешему, – хмыкнул Петя:

– Он денег дал на будущую биржу. Построим не хуже, чем в Антверпене. Как говорил сэр Томас, купец без биржи словно корабль без воды. Ты, Степа, стосковался, поди, по морю, пока «Изабеллу» достраивают?

– И не говори, – Степан спустился по крутой лестнице в подвальчик мистера Скиннера:

– Не был бы я на королевской службе, рванул бы в Норвегию или Данию прогуляться, кровь разогнать. Но надо торчать на суше, ругаться на верфи, ругаться в Адмиралтействе, набирать команду. Хотя, с Божьей помощью, «Изабелла» почти готова.

Они заказали по две дюжины устриц и две бутылки вина.

– Белое бордо, – Петя наполнил стаканы: «Я здешнего поставщика знаю. Надежный человек, плохого не покупает».

– Петька, – Степан сделал глоток действительно отменного вина: «Ты не юли. Когда ты меня последний раз отобедать приглашал? Случилось что?»

– Степа, – Петя откашлялся, – ты только не волнуйся...

Степа удивленно повел бровью.

– В карты ты не играешь, вина пьешь полстакана за вечер, к шлюхам не ходишь. Чтоб убил ты кого, не поверю, ты перо в руке лучше держишь, чем шпагу.

– Я, Степа, в Москву еду, – младший Воронцов искоса посмотрел на угрюмо молчащего брата:

– Устрицы! – Петя бодро засучил рукава рубашки: «Ешь, Степа. Их на рассвете с моря привезли».

На башне церкви святой Елены часы пробили полночь.

– Петька, может, не надо? – в который раз сказал Степан.

– Если бы, Степа, я тебе велел: «Не ходи в Южную Америку?»

– Я на королевской службе. Ты человек свободный, где хочешь, там и торгуешь. Что тебе за охота с этой компанией вязаться?

– Я не учу тебя кораблями командовать, и ты меня коммерции не учи. Прошло время одиночек. Еще герр Мартин говорил, что за компаниями будущее. В партнерстве за месяц можно столько заработать, сколько один купец за год не наберет. Королева нам, Московской компании, дала патент.

– Царь вашим патентом подотрется, – Степан зло пыхнул трубкой: «Тебя мальчишкой из Москвы вывели. Не знаешь ты, что такое царь Иван Васильевич».

– А ты знаешь? – спросил Петя, но осекся.

Степан только поправил черную повязку, закрывавшую выбитый глаз.

Петя, чертыхаясь, лавировал среди луж. Весна выдалась сырой, лил мелкий дождь. Можно было взять портшез, но юноше только недавно исполнилось восемнадцать. Ему казалось неприличным являться на встречу со старшим компаньоном в портшезе.

–В лицо никто ничего не скажет, но в Сити все самое важное говорят не в лицо, а за спиной. Не ровен час, станут шептаться, что я зазнался, получил контору в наследство..., – в отделанной мрамором приемной весело потрескивал камин.

– Здравствуй, Питер, – Энтони Дженкинсон обнялся с юношей: «Садись, промерз небось до костей. Что за весна, только льет которую неделю. У меня есть отличное бургундское, позавчера привезли».

Петя звонко чихнул.

–Будь здоров. Давай за удачу!

–Вы в Россию третий раз едете. Если вы с нами отправляетесь, откуда взяться неудаче?

– Верно..., – кивнул купец:

–Но русский царь непредсказуем, его настроение меняется каждый день. Можно приехать туда с деньгами, но лишиться и денег, и головы. Я понимаю, что ты бы с большим удовольствием отправился к теплу и красивым женщинам. Например, в Италию.

– В России женщины не хуже, – обиженно отозвался Петя.

– Здесь я с тобой согласен, – хмыкнул Дженкинсон: «Но вечный холод в Москве кого угодно сведет с ума. Тем не менее, ты единственный из нас знаешь язык».

– Но как я смогу переводить? – растерялся Петя: «Откуда молодой английский торговец может знать русский?»

– Ты не будешь переводить..., – подмигнул ему Дженкинсон: «Ты будешь слушать, запоминать и рассказывать, что говорят у нас за спиной».

Степан подлил себе эля.

–Коли тебе рта раскрывать не придется, то ладно. Царь тебя последний раз видел, когда тебе года три исполнилось. Здесь опасности нет. Но Матвей Вельяминов...

– Его, может, убили давно..., – отмахнулся младший брат: «Они восемь лет с Ливонией воюют».

– Такие, как он, всегда выплывают..., – глаз Степана сузился: «Однако Федор Васильевич иная статья. Его, боюсь, нет в живых. Хороший он человек, мы с тобой ему и жене его жизнью обязаны».

Петя покраснел.

– Она, небось, замужем, – вздохнул Степан: «Если и не замужем, то обручена».

– Обручена, но под венцом не стояла! – упрямо отозвался юноша.

Степан нахмурился.

– Ты в Россию едешь с головой на плечах, с ней изволь и вернуться. И не думай об сем! Ты для них еретик, англиканин. Кто тебя с Марфой свенчает, даже если она и свободна?

–Здесь повенчаемся, – буркнул Петя: «Я Марфу увезу, как ты Беллу. Нечего ей там делать».

–Ты ровно ослица Валаамова, – Степан вскочил с кресла: «Да она тебя забыла давно!»

– Мы крестами поменялись.

– Когда тебе шесть годов было, а ей три!

–Ты, Степа, сколько лет ждал Беллу? – тихо спросил Петя: «Видно сие у нас в крови, что поделаешь. Ты не думай, я все рассчитал».

– Что ты рассчитал? – удивился брат.

–Смотри, – оживился Петя:

–Судаковское золото у нас в конторе восемь лет в обороте. Знаешь, какие у него барыши? Я тебе сейчас все распишу, – он потянулся за чернильницей.

– Не надо, – отмахнулся Степан: «Мало мне в море математики, дак и на берегу покоя от нее нет».

– Марфа наследница Судакова. Приданое за ней немалое дадут.

– Еще скажи, что ты по расчету женишься, – расхохотался Степан.

– Нет, по любви. Но с расчетом, – подмигнул ему младший брат.

– Лукав ты, Петька. Давеча был в Адмиралтействе и слышу шепот: «Брат Питера Кроу!». Понимаешь, Петька, не Ворон, не сэр Стивен, а брат Питера Кроу. Порадовался я за тебя. Давай на боковую, час поздний. Приезжай завтра после обеда на Дептфордскую верфь, покажу тебе «Изабеллу».

– Скоро на воду—то?

– Через две недели, с Божьей помощью..., – Степан выбил из трубки пепел.

– В Новый Свет опять? – младший брат взглянул на него лазоревыми глазами.

– Петька, ты Москву помнишь? – спросил Степан.

– Я все помню, Степа.

– Вот и не лезь на рожон, – Степан обнял его: «Сказано от Писания, в день отмщения воздам».

– Верно, – Петя открыл дверь спальни: «Только день отмщения приблизить можно».

Петя щекотал Волчка. Отбиваясь толстыми лапами, щенок негромко потягивал.

– Сыночек, – мать обняла мальчика. Пахло от нее травами и цветами, словно лежишь на лугу в подмосковной, смотришь в ясное небо, а вокруг все летят, летят одуванчики.

– Что, матушка?

– Пора тебе, милый.

– Как я один буду? – Петя прижался к матери, цепляясь за сарафан. Опустив глаза, мальчик закричал. Щенок судорожно дергался на полу. Под его разбитой головой расплзалась алая лужица.

– Матушка, – заплакал Петя, – что же это...

– Иди, сыночек, иди, милый. Только как будешь идти, не оглядывайся.

Мальчик пошел к двери, за которой были только темнота и холод.

– Не оглядывайся..., – услышал он голос матери.

Маленькая рука толкнула дверь. На пороге, не выдержав, он обернулся.

Сдавленно вскрикнув, Петр вцепился зубами в подушку. Из всех его ночных кошмаров этот был самым тяжелым. Придвинув свечу, он раскрыл старую Библию, доставшуюся ему от покойного герра Мартина.

– Пребывающий под покровом Всевышнего, находящийся под сенью Бога, провозглашает перед Господом: Ты прибежище и твердыня моя! Боже мой, на Тебя полагаюсь! Он укроет тебя крылом, под сенью крыл Его найдешь убежище; истина Его щит и кольчуга твоя. Не убоишься ни угрозы в ночи, ни стрелы, летящей днем...

Читая знакомые строки, Петр слушал, как за окном часы отбивают четверти. В пять занялся рассвет, пора было собираться в контору.

На Дептфордской верфи пахло свежим деревом. Ветер с востока нес ароматы соли и водорослей. «Изабелла» возвышалась на стапелях, новая, сверкающая краской и позолотой.

– Петька! – Степан перегнулся через борт: «Поднимайся!»

– Грязно у вас, – Петя отряхивал полы плаща.

– Весна, все развезло с такими дождями. Видишь, – Степан показал на холщовый балдахин над палубой, – я велел натянуть, пока стоим. Все посуше будет. Дерево выдержанное, но лишние предосторожности не помешают. Тебе трюмы охота посмотреть?

Оказавшись внизу, Петя покачал головой:

– Торговым баркам с ней не тягаться. За один рейс на ней можно столько товара доставить, сколько на три обычных корабля поместится.

Степан повел брата в капитанскую каюту:

—Она военный корабль, но добычу надо куда—то грузить. При полных трюмах у нее скорость меньше, но у нас редко полные трюмы бывают.

—У тебя как обычно, — Петя опустил в кресло: «Не понимаю, как вы спите на этих сундуках? Повернуться негде».

— Нанявшись на «Клариссу», я два года спал в гамаке. Даже сейчас иногда тянет. Знаешь, Петька, хорошо, словно в колыбели.

Только Степан мог назвать колыбелью провисшую веревочную сетку.

Он достал из кармана письмо:

—Вчера забыл отдать. Ежели Вельяминовых найдешь и живы они, передашь Федосье Никитичне лично в руки. Но только ей самой.

—Степа, не втягивай меня в тайные дела, ладно? Хватит и того, что ее королевское величество, вручая нам патент, отвела меня в сторону: «Вы, мистер Кроу, знаете русский язык. Станьте моими ушами при московском дворе. Не сомневаюсь, что вы не питаете любви к царю Ивану, но кроме вас, никто такого поручения не выполнит».

— А ты что? — Степан раскурил трубку.

— Спрашиваешь, не отказал ли я королеве? — юноша поднял бровь.

Брат усмехнулся:

—Петька, такие делишки я кручу только в Новом Свете. Это только письмо.

Петя повертел запечатанный конверт.

— Но если сгинули они?

— Тогда сожги..., — Степан добавил: «Обещал я, что сделаю все возможное, но доставлю записку в Москву».

—Постараюсь, Степа. Пора мне, мы сегодня обедаем Московской компанией. Я самый младший, должен прибыть раньше всех.

—Сэр Стивен, — раздался за дверью испуганный голос: «Сюда едет королева».

Карета, запряженная восьмеркой белоснежных лошадей, промчалась, разбрызгивая грязь, по верфи. Кorteж остановился напротив стапелей, где возвышалась «Изабелла». Дверца открылась. Елизавета, высокая, голубоглазая, с медно—рыжими волосами, в расшитом жемчугами платье, остановилась на ступеньках. От корабля corteж отделяла огромная лужа.

Пройдя прямо по середине лужи, капитан Кроу опустил на колено. Сырой мартовский ветер трепал каштановые волосы, падавшие на белый воротник рубашки.

— Ваше величество, позвольте...

— С удовольствием, сэр Стивен, — Елизавета улыбнулась. Их глаза на мгновение встретились. Степан подхватил королеву на руки:

—Какая она легкая, хотя ростом почти вровень мне.

Оказавшись на палубе, королева огляделась:

—Теперь я вижу самый дорогой корабль в Англии, о котором мне прожужжали все уши в Адмиралтействе.

— Ваше величество, если делать, так делать на совесть.

—Сэр Стивен, серебра, привезенного вами из Мексики в прошлом году, хватит на дюжину таких кораблей. Однако любопытно, далеко ли вы собрались с такими пушками и таким пороховым погребом.

В капитанской каюте Степан развернул на столе карты.

— В конце месяца мы окажемся на воде, а в конце весны, по счету нашего полушария, подойдем к проливу Всех Святых. Там будет на исходе осень. Никто в здравом уме туда не сунется, слишком неблагоприятная погода.

—Вам здравого ума не занимать, — насмешливо отозвалась Елизавета.

Степан расстелил еще одну карту.

–Если надо рисковать, то я рискую, ваше величество. От пролива мы пойдем на север, в Кальяо. Там нас не ждут, ни один английский корабль не поднимался к Перу. Мы без помех заберем трюмы серебром и золотом.

– Но военные галеоны испанцев?

–Они стоят гораздо севернее, у панамского побережья. Пока они придут в Кальяо, мы вернемся в Атлантику.

– Вы можете пойти путем Магеллана, – задумчиво сказала королева, – и обогнуть земной шар.

–Именно это я и сделаю с разрешения вашего величества, когда вернусь. Сначала надо посмотреть, как «Изабелла» поведет себя в море, и добыть побольше испанского золота.

– Первый английский корабль, который совершит кругосветное путешествие..., – Елизавета подперла кулаком острый подбородок: «И первый английский капитан. Я вам разрешаю. Вам, сэра Стивен, очень сложно что–то запретить. Я думаю, что вы это знаете».

– Ваше королевское величество может запретить мне все, что угодно.

–Я бы хотела запретить тебе ходить в море, – подумала Елизавета: «Но я не могу запретить птице летать».

– Сэр Стивен, а если подняться выше по тихоокеанскому побережью?

Степан снова склонился над картой:

–Придется идти осторожно, тамошние воды кишат испанцами вплоть до севера Мексики. Но дальше будет легче. Вы думаете, что..., – он осекся под ее внимательным взглядом.

–Северо—Западный проход, – Елизавета поднялась, капитан сразу встал: «Сидите, сэра Стивен. Что вы об этом думаете?»

– Ваше величество, – Степан указал на карту мира, – нет сомнений, что все мировые океаны соединены. Однако путешествие вдоль арктических берегов, русского или в западном полушарии, очень опасно. После зимовки, – он пожал плечами, – и самые крепкие корабли не всегда могут продолжать путь. Если встретится сплошное поле льда, то судно его не разобьет.

– Вы бы не хотели на «Изабелле» сходить путем экспедиции Ченслора? – спросила Елизавета.

– Я пойду туда, куда прикажет ваше королевское величество. Но если я могу...

Елизавета положила руку ему на плечо. На черной коже камзола ее кисть казалась белой, словно крыло чайки:

–Я знаю. Я признательна вашему брату за его согласие поехать в Московию. Вы один из лучших моих капитанов, сэра Стивен. Мне кажется, кругосветное путешествие сейчас важнее Северо—Западного прохода.

– Если на Панамском перешейке прорыть канал, можно гораздо быстрее проходить из Атлантики в Тихий океан..., – Степан вернулся к картам.

Елизавета кивнула:

–Испанский король тридцать лет назад приказывал подготовить такой проект. Но даже если он исполнится, то мы все равно не получим прибыли. Пока мы выигрываем у испанцев только на морях, в чем есть и немалая ваша заслуга.

– Благодарю, ваше величество..., – Степан склонил голову: «Но вот еще что. Я много ходил в Индию, вокруг Африки. Аристотель и Плиний Старший писали о канале, построенном в Древнем Египте, соединявшем Красное и Средиземное моря».

Королева прищурилась: «Птолемей Второй вырыл канал в сто футов шириной, тридцати футов глубиной, что шел на протяжении тридцати пяти миль».

–Такой канал облегчил бы торговлю с востоком, ведь пряности продаются на вес золота.

– Вашему брату это не понравится, – рассмеялась королева: «У него лучшие пряности в городе, но цены...»

Степан улыбнулся.

– Питер хочет разузнать в России, нет ли оттуда сухопутной дороги в Индию.

– Даже если и есть, то, чтобы воспользоваться таким путем, надо вести переговоры с царем Иваном... – Елизавета передернула плечами. В туманном свете мартовского вечера казалось, что в ее волосах переливаются отблески затухающего костра: «Спасибо, что показали мою тезку. Говорят, вы назвали ее в честь вашей покойной жены?»

– Да.

– Мне очень жаль, – королева коснулась его руки: «Сэр Стивен, если поход начнется в марте, то когда вы вернетесь?»

– С божьей помощью в конце осени.

– Я помолюсь за ваш успех.

Елизавета шепнула: «Возвращайся, Ворон».

– Я вернусь, моя королева. Обещаю.

Часть третья

Москва, лето 1565

– Считай, – велел Энтони Дженкинсон Питеру: «Заодно посмотри, нет ли тухлятины, ты в провизии разбираешься».

Товары на склад Английского двора поднимали с помощью отчаянно скрипевшего веревочного блока. Петя высунулся в окно, теплый луч солнца коснулся его щеки.

Неделю назад, на Троицу, отзвенели колокола московских церквей. Погода повернулась на жару. Уличная грязь подсохла, защебетали птицы.

Воронцов—младший махнул, блок заработал.

– Четверть быка, четыре барана, двенадцать кур, два гуся, один заяц или тетерев, – Петя поставил пометку возле тетерева, – шестьдесят два хлебных карава, пятьдесят яиц, четверть ведра средиземноморского вина, три четверти ведра пива, полведра водки и два ведра меда.

Птица могла быть пожирней, а яйца посвежей, но в остальном с едой, выделенной англичанам, было все в порядке. Расписавшись под грамотой о доставленной провизии, Питер приложил печать Английской компании.

– Питер, – раздался из—за двери голос Дженкинсона: «Заминка насчет сукна, не поможешь?»

За обедом Энтони объявил: «Царь примет нас в Александровой слободе на будущей неделе. Надо послать подарки всем, в чьей поддержке мы заинтересованы. В первую очередь царскому фавориту, Матвею Вельяминову».

– Его нет в Москве, – отозвался Петя: «Отправлял я подарки на Рождественку, в его усадьбу. Оттуда прислали сказать, что Матвей сейчас с царем в Александровой слободе. Взам я велел туда ехать».

– Хорошо. Теперь оружие. Составим список того, что мы можем предложить русским.

Днем раньше, оседлав коня, Петя Воронцов отправился на Рождественку. Забор, который он помнил с детства, не изменился:

– Ничего не изменилось, только крышу новую поставили... – привстав в стременах, Петя увидел амбар в углу двора. Где—то рядом со стеной он похоронил Волчка.

В полуденном солнце блестели окна верхних светелок.

– Детская, рядом горница Марьи... – там он в последний раз видел умирающую сестру и мать. Пушкарский двор, мимо которого его, заревавшего, вела Федосья Никитична, разросся. Петя услышал ласковый голос: «Петруша, дитяtko, не убивайся ты так».

В Колывани, в доме Ключе, он каждую ночь просыпался, крича от страха и боли в сердце. Ему снилась бледная сестра, бьющийся в предсмертных судорогах щенок. Он слышал крик отца «Дитя не троньте!». Подхватив Петю, отброшенного ногой Басманова, мать плюнула в окольного: «Будь ты проклят!».

Герр Мартин сидел ночами у его постели, читая псалмы. Прижавшись щекой к его руке, мальчик засыпал, убаюканный мягким голосом.

– Я ведь так и не сказал ему, как я его люблю, – горько подумал Петя, пришпорив коня. Лишь после смерти Ключе он понял, на что пошел этот немногословный человек:

– Он меня вырастил, выучил, вывел в люди. Я рыдал от кошмаров, а он обнимал меня: «Не надо, Петер. Все хорошо, я здесь, я с тобой».

Тяжело вздохнув, Петя повернул на Варварку, к Английскому двору.

– Питер? – он очнулся от голоса Дженкинсона: «Еще отец этого Матвея Вельяминова...»

Юноша взглянул на купца спокойными, лазоревыми глазами.

– Боярин Федор. На Воздвиженке рассказывают, что он в подмосковной живет. Стар он в Александрову слободу переезжать, ему седьмой десяток идет. Ранило его тяжело на войне Ливонской, ходит плохо.

– Царь к нему по—прежнему благоволит? Если нет, то незачем на него тратить.

– Говорят, когда царь наезжает на Москву, он всегда Вельяминова навещает, – отозвался Петя: «В битве при Терзене, где Орден наголову разгромили, Федор Васильевич царевым войском командовал. При осаде Полоцка он лично спас царя Ивана. Там его и ранили в третий раз».

– Тогда надо и ему подарки послать, – хмыкнул Дженкинсон: «Займешься, Питер? Вы были знакомы, как ты ребенком здесь жил?».

– Знакомы. Туда я могу и сам поехать. На Вельяминова можно положиться, он не откроет ни царю, ни сыну своему, что я его навещал.

– Ты в нем уверен?

– Больше чем в себе..., – Петя вспомнил, как Вельяминов рассказывал им с Марфой перед сном сказку про Ивана—царевича, как гладил по голове прижавшегося к нему мальчика: «На все Божья воля, Петруша. Может, свидимся еще».

– Больше чем в себе, – повторил Воронцов—младший. Юноша замолчал, склонив голову. Читали послеобеденную молитву.

Белый конь мчался по траве приречного луга. Мальчик в седле, в коротком, на польский манер, кунтуше и широких, заправленных в сафьяновые сапожки, шароварах, нацепил на голову бархатную, расшитую драгоценными камнями шапочку. Подросток обернулся: «Здесь канава!».

– Дак прыгай, – пришпорив гнедого, Федор Вельяминов легко оказался на другом берегу. Всадник на белом коне последовал за ним.

– Когда препятствие берешь, – поучал Федор, – не торопись. Дай коню время посмотреть, куда копыта опустить, доверяй ему. Апосля трапезы бери лук со стрелами, приходи к реке. Я велел мишени поставить, постреляем с тобой.

– Дак ветер, – подросток посмотрел на отца прозрачными, в цвет травы глазами.

– Думаешь, – ехидно отозвался Федор, – на войне ветер не дует?

– Ты говорил, что на войне из пищалей стреляют, – ухмыльнулся паренек.

Федор потер раненое под Полоцком, как раз пищалью, колено.

– Нет у тебя пищали, и меча нет. Но лук со стрелами остался. Сразу сдаваться в плен побежишь, али как?

Парнишка покраснел.

– Оружием не бросаются, понял? – Федор приподнялся в стременах: «Скачет кто—то. Как бы не от царя гонец. Покажи, какие у Вельяминовых наездники».

Мальчишка сорвался с места в бешеный галоп. Легко перескочив канаву, он вылетел на дорогу. Пыль за клубилась под копытами. Обогнав вороного, белый конь остановился.

– Ты с усадьбы Вельяминовых? Дома ли боярин Федор Васильевич? – поинтересовался Петя

– Дома, за нами едет. Давай наперегонки к воротам? Спорим, я быстрее? – парень пристально его разглядывал.

– Сопли подотри, а потом со старшими состязайся, – рассмеялся Петя. Подросток на вид был младше его.

– Боишься? – мальчишка погладил коня по холке: «Знаешь, какой он у меня? Вихрь!»

– Сам предложил, – Петя хлестнул свою лошадь. Наездник из него был никудышный. Паренек скалил зубы у ворот усадьбы, придерживая гарцующего жеребца.

– И кто быстрее?

– Ты, сдаюсь, – выдохнул Воронцов.

– Сдался бы сразу, Петька..., – взглянув на него зелеными, смешливыми глазами, сдернув бархатную шапочку, подросток тряхнул головой. Бронзовые, цвета палой листвы, волосы рассыпались по спине.

– Марфа?

Марфа Вельяминова вытащила на свет золотой крест с алмазами.

– Твой где? – требовательно, спросила девушка.

Петя показал маленькое, искусной работы распятие.

– Я скорее голову сложу, чем его потеряю, Марфуша.

К трапезе Марфа вышла, не переодевшись. Феодосия Вельяминова строго взглянула на дочь.

– Гости в доме!

– Не гости, а Петька, – рассмеялась девушка: «Говорил он тебе, как я его на дороге обогнала?»

– Он с твоим отцом еще, я его не видела, – Феодосия поправила ей воротник кунтуша: «Хоша косы заплела, и на том спасибо. Вечно растрепой ходишь. Ты сегодня что читала?»

– Декамерон, – Марфа, примерилась отрезать кусок от каравая кинжалом.

– Нож на столе лежит, – вздохнула мать: «Я тебе говорила, что не для девицы сия книга».

– Библия тоже не для девицы, однако ты мне ее читать не запрещаешь, – Марфа поклонилась вошедшему в горницу отцу.

Федор, прихрамывая, подошел к жене, коснулся ее губами виска.

– Смотри, какой Петька стал!

Феодосия взглядела в стройного, легкого юношу.

– Вроде и молод еще, – поняла она, – но взгляд уверенный.

– Вырос ты как, Петенька!

– Двенадцать лет прошло, Федосья Никитична. Знамо дело, вырос! – весело отозвался юноша.

Они сидели с Марфой, как встарь, на полу ее светелки. На кровати в беспорядке валялись сарафаны. Марфа отмахнулась:

– Когда на Москву ездим, али кто гостит у нас, матушка заставляет сии тряпки носить. Мол, невместно девице, словно парень, расхаживать.

– Мне так больше нравится, – хмыкнул Петя. Марфа устроилась у большого сундука.

– Черныш жив еще? – она налила себе кваса из кувшина.

– Жив, – Петя вспомнил ее звонкий голос в Колывани: «Никогда, Петька, я тебя не брошу, и не думай даже»:

– У меня в конторе мышей ловит. Котятя от него были, дак я Степе одного дал на новый корабль.

– Новый больше «Клариссы»?

Петя кивнул:

– «Кларисса», торговый барк, а «Изабелла» военный корабль, сорокапушечный.

– В нашем захолустье сидючи, такого и на картинках не увидишь..., – кисло сказала Марфа: «Ты книжки привез? Здесь ничего нового нет. Я Овидия с Горацием до дыр зачитала, наизусть выучила».

– Привез, конечно! Только книги мои все на аглицком, ты его не знаешь.

– Я выучу! – горячо пообещала Марфа:

– Я быстро языки учу! Когда батюшку раненого из Полоцка привезли, в обозе с ним был пленный польский лекарь, он батюшку пользовал по дороге. Я польскому от него за месяц выучилась. Ты со мной занимайся только.

– Ладно, – Петя смотрел на ее губы цвета спелой черешни, на загорелые щеки.

– Ты чем торгуешь? – Марфа пощекотала за ушами толстого Барсика.

– Пряностями, тканями, табаком недавно начал.

– Покажи, откуда пряности возят..., – потребовала Марфа.

Они сидели на сундуке, рассматривая карту. Петя вдыхал ее свежий запах, словно вся она была соткана из солнечного света, тепла, луговой травы.

Опустившись в кресло, Федор, как встарь, усадил жену на колени. Вокруг серых глаз Феодосии легли заметные морщинки. У Федора давно засеребрилась сединой голова, но синие глаза смотрели так же твердо.

– Посватался Петька..., – признался он жене: «Как зашел, дак и посватался».

– И что думаешь? – Феодосия подперла ладонью мягкую щеку.

– Что здесь думать, отдавать надо..., – пожал плечами Федор: «За кого Марфе на Москве идти? За боярина царского ближнего, что ее плетью исполосует и на женской половине запрет? Хотел я в Польшу ее замуж выдать, но после Полоцка теперь туда дорога закрыта».

– Может, обождать? Пятнадцать лет только девке.

– Ты ей пока не говори, – велел муж: «Петька тоже будет молчать, для своих годов он парень шибко разумный».

– Она дитя еще, – вздохнула Феодосия: «Куда ей бабскую долю на себя взваливать?»

– Такого, как Петр, по всей Москве ищи, не сыщешь. Марфе он навроде брата, дак сие и лучше, приобвыкла она к нему..., – Федор усмехнулся: «Марфа сейчас его на луг поведет, похвалиться, как стреляет она метко...»

Феодосия непонимающе взглянула на мужа, Федор поднял бровь: «Часа два, али поболее их не будет».

– Ты сегодня с утра кровь на коне разогнал?

– Для сего мне коня не надобно, стоит на тебя посмотреть..., – он бережно распустил ее льняные, тронутые сединой косы.

Стрела, трепеща, вонзилась в центр мишени. Передав лук Пете, Марфа отступила на несколько шагов. Натянув тетиву, Воронцов уложил свою стрелу рядом.

– Глаз у меня меткий. Не хвались, Марфуша.

– Сие по случайности! – она поторопилась, вторая стрела ударилась в край. Девушка раздосадовано притопнула.

Третья Петина стрела легла ровно рядом со второй.

– Я стрельбе в Англии учился. Там лучники лучшие в мире!

– Ты еще скажи, что на мечях умеешь драться! – задиристо бросила Марфа, садясь на траву. Петя опустилса подле.

– Шпагой я владею, Степа учит, когда на берег сходит. Только сие редко случается. По правде, с клинком я не очень хорошо управляюсь. Степа в сем деле мастер, он испанского губернатора убил.

– Как убил? – ахнула Марфа.

– Шпагой. Они на палубе дрались, в шторм.

– Пошто он его?

– За жену. Белла со Степой влюбились друг в друга. Карвальо хотел ее увезти и в монастыре запереть. Степа губернаторский корабль взял на абордаж.

Марфа открыла рот.

– Степа на гишпанке женился?

– Померла его гишпанка, – помрачнел Петя: «Степин корабль обстреливали, она его собой от ядра испанского закрыла. Ранило ее, она от горячки преставилась».

Марфа смахнула с ресниц слезинки.

– Я бы за тебя, Петька, не приведи Господь, случись что, жизни бы не пожалела! – убежденно сказала девушка: «Ты мой лучший друг!»

– Друг..., – Петя вздохнул.

Марфа перебирала в пальцах ромашку.

– Петька, ты королеву английскую видел?

– Даже говорил с ней, – кивнул он.

– Она, наверное, красивая, не то что я..., – грустно сказала Марфа.

– Ты красавица каких поискать! – горячо возразил юноша.

– Я ростом не вышла, – пожаловалась Марфа: «На батюшку с матушкой любо—дорого посмотреть, а я словно Матвей, от горшка два вершка».

– Сказал, красавица. Не спорь со старшими, – усмехнулся Петя: «Матвей бывает у вас?».

– Если только с государем наведывается. Он больше в Александровой слободе, что ему в нашей глуши делать? Пошли, – вскочила девушка: «Покажу тебе кое—что. Бегом до усадьбы давай? Посмотрим, какой ты быстрый».

– Давай, – весело согласился Петя.

Потянувшись, Феодосия закинула руки за голову. Федор подsunул под колено подушку. Хоть и прошло два года, но рана, полученная при осаде Полоцка, давала о себе знать. Взяв Феодосию за плечи, он потянул жену на себя.

– Дай дух перевести, – взмолилась она.

– Не дожدهшься, боярыня, – рассмеялся Вельяминов: «Иди сюда, поближе».

Она склонилась над мужем. Шатер светлых волос накрыл их обоих.

– Федя, ты Пете о Прасковье говорил? Не знают они со Степаном ничего.

– Думаешь, надо? Петька сюда не мстить приехал. Пущай он тихо повенчается с Марфой и забирает ее в Лондон. Мы тогда хоша жизнь спокойно доживем.

– Дак мать же сие..., – вздохнула Феодосия.

– Твоя правда, придется сказать..., – согласился муж: «Однако Петр не дурак. Он понимает, что не поквитаться ему ни с царем, ни даже с сыном моим, будь он неладен. Но что с матерью их сотворили, сие они со Степой знать должны».

Федор помолчал, обнимая жену.

— Сиди здесь, – Марфа скрылась в боковой светелке. Из—за двери донеслось шуршание и сопение, наступила тишина. Подняв голову, Петя обомлел.

Она стояла в дверном проеме, словно портрет работы мастера Хольбейна. Петя видел такие в лондонских купеческих домах. Марфа распустила бронзовые волосы по плечам.

Воланы темно—зеленого шелкового платья отделали золочеными нитями, корсет расшили кружевами. Изумрудное ожерелье лежало на шее, едва прикрытой волной фландрских кружев.

Луч солнца ударил в алмаз на кресте. Петя увидел тень в ложбинке маленькой груди. У него перехватило дыхание.

Поддержнув подол, девушка выставила вперед ножку в изящной туфельке с круглым мыском. Медный шелк оттенял тонкую щиколотку.

—Наряд батюшка привез. До войны с поляками он ездил в Краков, сватать Катерину Ягеллонку за царя. Только мне его надеть некуда... — грустно призналась Марфа: «Но Катерина за государя не вышла. Брат ее, князь Сигизмунд потребовал за сестру Смоленск, Псков и Новгород. Царь Марию Темрюковну в жены взял, из черкасских князей».

— У твоей матушки женское седло есть? — Петя заставил свой голос звучать спокойно.

— Есть, как не быть.

— Пошли, — он протянул ей руку.

Федор поудобнее взбил подушки.

—Со мной полежишь али тебе по хозяйству надо?

Закрутив на затылке косы, Феодосия выглянула в окно.

— К закату клонится, посмотрю, что с ужином. Разбудить тебя али сам встанешь?

— Сам, наверное, — Федор легонько шлепнул ее: «Гольшом здесь не разгуливай, а то на поварне заждутся тебя».

Одевшись, Феодосия поцеловала мужа в висок.

— Отдыхай.

За порогом она нащупала в рукаве опашения письмо, полученное от Пети. Бумага жгла пальцы, словно огонь.

— Почему королева Елизавета замуж не выходит?

Они ехали шагом. Петя полюбовался бронзовыми прядями, падавшими на нежную шею девушки.

—На то она и королева..., — отозвался юноша: «Редко кто ей под стать придется. Ежели она с королем иноземным повенчается, дак ей надо от престола английского отказаться».

— Хорошо бы и вовсе не ходить замуж! — мрачно сказала Марфа.

— Почему еще?

—Да за кого на Москве идти? Здесь грамоте мало кто обучен, о чем я с ними разговаривать буду? Батюшка другая статья, но где найти на него похожего? В Европу мне тоже не попасть. Раньше мы хоша с поляками не воевали, а теперь со всем миром перессорились.

— Сватаются к тебе?

—Мне пятнадцать только исполнилось, — Марфа помолчала, — но сейчас свахи зачнут ездить. К Покрову голову венцом и покроют. Что ты такой мрачный? — недоуменно спросила девушка.

Петя молча переломил хлыст.

—Поехали, — таинственным голосом сказала Марфа, — покажу тебе место заповедное, мне про него матушка говорила.

Федору снился Полоцк.

Обозы с ранеными стояли на берегу Двины, напротив разрушенной огнем русских орудий крепости. Февраль выдался сиротским. Под колесами возов хлюпал талый, грязный снег. Лед на Двине давно был хилым.

Федор очнулся от боли в ноге. С трудом перевернувшись, он улегся на бок. Так меньше ныло раздробленное пулей колено. Он откинул холщовый полог повозки. Пахло весной, ветром с Ливонского моря, победой.

Город лежал на противоположной стороне реки. В сером небе блестели золоченые купола церквей, беспрестанно звонили колокола.

– Странно, – подумал Федор, – вроде не праздник сегодня, что они заливаются?

Пан Зигмунт, польский лекарь, залезши в повозку, хмуро поздоровался. Он занялся осмотром раны.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал он по-русски. На границе все знали оба языка: «Заживает хорошо, правильно, что почистили».

Федор предпочитал не вспоминать, как чистили рану, с помощью водки и раскаленных на огне щипцов.

– Ходить буду? – спросил он.

– Не враз, но будете, – обнадежил лекарь: «Хромать тоже, но лучше так, чем без ноги».

Попробовав пошевелить ногой, Вельяминов скривился: «Пан Зигмунт, чего колокола звонят?»

– Евреев крестят, – искоса взглянул на боярина поляк: «Кто согласился».

– А кто не согласился?

Лекарь указал на мост над Двиной. Темную толпу окружала цепь вооруженных стрельцов. К обозам доносился детский плач и завывание ветра. Людей сбрасывали с моста, серый лед краснел от крови. Стрельцы, спустившись к реке, добивали выживших. Федор заметил на холме царские шатры. Иван Васильевич, верхом на коне, окруженный боярами, рассматривал мост.

Федор полежал, ощущая влагу на ресницах. Растерев колено, он стал одеваться.

Солнце клонилось к западу, стрекотали кузнечики, над Москвой—рекой кружили чайки. Выйдя на луг, Феодосия опустилась в высокую траву. Пальцы подрагивали, строчки плясали перед глазами.

– Милая Тео! Я ввязался в одну историю и теперь, кажется, придется мне умереть. Я не в обиде на Всевышнего, потому что Он дал мне тебя.

Если бы ты сейчас оказалась рядом, как в Колывани, я бы взял тебя за руку и увел с собой, а там будь что будет. Не могу простить себе, что у меня не хватило смелости, а теперь поздно.

Я завещаю похоронить меня в Западной Африке, среди людей, ставших мне братьями. Помяни меня в своих молитвах, милая Тео, и поцелуй Марту. Она, наверное, совсем большая. Посылаю тебе свою любовь, вечно твой,

Джеймс Маккей

Внизу она нашла приписку, другим почерком:

–Фрау Тео, согласно воле капитана Маккея посылаю вам это письмо. Он был ранен, защищая свое поселение от нападения португальских работорговцев. Капитан скончался на рассвете 20 декабря 1564 года.

Феодосия прижала письмо к губам. Подойдя к реке, разорвав бумагу на клочки, женщина пустила их по ветру. На луга опускался багровый, тревожный закат. Феодосия увидела на московской дороге всадника на гнедой лошади.

Марфа стояла по щиколотку в воде, приподняв подол.

–На острове сторожка, ее батюшка сам срубил. Матушка сказывала, что там очаг из валунов и стены медвежьими шкурами увешаны! Они там ночуют иногда. Я бы и сама хотела на шкурах полежать!

Представив, как он укладывает Марфу на медвежью шкуру, Петя жарко покраснел.

Надев туфли, Марфа поморщилась.

– Песок попал.

Присев, Петя снял с нее обувь. Узкие ступни девушки испачкал песчинки.

– Давай отряхну, а то ноги натрешь.

Марфе захотелось коснуться его темно—каштановых кудрей.

Петя аккуратно счищал песок с маленьких пальчиков с розовыми ноготками. Он пытался в уме считать дроби, раньше это всегда помогало.

Стянув с себя кафтан и рубашку, юноша снова зашел в озеро. Стоя к Марфе спиной, набрав в ладони воды, он вылил пригоршню себе на голову и спину. Полегчало, но Петя не рискнул поворачиваться к ней, пока не ощутил, что тянущая боль исчезла.

– Совсем дурак, – прыснула Марфа:

– Поехали, родители заждались. Подержи мне стремя..., – завидев ограду усадьбы, девушка озабоченно сказала: «Матушка у ворот стоит. Что стряслось?»

– Быстро в горницу, переоденься и носа не высывай, – велела Феодосия дочери.

– Что такое..., – начала Марфа.

– Быстро! – подтолкнув девушку, Феодосия обернулась к Пете: «Гони в Москву и жди вестей от нас. В дом тебе заходить нельзя, Матвей приехал с царевой волей».

На холеной руке Матвея в тяжелом перстне играл кровавыми огоньками рубин. Вельяминов—младший носил черный, монашеского покроя кафтан. Густые, золотистые локоны рассыпались по плечам.

– Говорил я, батюшка, – Матвей налил себе вина, – переезжай в слободу Александрову. Возле царя куда лучше, зачем в глуши сидеть? Государевых людей много, а вести нас, окромя царя, некому.

– Предлагаешь измену выгрызть и выметать? Не по мне сие занятие, Матвей, годы не те. Мне бы жизнь дожить спокойно.

– Ежели я тебе скажу, что Иван Васильевич желает тебя во главе людей государевых поставить?

Матвею показалось, что в лазоревых отцовских глазах промелькнул интерес. Федор смерил сына с ног до головы долгим взглядом.

– Не след с такими делами торопиться. Кудри, погляжу, так и не остриг?

– Не остриг, – дерзко ответил Матвей.

– Ну—ну, – протянул Федор. Отбросив скамью, он поднялся:

– Ты как посмел рожу свою мне показать? Забыл, что у меня рука тяжелая? Я тебе тогда что велел? Чтоб духу твоего здесь не было, пока я жив. Я пока жив, как видишь. Встань, что перед отцом расселся?

– Батюшка..., – Матвей схватился за щеку. Отцовская рука не потеряла силы. На карих глазах выступили слезы.

– Ты меня не жалоби..., – усмехнулся отец: «Сопли подотри и молчи, когда я говорю. Воле государевой служить, сие честь великая, а ты царю в сем деле не подмога».

Лицо младшего Вельяминова залила краска. Матвей хотел что—то сказать, но Федор прервал его:

– Мало я тебя поучил? Я не поленюсь и на конюшне тебя выпороть, ежели нужда придет. Слушай меня. Вы, говорят, клятву в верности государю наособливо приносите.

Матвей кивнул.

– В клятве той сказано, что от семьи своей отречься надо, так?

– Так, батюшка..., – Матвей не поднимал глаз на отца.

– У тебя семьи нет, а у меня есть, о сем ты подумал?

– Государь подумал. Ты бы дал мне сказать, что он передать велел.

– Говори, – хмыкнул Федор.

Сложив в сундук шелковое платье, взяв сарафан, Марфа приподняла край сорочки. Повертевшись из стороны в сторону, девушка посмотрела на свои ноги. Ноги были стройные, грудь маленькая. Поджав губы, Марфа принялась расчесывать волосы.

– Переделась? – мать зашла в светелку: «Давай я тебе косы заплету».

Марфа не дружила с гребнем. Торопясь, девушка всегда спутывала бронзовые пряди. Марфа устроилась на скамеечке у ног Феодосии.

– Как с Петей погуляли? – мать размеренно водила гребнем.

– Хорошо, – вздохнула Марфа: «Мы из лука стреляли, взапуски бегали, до озера добрались. Петя показывал на карте, откуда он пряности возит. Он обещал меня аглицкому научить. Он такой смешной, – девушка хихикнула, – на озере он мне ноги от песка отряхнул, а потом рванет в воду и давай обливаться!».

Феодосия подняла бровь: «А».

– Я ему сказала, что взамуж не хочу. Такого мужа, как батюшка, не найти, а других мне не надобно. Матушка, – Марфа повернула к ней голову, – когда батюшка к тебе посватался, ты сразу за него пойти согласилась?

– Мы, Марфуша, до сватовства поговорили с ним. Сейчас ты с Петей одна на конях скачешь, а в наше время, хоша я и вдовела, невместно было мне с мужчиной наедине оставаться.

– Почему еще? – удивилась девушка.

– Дурной славы не оберешься. Ты Петиних родителей помнишь?

– Немножко помню.

– У них в усадьбе мы с отцом твоим и встретились. Мы друг друга раньше видели, он при царе состоял, а я при царице покойной, Анастасии Романовне, но словом перемолвились только у Воронцовых. После он сваху заслал, как положено.

– Почему ты за батюшку пошла?

– Полюбила его, и пошла.

– Так прямо и полюбила? Сразу, как увидела?

Феодосия отложила гребень.

– И такое случается, дочка.

– Как понять, любишь ты человека или нет?

– Любишь, если хочешь с ним быть рядом, разговаривать, видеть.

– А трогать если? – Марфа покраснела.

– И трогать тоже, – Феодосия погладила дочь по голове.

Девушка прижалась к матери.

– Обязательно взамуж надо идти?

– Дак нет другой доли бабьей, или замуж, или в монастырь. Али ты в инокини хочешь?

– Не хочу, – глаза Марфы заблестели: «Но как замуж выходить за чужого человека? Как с ним жить—то?»

– Можно и за того, кого знаешь. Я с первым мужем своим росла вместе, навроде тебя с Петей.

Обняв мать, Марфа спрятала лицо у нее на плече.

– Бог даст, доченька, Бог даст..., – улыбнулась женщина.

– Федосья, – позвал из—за двери Вельяминов: «Спустись, разговор до тебя есть».

– Уехал Матвей? – женщина вошла в крестовую. Боярыня осеклась, увидев лицо мужа.

– Случилось что?

– Уехал, – Вельяминов потянулся за бутылкой: «Садись и слушай».

Боярыня опустила на лавку.

– Иван хочет, чтобы я во главе людей государевых встал..., – Федор залпом выпил половину стакана.

– Дак в слободу Александрову переезжать надо. Ты не хотел вроде? – пожала плечами Феодосия.

– Дело не в слободе и не в переезде..., – тяжело отозвался Федор: «Чтобы в черное облачиться, надо от семьи отречься, ино клятву вечной верности государю придется приносить».

– А нас куда? – ахнула Феодосия.

– Тебя в монастырь, а Марфу на престол царский, в жены царю.

– Дак ведь он женат..., – Феодосия сглотнула: «Да и крестный отец он Марфе».

Федор усмехнулся:

– Ты что, постригаться готова?

– Я—то ладно, – отмахнулась жена: «За Марфу душа болит, дитя мое она».

– Мне она не дитя? – взревел Федор: «Мне, что ли, хочется дочь единственную на потеху царскую отдавать!»

– Как он с Марией Темрюковной—то развенчается?

– В монастырь отправит, и вся недолга. Не рожает она. Дитя было единственное, и то померло. Он Марфе восприемником был, дак ее митрополит Макарий покойный крестил, у него не спросишь. Кто из причта того живы еще, покажут, что царь только рядом с купелью постоял. Устроят смотр девиц заради приличия, как с Анастасией Романовной, он Марфу и выберет.

– И что делать? С царем не поспоришь.

– Ничего, – огрызнулся Вельяминов: «Я из—за Ивановых прихотей не собираюсь ни с тобой расставаться, ни Марфу отдавать. Я свою дочь ни за золото ни за почести не продам».

– Говорила я с Марфой, – тихо отозвалась Феодосия: «По душе ей Петр».

– Пусть венчаются быстро, пока время есть, и уезжают восвояси. Спосылай гонца на Английский двор, – велел Федор жене.

– Говорил ты с отцом? – Иван погладил по голове Матвея Вельяминова.

– Просит подумать ему дать. Годы у него, а дело такое великое. Да и здоровье его не очень, нога увечная беспокоит.

Иван усмехнулся:

– Батюшка твой нас всех переживет, помяни мое слово. Он под Полоцком меня от пули спас, собой заслонив. Нет у меня людей вернее отца твоего, али тебя. Помнишь, как ты под кинжал воронцовский шагнул? Иной раз думаю, сдох Степка али где бродит, собака? Петька помер, должно, мальцу одному никак не выжить.

– Гниют его кости где—то, – равнодушно зевнул Матвей.

– Расскажи мне про Марфу вашу, – царь усмехнулся. «К ней ты ревновать меня не станешь, Матюша? Сестра твоя, едина кровь».

– Она чисто мальчишка, – скривился Матвей: «Груды нет, бедра узкие, как рожать будет, неведомо. Волосы красивые, словно листва палая, и глаза зеленые».

– Груды да бедра, дело наживное, – задумчиво протянул Иван: «Сколько ей лет, пятнадцать? Девчонка совсем. Твоя невеста покойная сочнее была».

– А что с Марией Темрюковной? – спросил Матвей. «Не угодила она тебе али что?»

– Наскучила она мне, Матюша. Да и не хочу я сынов с кровью черкесской. Она еще и неплодная, всего раз понесла. Невеста моя будущая, тихая, как девице положено?

– Балованная она да нравная, – хмыкнул Матвей.

– Оно и лучше, Матюша. Нравных учить да ломать, сие по мне.

По лицу Матвея пробежала легкая тень, а Иван добавил:

– Как я из тебя пса верного взрастил, так и из сестры твоей псицу сделаю. Охожу ее плетью по спине, она еще крепче любить будет. Вы, Вельяминовы, преданные, за то и ценю вас.

Тебе, должно, охота поглядеть, как я сестру твою девства лишу? На Марью свою ты глядел. Снова случай тебя потешить будет.

Матвей посмотрел в желто—зеленые глаза Ивана,

—Государь, пока батюшка мой раздумывает, повели нам вокруг Москвы скверну искоренить. Не дело сие, живем, аки на острове, изменниками окруженные.

—Верно говоришь, — Иван задумался:

—Неподалеку от усадьбы вашей Волоколамская обитель. Там в остроге еретик Матвей Башкин сидит, коли не сдох он еще. Отец твой делом его занимался. С Башкина и начните. Англичан сегодня с грамотами от королевы ихней примем, и поезжай туда с отрядом.

Матвей склонил голову. Царь намотал его золотистые локоны на пальцы.

—Авессаломова участь, говоришь? Поглядим, как оно обернется.

Марфа растянулась на низкой, покрытой шкурами лежанке. В очаге плясал огонь, в его отсветах тело девушки казалось высеченным из мрамора. Она попыталась прикрыться. В углу стоял кто—то темный. Марфа не понимала, смотрит ли тень на нее, или опущены его глаза.

—Как взглянет он на тебя, так и смерть твоя придет..., — Марфа нащупала кинжал. Глаза человека распахнулись. Из янтарных, волчьих, он стали холодными, словно вода в омуте. Он поманил Марфу к себе. Девушка покорно встала. Клинок выпал из ослабевших пальцев. Переступая босыми ногами, она пошла за ним. На пороге Марфа обернулась. Брошенный кинжал поблескивал на полу.

— Марфа! — услышала она голос в свисте ветра, бьющего в дверь: «Беги!»

Тень заслоняла выход. Метнувшись к очагу, схватив кинжал, Марфа несколько раз ударила в темноту. Раздались хрипы и стон, горячая кровь потекла по рукам.

— Марфа! — она встрепенулась. Феодосия сидела на ее постели со свечой.

— Дурное привиделось, матушка, — пожаловалась девушка. Марфа ахнула. Руки девушки и вправду испачкала кровь.

— Новолуние пришло, — невозмутимо кивнула мать: «Не бледней, не первые крови у тебя, пора привыкнуть. Складывайся, мы на Воздвиженку едем. Много не бери с собой».

— Ночью? — опешила Марфа: «Зачем?»

— Надо, — вздохнула Феодосия: «Поторопись, милая».

Федор Вельяминов читал при свече грамоту, доставленную с Английского двора.

—Пишет Петька, что они поехали в Александрову слободу царю представляться. Не узнает его Иван то?

—Царь его ребенком видел, и то всего раз. Пете тогда года два али три было, как узнать, — пожала плечами Феодосия: «Тем паче Петя говорил, что прислали его сюда слушать, рта он не раскроет».

Федор сжег письмо.

—Нельзя, чтобы они с Матвеем встретились. Боюсь я, сын мой Петра не забыл.

— Федор, а кто свенчает их в тайности?

— Знаю я одного человека надежного, — Федор взглянул на двор: «Готов возок. Поехали».

Петя раскрыл окно. День начинался не шибко, на востоке небо словно расписали золотом. Звонили колокола Покровского собора, за белокаменными стенами крепости виднелись крыши царских палат. Молчала Александрова слобода, будто и не было в ней никого.

Воронцов заскучал по шумной Москве. Суетно было в столице, шастали по торговым рядам на Красной площади подлые людишки, норовившие залезть к тебе в карман, но Петя неожиданно почувствовал себя на Москве, как дома.

Он бродил среди лавок, приценивался, пробовал уличный харч, смотрел на привычную торговую круговерть. Любуясь дивными очертаниями Кремля, Петя подумал, что Москва, где

он родился, была для него раньше сном. Теперь над его головой явью плескалось синее небо. Галдели птицы, вокруг многоголосьем перекликалась площадь.

В царском дворце стояла беспокойная тишина. Петя вспомнил рассказы брата о безветренном море, замирающем перед ураганом. Государь принимал их в тронном зале. На трапезе собралось полтысячи человек. Английская делегация сидела за отдельным, но близким к государю столом. Петя слышал о богатстве царских обедов.

На столах стояли золотые, изукрашенные драгоценными камнями, тяжелые кубки, подавали разом сотни жареных лебедей. Перед третьей переменной блюд слуги занесли в зал огромные серебряные чаны с живой рыбой, доставленной с Белого моря.

Матвея Вельяминова Петя узнал сразу. Родственник сидел чуть ниже царя.

— Если бы не черный кафтан, и не скажешь, что двенадцать лет минуло, — хмыкнул Петя, — Матвей Федорович не меняется вовсе, хоша ему скоро четвертый десяток пойдет... — белые щеки троюродного брата играли юношеским румянцем. По плечам Матвея рассыпались длинные, золотистые волосы.

Толмач у царя был преотвратный. Пете хотелось его поправить, однако юноша вовремя себя одергивал.

— Значит, просите вы, чтобы морским путем в Холмогоры, и на все побережье Белого моря, только ваши корабли могли ходить? — переспросил царь.

— Да, ваше величество, — поклонился Дженкинсон: «Учитывая предложенные нами цены, и то, что Приказ Большой Казны будет первым совершать у нас закупки, мы считаем это справедливым».

— Совсем обнаглели англичане, — буркнул Матвей. Дженкинсон вопросительно посмотрел на толмача, тот замаялся. Положив руку на плечо боярина, царь ухмыльнулся: «Шутим мы».

Усмехнувшись краем красивых губ, Матвей посмотрел в глаза Петру. Воронцов похолодел. Недобрый огонек горел в ореховых глазах.

Петя шифровал донесение для Елизаветы, под диктовку Энтони Дженкинсона.

— Также царь Иван разрешил построить в Вологде канатную фабрику. Льна в России много, и он чрезвычайно дешев. Монополия для Московской компании на проход судов по Белому морю утверждена, хотя многие бояре, в том числе и царский любимец Матвей Вельяминов, несмотря на подарки, им посланные, были против такого исхода.

— Слыхал я, Питер, что царь который год Матвея привечает. Помнишь ты его?

— Как не помнить... — посыпав свежие чернила песком, Петя дунул на грамоту:

— Матвей должен был на моей старшей сестре жениться, но царь приказал Марью ему на потеху отдать. Она понесла от царя и ядом себя опоила. Еще писать будем?

Дженкинсон велел:

— Спустись на двор, глянь, где гонец. Как закончим, отправлять его надо.

Петя толкнул дверь. Слезы, залившие лицо, смешались со струями дождя. Всклипнув, он прислонился к стене терема.

Сзади шепнули: «Здравствуй, Петруша Воронцов, вот и свиделись». В спину Пете уперлось острое кинжала.

Последние двенадцать лет Матвея Башкина будил грохот тяжелой двери, отделявшей самый глубокий в Иосифо—Волоцком монастыре подвал, от крутой, со щербатыми ступенями, лестницы.

Лестницу он видел двенадцать лет назад, но хорошо ее запомнил. Припадая на искаленную ногу, он считал ступени. Оказалось их больше ста. Тесные клетушки ограждались от освещенного единым факелом прохода проржавевшими, намертво засевшими в камне пру-

тями. Ему бы и не удалось выдернуть ни одного. Все двенадцать лет его держали прикованным к стене.

Башкин поднял скрюченную, но все равно отягощенную кандалами руку:

—Они меня боятся. Я едва могу ходить, я однорук, а они боятся.

Кроме него, в подвале никого не осталось. Максима Грека когда—то держали в обители почти с почетом, в келье с окном, откуда он видел небо и озеро.

Башкина привезли сюда на исходе осени, когда по синей глади плыли палые листья. Пахло грибами и морозной свежестью. Архимандрит Герман, сопровождавший заключенного из Москвы, молча помог ему выбраться из возка. Игумен Гурий заметил: «Он здесь ненадолго».

Гурия, позже архиепископа Казанского, Башкин пережил. Владыка умер два года назад.

Новости он узнавал от монаха, приносившего еду и убиравшего за ним. За двенадцать лет тюремщик привык к узнику. Инок бурчал себе под нос, вычищая клетку или забирая миски с пола. Башкин узнал, что до него в подвале держали Вассиана Патрикеева, сгрызшего от голода свои руки. Покойный нестяжатель Вассиан обличал учеников Иосифа Волоцкого, основателя монастыря:

—Сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаясь своими руками.

— В тишине и безмолвии..., — пробормотал Башкин. Дверь единожды громохнула: «Жаль, что Вассиан умер. Нам бы нашлось о чем поговорить».

Счет времени он вел по еде. В дни престольных праздников кормили лучше. Монах иногда говорил Башкину, который сейчас год.

Первые три года боярину часто снилась прошлая жизнь, но сны становились реже. Ему оставалось только думать, благо никто не нарушал его одиночества.

Сначала узник думал о ней. В тюремной ночи ему грезилась льняные волосы, серые глаза. Когда он метался в лихорадке, ее прохладная ладонь остужала лоб, когда он бился в рыданиях, ему чудилось, что боярыня утешает его. Потом видение исчезло.

Если бы Башкину позволили бумагу и перо, он бы писал и писал, до конца дней своих. Ему только оставалось складывать свои мысли в слова. Книг ему не давали, даже Библию, тем более Библию. Впрочем, он помнил наизусть и Писание, и поучения отцов церкви, и даже слова Лютера. Привалившись к сырой стене, в темноте и затхлости он мысленно читал, отмечал несоответствия, комментировал и спорил.

Макарий сказал: «Благовари Господа, что не сожгли тебя. Государь, в неизбывном своем милосердии повелел сослать тебя на покаяние в монастырь навечно».

Башкин тряхнул кандалами: «Если каяться, то не перед раскрашенной доской, а здесь, где нет никого, кроме меня и Бога».

В проходе мелькнула тень. Сначала узник решил, что пришел монах. За года, проведенные впотьмах, зрение у него ослабло. Приглядевшись, он понял, что ошибся. Человек в черном, монастырского покроя кафтане, улыбнулся: «Здравствуй, Матвей Семенович».

У Пети заледенела спина. Человек сзади провел по ней клинком. Он уткнул кинжал в левый бок юноши, ниже ребер.

— Ежели в ребра метить, — свистящим шепотом объяснил он, — клинок на кость может натолкнуться. Лучше сюда. Истечешь кровью, аки боров на забое.

Степан наставлял Петю:

—Если сзади на тебя нападут, одной рукой тани противника за руку, а второй упрись ему в подбородок, и голову заламывай. Бросишь его на землю, и сразу коленом грудь прижми.

Петя сделал в точности, как велел брат. Незвестный рухнул в жирную грязь, юноша навалился сверху. Разжав пальцы, нападавший выпустил кинжал. Выхватив свой, дамасский, подаренный Степаном, Петя приставил острие к горлу незнакомца.

– Кто тебя послал? – Петя надавил на клинок.

– Боярин мой, Матвей Федорович... Не губи, – взмолился невестный.

Петя коротко ударил его в шею. Вонзившись в кость, клинок застрял. Нападавший выгнулся, на губах выступила кровь. Он жил, цепляясь сильными пальцами за горло. С силой выдернув клинок, Петя располосовал рану глубже. Засипев, умирающий затих.

Петя взглянул на руки. Сдерживая подступившую тошноту, юноша подставил ладони под струи ливня. Под ногами пузырилась кровь, смешанная с грязью. Петя упал на колени, его вырвало в лицо мертвеца. Увидев распахнутую рану, в которой собиралась дождевая вода, Петя опять вывернулся наизнанку.

Светловолосый парень приблизил лицо к прутьям. Узник взгляделся в него. Ясные, красивые карие глаза смотрели прямо.

– Ты Матвей и я Матвей, мы тезки. Помнишь боярина Вельяминова, Федора Васильевича?

Башкин кивнул. Обмениваясь с монахом несколькими словами, он почти разучился говорить. Речь растворялась во тьме, в чаде факела: «Вроде и есть слова в голове, – озабоченно подумал Башкин, – но раскроешь рот, и они исчезают».

– Сын я его, Матвей Федорович.

– Нет, – пронеслось в голове у Башкина, – тот выше был и шире в плечах, и звали его не так:

– Как его звали? – нахмурился Башкин, пытаясь вспомнить: «Нет, не помню. Он мальчик совсем был, про корабли мне говорил. Сказал я на него, дак я муку какую претерпевал».

Он ужаснулся звуку своего голоса. Из горла вырывался то ли хрип, то ли карканье: «Жив Федор Васильевич?»

– Жив, – заверил пришедший, – что ему делается.

– Жена его, Федосья Никитична, жива ли?

– Знаешь ты ее?

– Как не знать, – узник открыл черный рот с обломками зубов: «Она нам тоже помогла тем летом».

Башкин боязливо подумал:

– Неужели боярин Вельяминов прислал за мной сына? Неужели мне суждено увидеть свет Божий?

– Ты помочь мне пришел? – он подслеповато шурился. Лицо гостя расплывалось в темноте, ровно морок он был, а не живой человек.

Матвей Вельяминов припал к решетке: «Помочь».

Оттащив труп в канаву, Петя поднялся в горницы.

– Я человека убил. Узнал меня Матвей, подослал холопа с кинжалом.

Глава Московской компании смотрел в землистое лицо юноши. Дженкинсон вспомнил, как легко входила шпага в тело противника, как лилась на утопанную землю темная кровь:

– Сколько лет мне тогда было? Тоже, как Питеру, восемнадцать..., – он наполнил бокал:

– Сядь, успокойся.

Юноша залпом выпил вино.

– На Москву мне надо. Венчаться и увозить ее.

– Кого ее? – не понял Дженкинсон.

– Сестру Матвея младшую единокровную. Я ее с детства знаю, я сюда за ней ехал. Сва-
таться.

– Посватался? – Дженкинсон стал одеваться.

– Куда вы?

– С тобой на Москву, – проворчал купец: «Ты невесту крадешь, что ли? Родители ее
против?»

– Родители не против, но царь Иван тоже хочет ее себе в жены взять.

– Шпагу не забудь, – коротко приказал Дженкинсон.

По пути наверх, опираясь на заботливую руку Матвея, он опять посчитал ступени. Их
оказалось сто двадцать. Яркий свет ударил в глаза, Башкин зажмурился. Он почти ничего не
видел. «Как же я писать буду? Но я диктовать смогу, как Феодосий».

– Федор Васильевич где?

– Ждет нас, – услышал он спокойный голос: «Сюда иди, здесь возок».

Перед ним открыли низкую дверь. Внутри было тихо. Матвей помог ему усесться. «Сей-
час поедem».

—Матвей знает, что я здесь, – выпалил Петя, ворвавшись в крестовую горницу Велья-
миновых: «Он ко мне холопа подослал, с клинком, но я его убил!»

–Сядь, не тараторь, – приказал Вельяминов.

– Да что вы все заладили – сядь да сядь, – крикнул юноша: «Я человека убил!».

Федор с размаха залепил ему пощечину. Петя заморгал.

–Ничего, – утешил его Вельяминов: «У каждого свой первый раз бывает. У меня в пят-
надцать лет сие случилось, а с тех пор и не считал я».

–Вы воин, вы другое дело..., – Пете бросилось в глаза, как постарел всего за несколько
дней Федор Васильевич.

–Ты теперь тоже воин. Ты царю дорогу перешел, думаешь, сие тебе так просто с рук
сойдет? Сейчас Марфа с матерью спустятся, благословим вас.

Они стояли в разных углах горницы. Марфа, с заплетенными косами, в нежно—зеленом
летнике, показалась Пете не девчонкой, виденной им в подмосковной. Она зашла с опущенной
головой, искоса взглянув на него, забрызганного грязью, с влажными от дождя волосами.

–Сватается к тебе Петр, дочка, – взяла ее мать за руку: «Что скажешь?»

Марфа только кивнула.

–Венчаться вам надо немедля, – Федор прошелся по палате: «Венчаться и уезжать
отсюда».

– Но почему?

– Ищут Петра, брат твой Матвей узнал его. Мы его дитем от смерти уберегли, дак и
сейчас на нее не предадим.

– Ежели ты жена венчаная, – добавила Феодосия, – окромя как с мужем рядом, другой
дороги нет. Хочешь такую судьбу или другое выберешь? Тебя еще один человек хочет в жены
взять.

– Кто?

– Государь Иван Васильевич на престол хочет тебя посадить, в царицы московские.

На длинных ресницах девушки заблестели слезы.

–Учили вы меня, что нет ничего дороже чести, что бесчестно за нелюбимого замуж идти.
Я себя только тому отдам, кого люблю всей душой..., – она запнулась: «Тебе, Петя, коли любя
я тебе».

Они опустились на колени перед иконой, что сняли со стены Феодосия и Федор Вельяминовы.

В возке душисто пахло сухим сеном:

—Ехать будет мягко, даже поспать удастся..., — понял Башкин. Пошарив рукой, дотянувшись до двери, Башкин неуверенно позвал: «Матвей Федорович?».

На монастырском дворе Матвей поднес горящий факел к гряде сена. Оно весело, ярко вспыхнуло, возок заходил ходуном. Зайдя в кашле, Башкин снова попытался распахнуть дверь. Удушливый дым выедал глаза, забивался в рот:

—Я ему все сказал, и об отце его, и о Феодосии, — успел подумать Башкин, — зачем он меня жжет? Раздался треск, потянуло свежестью, Башкин вслепую пошел туда. Он помнил, что от нее тоже пахло чистым ветром и летними травами.

Стенки возка рухнули. Горящий человек вывалился наружу в неумолчном крике. Вопли заглушил монастырский колокол. Матвей перекрестился. На голове Башкина тлели остатки волос, съеживалась кожа, вытекали глаза. Развернув коня, Матвей проехал по обуглившемуся, слепо ползущему куда—то Башкину. Сожженные кости хрустнули, на подковах осталась белая масса. Втоптав останки в землю, Матвей крикнул государевым людям: «В седло!».

Энтони Дженкинсон никогда не видел такого венчания. В темной церквушке витал запах ладана, подрагивали слабые огоньки свечей. Родители невесты, пожилой, мощный боярин, и высокая, ему под стать, очень красивая женщина стояли сзади.

В Лондоне никто бы не поверил, что владелец «Клюге и Кроу» венчается, словно последний оборванец, в наскоро отчищенном кафтане, с исцарапанными руками.

—Имаши ли Петр, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти себе в жену сию Марфу, юже zde пред тобою видиши? — спросил высокий монах в потрепанной рясе и надвинутом на лицо клобуке.

—Имам, честный отче.

—Сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину: тайна сия велика есть..., — Марфа робко взяла мужа за руку.

Супруги Вельяминовы в один голос произнесли: «Аминь».

Обняв замужнюю дочь, Феодосия увидела устремленные на нее суровые глаза казанского митрополита Германа, недавно вызванного в Москву по приказанию царя. Владыка с амвона призвал государя покаяться за грехи его.

Муж тронул ее за плечо.

—Хоша и тайное у нас венчание, однако чарку за здоровье молодых полагается. Переведи ему, — кивнул Федор на Дженкинсона.

На Воздвиженке, когда все поздравили новобрачных, тесть велел: «Пойдем, Петр Михайлович, поговорим, пока жена твоя собирается».

—Марфа теперь жена твоя, однако, ежели государь захочет, дак его ничто не остановит и случится, как с Марьей вашей..., — вздохнул Вельяминов.

Петя побледнел.

— Не позволю.

—Ясное дело, что мужу положено смерть принять за честь жены, на то он и муж. Однако подумали мы с Федосьей, что лучше Марфу спрятать, хоша на год, пока все не уляжется.

— Хотел я ее в на Белое море отвезти.

—Туда али в Новгород соваться нельзя, — покачал головой Федор: «Ливония в войне, а в Холмогорах, как туда ваши корабли ходить наладились, людей царских не перечесть, не скроешься от них».

– И куда же нам?

– На восток. К Вассиану, брату Марфы старшему, в Чердынский Богословский монастырь, он настоятелем теперь в обители. В мужском монастыре, в такой дали, жену твою искать не будут. Ежели волосы ей обрезать и в армяк обрядить, ее от парня не отличишь..., – тесть помрачнел: «Надо тебе еще о смерти матери твоей рассказать, ино ты не знаешь, что стало с ней, а должен».

Отряд государевых людей остановился на развилке.

– Скачите в слободу Александрову, – приказал Матвей: «Скажите государю, что огнем мы скверну выжгли. Как приеду, я сам с ним поговорю».

– Скоро ждать вас, Матвей Федорович?

– С отцом повстречаюсь и вернусь..., – Матвей направил коня на проселочную дорогу, ведущую к усадьбе Вельяминовых.

– Твоя мать смерть приняла, – закончил боярин: «После казни повезли ее в монастырь, она по дороге и преставилась».

– Где ее схоронили?

– Кто знает, милый мой. Ежели уцелеешь, дак Степану расскажи, что не оставил вам царь могил отеческих.

– Расскажу..., – ровно тучей подернулись ясные глаза юноши: «Как нам до Чердыни добираться?».

– До самой Чердыни вам не надо. Приедете в Ярославль, пойдете к сему человеку, – Вельяминов отдал юноше запечатанную грамоту:

– Он отправит вас вниз по реке до Казани, где Марфу будут ждать. Вассиана я извещу. Тебе в тех краях болтаться не след, езжай дальше, в Астрахань. У меня дружок есть, Данило Гребень, мы с ним ханский флот на Волге жгли. Он тебя приютит на зиму. Опять и теплее на море. Сие тебе для него грамота. Люди все надежные, не предадут. Весной за Марфой вернешься и к Белому морю отправитесь. Все понял? Деньги есть у тебя?

Петя впервые за весь разговор улыбнулся.

– Я и забыл, – хмыкнул Вельяминов: «Я дочь за богатого жениха выдал, куда государю московскому до Петра Воронцова. Я от себя добавлю, и не перечь. Деньгами не швыряйся, в тамошних местах не Лондон и не Москва. Судаковское золото цело?»

– В обороте оно, – Петя засунул грамоты в кису, – барыши приносит.

– Хоша не бесприданницей Марфа к тебе пришла, – боярин посерьезнел: «Ты Марфу и пальцем тронуть не смей».

– Почему? – покраснел Воронцов.

– Негоже ей в мужской монастырь с чадом приезжать, – вздохнул Вельяминов.

– Но я могу... – начал Петя.

– Я тоже могу, – прервал его Федор: «На словах все мужики могут, а на деле бабы рожают и рожают. Заберешь Марфу следующей весной, тогда и ночь брачную справите. Меча у тебя нет?»

– Кроме кинжала, нет ничего, – вспомнив тяжесть короткого клинка, предсмертный хрип убитого, Петя передернулся.

– Ты меч в руках держал? – Федор снял со стены оружие. Блеснула тяжелая, серая сталь.

– Только шпагу, – честно ответил Петя.

– Сие хорошо, – улыбнулся Вельяминов: «Знаешь, каким концом колоть. Пошли на конюшню, погоняю тебя перед отъездом, посмотрим, каков ты в бою».

—Опись о венчании твоём, — мать аккуратно сложила грамоту вчетверо, — в книжку кладу. Запись о крещении руки митрополита Макария, с его печатью. Здесь родители твои указаны и восприемники от купели. Не потеряй, — Феодосия помолчала. Сердце болело, готовое прорваться потоком слез:

—В книжке я записала, у кого судаковское золото лежит, и что сказать надо, коли забрать его захочешь.

Марфа вздохнула,

— Петя знает про сие, для чего мне?

—Сегодня Петя жив, а завтра нет, — жестко ответила мать: «Всяко случается, вдругорядь одна останешься, тогда попомнишь мои слова».

Дочь опустила голову.

Феодосия завязала холщовый мешочек с травами.

—Когда заберет тебя Петя из Чердыни, сделай отвар на костре, и пей каждый день по ложке. Дни не пропускай. Посмотри в книжке, я тебе пометила, какие травы нужны.

Марфа полистала страницы:

— Не везде они растут—то.

— Не везде. Как видишь хоша одну, рви да суши про запас.

— На что мне отвар? — недоумевающе спросила девушка.

— Чтобы не понесла ты, — Феодосия устало посмотрела на дочь.

— Мы муж и жена венчанные, чего мне детей не рожать? — удивилась Марфа.

Вельяминова встряхнула девушку за плечи.

—Головой подумай, о чем говоришь. Когда сойдешь на землю английскую, хоша дюжину рожай. Или ты от Чердыни до моря Белого брюхатая идти хочешь? Ты не помощь Петру будешь, а обуза.

— Не стану я ему обузой, — насупилась Марфа.

—Иногда приходится делать не то, что хочется, а то, что надо, — Феодосия поцеловала дочь в теплую макушку: «Кончилось детство твое, Марфуша».

— Не думала я, что так случится, — девушка уткнулась матери в плечо.

—Никто не думал. Что дальше нас ждет, сие одному Богу ведомо. Косы распusti.

Феодосия потянулась за большими ножницами.

Дженкинсон почтительно приложился к руке щуплого, стриженного паренька в невидном кафтане.

—Счастливого пути, миссис Марта. Надеюсь увидеть вас в Лондоне, — сказал он по—немецки.

Пробормотав: «Спасибо», девушка запрыгнула в седло.

Пошел крупный дождь, загрохотало, загремело над Москвой.

— С Богом, — махнул Федор. Боярин взялся за стремя Петиного коня.

—Сам умри, а ее сбереги.

Петя коротко кивнул.

Вельяминовы смотрели им вслед, пока всадники не скрылись в потоках ливня.

Спешившись на дворе подмосковной, Вельяминов помог жене выйти из возка.

— Федор, что ты царю скажешь, ежели он про Марфу спросит?

—Правду скажу..., — буркнул муж: «Марфу ему не достать, а мне все равно. Пущай что хочет, то и делает. Не стану я заради прихотей царских жизнь дочери калечить».

— Смотри, — остановилась Феодосия, — гости у нас. Я в опочивальню поднимусь, обожду тебя.

В окне крестовой палаты горели свечи.

- Кто сие? – спросил Федор у слуги.
- Матвей Федорович приехали, как не стемнело еще.

Матвей поднес к лицу руки, Он мыл и оттирал ладони, но все оказалось впустую. Пахли они гарью, пеплом, криком заживо сожженного человека. Вспомнив треск костей под конскими копытами, Матвей вздрогнул.

–Что надо? – Федор, не поздоровавшись, налил себе водки: «Сказал я, как надумаю, гонца пошлю».

Матвей вглядывался в осунувшееся отцовское лицо.

–Совсем седой стал, – пронеслось в голове.

– Батюшка, – осторожно начал Матвей, – был я сегодня в Иосифо—Волоцком монастыре по царскому приказанию...

– Еретиков жег? – Федор снова наполнил стакан: «От тебя за версту паленым несет. Велика доблесть беззащитных людей на костер посылать, есть чем гордиться».

–Можно? – Матвей показал на бутылку.

Федор вздохнул.

–В слободе Александровой водка перевелась? Иль ты ко мне похвастаться приехал? Дак избавь меня от сего, я на своем веку стократ поболее тебя убил, но в честном бою.

–Я про Башкина Матвея Семеновича рассказать хочу.

Взглянув в карие глаза сына, Федор вспомнил то, о чем никогда и никому, даже Федосье, он не говорил.

В Полоцке, он плохо спал. Болела нога, он ворочался, перед глазами все вставал окровавленный, серый лед. Перед рассветом Федор услышал шорох. Взяв кинжал, отодвинув холщовый полог, он заметил у колеса повозки шевелящуюся грудю тряпья.

Вельяминов сначала не знал, как женщина доползла наверх, с разбитой головой и отмороженными в ледяной Двине ногами. Потом он понял, что заставило ее подняться к людям. В тряпье копошился младенец. Взглянув на него огромными, как у Богородицы, глазами, женщина что—то прошептала на незнакомом языке. Федор принял дитя в свои руки. Утром женщины у повозки не оказалось. То ли она уползла подальше, как зверь, уводящий охотников от норы, то ли умерла и труп успели убрать.

Дитя оказалось девочкой, черненькой, лет двух. Была она тихоней, что Вельяминову оказалось на руку. Спрятать малышку под грудой одеял и перин оказалось просто. Днем он кормил ее, вспоминая, как Марфа, вырывая у него ложку, стучала кулачком по столу: «Я сама!».

Малышка только открывала рот, словно галчонок. Ночью она прижималась к нему и сопела, засыпая. Федор крестил ее, рассудив, что Богу все равно, а ему с дитем и подавно. Баюкая девочку, он осторожно целовал ее мягкие кудряшки. Федор подумывал взять малышку домой, Феодосия с Марфой только бы порадовались. Боярин со вздохом напомнил себе, что не сможет прятать девочку весь долгий путь до Москвы.

Помог пан Зигмунт, заметивший, как блеснули в углу повозки детские глаза. Лекарь взглянул на Вельяминова, боярин кивнул. Через пару ночей пан Зигмунт унес девочку. Поляк шепнул: «Ее переправят в Литву». Федор так и не знал, как ее звали. На прощание, вцепившись в его руку, малышка жалобно всхлипнула: «Тате».

После ухода лекаря Вельяминов долго смотрел в низкий полог повозки, видя перед собой детские доверчивые глаза.

–Раз приехал, то рассказывай, Матюша, – сказал он.

Вельяминов—младший вздрогнул. Последний раз отец так называл его в детстве.

Трещала свеча. Федор затушил ее пальцами.

–Ты, Матюша, сейчас должен сам решить. Двенадцать лет назад ты по одному пути пошел, а сейчас можно по—другому. Сие от тебя зависит.

– Дак как же, батюшка, – поднял полные слез глаза Матвей, – не могу я от царя сие скрывать!

– Не можешь, дак не скрывай, – пожал плечами Федор: «Отправляй меня с Феодосией на костер. Когда дрова поджигать зачнешь, в глаза мне, отцу своему, взглянуть не забудь».

– Сие все она, – злобно прошипел Матвей: «Ведьма новгородская, еретичка, она тебя с толку сбила».

– Мне, Матвей, к той поре шестой десяток пошел. Неужто ты думаешь, что у меня своей головы на плечах не было? Ежели я что делал, дак только по собственному разумению.

– Отдай ее государю! – горячо сказал сын: «Ее на костер, а царь, ежели ты ее на суд приведешь, еще пуще доверять тебе будет. Марфу за него замуж выдадим, твои внуки на престол царский сядут!»

Федор усмехнулся.

– Совсем разум потерял. У царя двое сынов здоровых. Куда ты собрался племянников своих, даже если и народятся они, сажать? На какой трон?

– Сегодня есть, а завтра нет. Анастасия Романовна тоже в молодых годах преставилась. Отдай Федосью царю!

– Я скорей сам на костер пойду, чем позволю жену свою хоша кому пальцем тронуть. Что ты с Анастасией Романовной содеял, сие дело совести твоей, мне про то знать ни к чему. Про сынов царских ты не говорил, а я не слышал, ясно?

– Дак еретичка она! Сказано в Писании, «Волхвом живым быти не попустите», – ненавищае сказал Матвей: «Она меня ядом опоила, чтобы наследников у меня не было!»

Федор сжал кулаки.

– Кончилось мое терпение. Слушай и запоминай. Не случится такого, чтобы я любовь свою предал, зря ты время теряешь. Хочешь доносить на отца, дак беги, я тебя не остановлю. Не знаешь ты, что такое любовь, не дал тебе Господь сего.

– Не дал, – отозвался сын. Рука Федора невольно потянулась через стол. Он погладил золотые локоны.

– Что он тебя, Матюша, как ты юношей был, сломал и воле своей подчинил, сие вовсе не любовь. Не по своему желанию ты к нему пришел. Помнишь, учил я тебя диких коней обьезжать? Силой ты сие делаешь, где здесь любовь—то?

– Прощай, батюшка, – Матвей поднялся: «Хотел я тебя спасти, да, видно, не судьба. Федосью твою на твоих глазах перед костром обесчестят, люди государевы в сем деле мастера. И Марфу вместо трона московского то же ждет. Когда дочь твою, в грязи и позоре, насильничать зачнут по царскому повелению, ты посмотри ей в глаза, как мне велел!»

Федор занес было руку на сына, но отдернул брезгливо.

– Дочь мою тебе не достать, далеко она, а жену я скорее своей рукой убью, чем на поругание отдам. Готовьте мечи, дешево меня не возьмешь, я и вас прихвачу, сколь успею.

– Куда ты Марфу дел? – взвизгнул Матвей.

– Пошел вон отсюда, – равнодушно отвернулся Вельяминов: «Не узнать сего ни тебе, ни государю, хоша глаза себе все высмотрите».

Выматерившись, Матвей остановился на пороге.

– На твоём месте, батюшка, бежал бы я сейчас из Москвы быстрее ветра.

– На твоём месте, – бросил Федор, – я бы сейчас удавился. Дак и на то у тебя смелости не достанет. Стыдно мне, что я твой отец. Хорошо, что мать твоя, Аграфена, не дожила до сего дня.

Хлопнула входная дверь. Федор уронил голову на стол: «Тако глаголаше, егда плакаше: сыне мой, Авессаломе, сыне мой, сыне мой».

В опочивальне Феодосия расчесывала льняные, с серебряными нитями, волосы.

– Дай мне, – взяв гребень, Федор разбирал густые пряди.

Феодосия прижалась губами к мужниной руке.

– Встань—ка, – попросил он.

Он расстегнул жемчужные пуговицы на ее летнике. Феодосия выступила из упавшего на пол шелка. Легко, как пятнадцать лет назад, подхватив ее на руки, Федор опустил жену на ложе.

– Что Матвей приезжал?

– Расстаться нам пришла пора, Федосеюшка, – собравшись с силами, сказал Федор: «Бежать тебе надо, схорониться. Матвей с отрядом Башкина Матвея Семеновича в Иосифо—Волоцком монастыре самолично сжег. Его там в застенке держали».

Потемнело лицо Феодосии, заledenели серые глаза.

– А ты?

– Я отродясь на поле боя не отступал, и сейчас не время начинать. Только не хочу я тебя за собой на смерть вести. ... – он приник губами к нежному плечу: «Нет ли у тебя травы какой, чтобы смерть мгновенно настала?»

– Мгновенно – нет. Есть травы ядовитые, но два—три дня помирать придется, как отвар выпьешь. Мучиться будешь, а все одно и в мучениях они тебя на пытку обрекут.

– Да я заради тебя спрашиваю, – Федор улыбнулся: «Сам я смерть приму, как воину положено, с мечом». Он взял ее лицо в ладони: «Какая ты красивая у меня, Федосья! Истинно, благ Господь ко мне был, и нечего мне у него более просить».

– Не стану я своей рукой себя жизни лишать, Федя, грех сие.

– Тогда доверься мне. Для меня не грех, а доблесть тебя от позора и поругания уберечь.

– Все годы я тебе доверялась, жизнь моя в твоих руках, и смерть от тебя приму с радостью,

– Феодосия смахнула единую слезу с ресниц.

– Вместе жили, вместе и умрем.

Он целовал каждый уголок такого любимого тела, а перед глазами все стояло искаженное ненавистью лицо Матвея, шепчущего «Волхвом живым быти не попустите!» и окровавленный лед на весенней Двине.

– Где нашли? – Матвей хмуро разглядывал перерезанное горло холопа.

– В канаве, неподалеку от теремов, что англичанам отдали, – поклонился помощник.

Матвей высыпал ему на ладонь серебро.

– Держи. Пущай канон по новопреставленному отпоют, и собери слуг. Как похоронят его, помяните раба Божьего.

– Благодарствуем, Матвей Федорович.

– Надо было самому за дело взяться, – Матвей шел по низким, изукрашенным золотом и росписями, царевым палатам:

– Со мной бы Петька не справился. Ничего, из—под земли достанем щенка. Батюшка пусть доблестью своей хвалится. Как еретичку его срамить зачнут, он все расскажет, и кто в Новгороде им помогал, и куда Марфа делась. Мое царство будет, мое! Пусть Марфа сына родит государю, а дальше я разберусь.

Он постучал в дверь опочивальни.

– Наглые сии Воронцовы, – зловеще усмехнулся царь: «Что Степан, собака, что Петька, сопляк. Другой бы в Москву не совался, Бога благодарил, что жив. Щенок мало, что сюда приехал, дак еще посмел мне на глаза явиться».

– Не все я тебе сказал, государь. Послушай, что еретик Башкин перед костром мне открыл. Хоша и родитель мне Федор Васильевич, не могу я от тебя скрывать предательство его.

– Подойди ближе, на колени встань, – велел Иван.

Матвей послушно опустил на пол. Царь положил руки на его мягкие, золотистые волосы.

— Был у меня человек ближе тебя, да после твоих слов не осталось его более. Нет у меня никого дороже тебя на всем белом свете, и нет никого, кроме тебя, кому бы я мог начальство над людьми государевыми поручить. Поднимись, Матвей Федорович, возьми меч, дабы искоренить скверну на земле нашей, и меня защитить.

Матвей Вельяминов приложился к царевой руке, оцарапав губы о тяжелый перстень.

— А про Петьку спрашивал? Где он?

— Нет его нигде. И не видел его никто два дня.

— А что сестра твоя? Тоже, небось, исчезла, неведомо куда?

Матвей молчал. Иван Васильевич хмыкнул.

— По всем статьям меня боярин Вельяминов обставил, как есть, по всем.

— Дак может, на Белое море людей спсылать? Али в Новгород?

Иван залился хохотом. Матвей аж вздрогнул.

— Не такой дурак Петька, чтобы сейчас на границу бежать.

— Куда же они подались? — удивился Матвей.

— Страна у нас большая, укроет она и сестру твою, и Петьку, и следа мы ихнего не сыщем. Однако приведи сего Янкина, и толмача захвати по дороге. Не верю я, что Петька ему ничего не сказал.

Энтони Дженкинсон невозмутимо взглянул на царя и сидевшего у его ног Матвея.

— Мне известно, государь, что мистер Кроу повенчался с миссис Мартой и увез ее в свадебное путешествие, как принято в Англии. Все случилось быстро, но, ваше величество, молодежь и обычно и не медлит... — он позволил себе улыбнуться.

— Свадебное путешествие, говоришь? — Иван наклонил голову: «И далече?»

— Этого он не сказал, ваше величество, — развел руками Дженкинсон.

— Что с молодежью поделаться, пушай гуляют, — натянуто улыбнулся царь: «Мануфактуру канатную в Вологде, о коей говорили мы, езжайте закладывать».

— Благодарю, государь, — поклонился Дженкинсон: «И в Ярославле надо обустроить Английский двор. Река Волга есть величайшее достояние вашей земли, сплав по ней дешев и мы достигнем даже самых отдаленных мест».

— Дело говоришь, а теперь ступай, — махнул царь.

Тяжелые, раззолоченные двери закрылись за торговцем, Матвей взорвался: «Врет он, сука! Он знает, где Петька паршивец, а где Петька, там и Марфа. На кол его!».

Иван Васильевич наотмашь ударил Матвея по лицу.

— Ежели бы, дурья твоя башка, у твоей сестры бабья щель не вдоль, а поперек была бы, мне приязнь королевы аглицкой все одно куда дороже. Я, Матюша, в отличие от многих, больше головой думаю. Можно Петьку Воронцова на дыбу подвесить и весь Английский двор на колья пересажать, только чем ты на Ливонской войне воевать собираешься? Палками? Оружие нам англичане поставляют. Ах ты господи, откуда тебе знать сие? Ты же не воевал ни разу.

Матвей отвел глаза в сторону.

— Не зря твой батюшка греками воспитывался, что с бабкой моей, Софией Палеолог, упокой Господи душу ее, на Русь приехали. Византиец он, хитрая лиса, все сделал по—своему. И жену себе под стать подобрал. Они в Новгороде ровно клинки булатные, хоша огнем их жги, хоша мечом руби, они только крепчают. Огнем жги..., — ухмыльнулся Иван собственным словам:

— Седлай коней, навестим твоего батюшку, поговорим с ним и женой его о том, о сем. Интересны мне дела и знакомцы их, даже больше, чем Петька беглый. Ох, Матюша, сотру я

змеиное гнездо новгородское с лица земли, помани мое слово. Волхов ихний кровью потечет, дайте только время.

– Они небось далеко отсюда, – хмуро пробормотал Матвей.

Царь с жалостью взглянул на Вельяминова—младшего:

– Не был ты в бою с Федором Васильевичем. Отродясь он с поля брани не отступал, и сейчас не отступит.

Феодосия с Федором стояли у окна. С дальнего холма к усадьбе спускались всадники с факелами.

Женщина взглянула на мужа, он кивнул: «Пора».

Феодосия потянулась за кинжалом, Федор остановил ее.

– Помнишь, что я говорил? Лучше я жену али дочь своей рукой порешу, чем на поругание отдам.

Она закатала рукава сорочки, обнажив нежную кожу.

– Я люблю тебя..., – она в последний раз поцеловала такие знакомые губы: «Люблю и буду ждать».

– Я скоро, милая, – Федор полоснул клинком по ее руке, от локтя до запястья. Феодосия не произнесла ни звука, только лицо ее враз побелело.

– Как хорошо... с тобой..., – золотистые ресницы дрогнули. Она затихла, вытянувшись в луже крови, залившей ложе.

Затрещала дверь.

– Я скоро, – пообещал он еще раз.

Федор тяжело поднялся, сомкнув руку на мече. Обернувшись, он увидел светлую улыбку на посиневших губах жены. Доселе еще никогда не чувствовал Вельяминов такого. Сердце его словно рвалось, боль отдавала в спину. Пошатнувшись, он упал рядом с ложем, не выпустив из рук меча.

Дверь рухнула. Матвей замер на пороге с факелом:

– Отец!

Оттолкнув Матвея, царь бросился к Вельяминову.

– Не смог ты, Иван, забрать у меня самое дорогое, – улыбнулся сквозь муку Федор Васильевич. Он с облегчением закрыл глаза: «Я иду к тебе, милая».

– Сего ради руки наши не связаны суть, а мечи в них да послужат нам службу прекрасну. Да умрем, не поработившись, свободны, с женами, тако нам закон велит, – Иван стоял посреди опустевших стен.

– Федор, Федор, – прошептал царь, – один ты был такой у меня, – бережно уложив Вельяминова рядом с Феодосией, государь прижался губами к холодеющему лбу: «Прощай, Федор Васильевич, покойся с миром».

Достав вельяминовский меч из ножен, Иван вложил оружие в руки боярина. На пороге он оглянулся. Клинок блестел, словно и после смерти охранял Федор честь и любовь свою.

Матвей придержал царю стремя.

– Книги мачехи твоей пусть в Александрову слободу свезут, ко мне в палаты,

– А сие? – Матвей указал на усадьбу.

– Огню предать, – царь прищипорил коня.

Матвей застыл на холме. В предрассветное небо поднимался столб дыма. Ветер завывал пепел и прах, слезились глаза. Он махнул отряду: «В седло!»

Эпилог

Атлантика, октябрь 1565

Степан Воронцов спешил. Идти проливом Всех Святых в разгар южной зимы было безумием. Менее опытный моряк, наверняка закончил бы свои дни на рифах, среди сорокафутовых ревущих волн.

Прошлой осенью королева Елизавета вызвала его в Англию, чтобы возвести в рыцарское достоинство. Он сам наблюдал на верфях за постройкой «Изабеллы». Корабль сработали с великим тщанием и аккуратностью. Излазив ее от мачт до трюмов, поругавшись с мастерами, он велел оснастить «Изабеллу» двойным пороховым погребом и запасными пушками.

В большом кабинете покойного Ключе он изучил карты. Такого безрассудства не предпринимал еще ни один английский капитан.

—Может получиться, — он погрыз трубку: «Напьюсь, если получится».

Вороном прозвали его в Карибском и других морях, исхоженных им вдоль и поперек за последний десяток лет.

Рыцарем он стал в награду за перехваченный у галисийского берега караван с мексиканским серебром. Команда пировала в Лондоне в счастливом угаре. Они сгрузили к ногам королевских чиновников на плимутском рейде больше полутысячи мешков с отборными слитками. Степан знал про караван давно. В прибрежных карибских городах он содержал прикормленных людишек, получая весточки о новостях на суше. Осторожно крадась за испанцем через Атлантику, Ворон вспоминал наставления Якоба Йохансена, своего первого учителя морского дела: «Хороший капитан знает, когда и кому стоит показывать свой флаг».

Загнав верную «Жемчужину» в уединенный залив пустынного острова, они переоснастили корабль. Название покрасили, с носа убрали полногрудую красавицу, поставили дырявые паруса. «Жемчужина», знаменитая от Плимута до Молуккских островов, преобразилась до неузнаваемости. Вынырнув из густого бискайского тумана, они расстреляли ничего не подозревающего флагмана флотилии почти в упор. На испанском борту затрепетал белый флаг.

Королева Елизавета опустила шпагу на его плечо: «Поднимись, сэр Стивен Кроу». Она добавила, понизив голос: «Серебро, Ворон, ты мне принес, теперь отправляйся за золотом».

Он вез подарок своей королеве, какого не держал в руках еще ни один человек на земле. Кроме него, Ворона.

Залпом выпив принесенный с камбуза кофе, он вышел на палубу. Небо клонилось к закату, в паруса ровно дул западный ветер, вокруг не было ни души.

—Если погода продержится, дней через пять увидим берега Ирландии, — хмыкнул Степан. Он намеренно забрался далеко к северу. С грузом в его трюмах не стоило маячить в привычных широтах.

Обогнув остров Святого Лаврентия, показавшись на рейде Калья с расчехленными пушками, «Изабелла» дала первый залп по городу. Все военные галеоны испанцев стояли у берегов Панама. Помощи городу ждать было неоткуда.

Степан наполнил трюмы, но то, ради чего он затеял опасный рейд, ждало его в укромной бухте к северу от города. Запрятанный в холст груз под покровом ночи подогнали на шлюпке к «Изабелле». Неосторожный вопрос моряков, заданный даже из любопытства, карался смертью.

Королева намекала, что он мог, отправившись на восток, пробыть вдоль берега Московии в поисках неуловимого прохода, который искали Ченслор и Виллоуби той осенью, когда Степан бежал из России.

Однако Ворон избегал холодов с первой зимовки в Сент—Джонсе, где из—за мороза носа было не высунуть из каюты. Он предпочитал ласковые южные моря. В отличие от Петра, его не тянуло в Московию. Едва унаследовав торговлю после покойного Мартина Ключе, младший брат собрался на восток.

Степан не отпустил бы мальчишку одного. Петя ехал с английскими купцами, с патентом и привилегиями от королевы, но Ворон был уверен, что в Москве, Петя первым делом побежит на Воздвиженку.

На палубу вышел Черныш, сын того Черныша, что Петька тащил всю дорогу из Москвы. Первый Черныш бодро гонял мышей в торговом доме «Клюге и Кроу» в лондонском Сити. Кот потерялся о мачту:

– Йохансен учил, что это к шторму..., – Степан поднес к глазу подзорную трубу. Про него говорили, что Ворон одним глазом видит то, что другие двумя не замечают.

– На юге испанец, на западе шторм. Интересно, от кого мы сбежим быстрее.

Дон Педро де Альварадо—и—Контрерас сыпал проклятиями. Чертов англичанин заметил его первым. Прибавив парусов, корабль резво уходил на северо—восток.

– Будто сам дьявол ему в паруса дует.

Старик боцман, плававший еще под началом Магеллана, вздохнул.

– Это Ворон. У него новый корабль, тот, что обстреливал Кальяю.

– Старый знакомец, – процедил дон Педро: «Но как он очутился в Перу?»

– Миновал пролив Всех Святых и повернул на север, – пожал плечами боцман.

– Зимой? Он что, безумец? – Контрерас мерил шагами палубу «Святой Магдалены».

– На то он и Куэрво, – старик назвал Ворона испанским прозвищем: «У него трюмы полны, иначе он бы вызвал нас на бой».

– Сейчас посмотрим, кто быстрее..., – Контрерас выкрикнул: «Прибавить парусов!».

Степан заглянул в капитанскую каюту. На потертом ковре висели шпаги и кинжалы, в обитой кожей шкатулке он держал пистолеты, во другой, черного дерева, корабельные бумаги. На переборках и просторном столе красовались карты. Он достал письма Изабеллы, пожелтевшие, с выцветшими чернилами. Сунув связку под рубашку, Ворон поднес к губам жемчужину, которую отдала ему Белла перед смертью.

– Обречены на скитания, – вспомнил он.

– Капитан, – постучали в дверь: «Шторм по левому борту».

С палубы испанца видно не было, но на горизонте вырастала низкая туча.

– Уйдем? – спросил помощник.

– Навряд ли, – Ворон приказал убавить парусов. Ветер с запада дул такой, что и на половинном оснащении они словно летели по волнам.

– Что за черт! – взорвался Контрерас: «Когда мы его догоним?»

– Это Куэрво, – боцман суеверно скрестил пальцы: «Он заманит нас в бурю, а сам улизнет. Сколько раз так случалось».

– Сейчас не случится, – испанский капитан приказал добавить парусов. Они шли за «Изабеллой» в сердце урагана.

Воронцов спустился в трюм, где лежал подарок для Елизаветы. Его несли через джунгли и ущелья, сплавляли по рекам на плотах. Прослышав, что есть такое диво, не жалея денег, Ворон построил лучший на свете корабль. Он набрал бывалых моряков и прошел туда, где до него не ступала нога англичанина:

– Ради того, чтобы королева посмотрела на меня так, как тем вечером в Гринвиче..., – подняв холст, он зажмурился от блеска огромного изумруда, сиявшего в глыбе породы.

«Изабеллу» тряхнуло. Корабль, кренясь на правый борт, взбирался на свинцовые волны. Испанцы были совсем рядом. Он видел развевающийся на корме «Святой Магдалены» королевский стяг.

– Не будет он стрелять, – рассмеялся Степан: «Побоится».

– А мы? – с опаской спросил помощник.

– А мы будем, – отдав команду на оружейную палубу, Ворон сам встал к пушке. Ядро, выпущенное капитаном, переломило пополам фок—мачту испанца.

Контрерас едва удержал охромевший корабль. Только безумец Куэрво мог затеять сражение посреди серьезного шторма. Грянули пушки «Магдалены». Только одно ядро, долетев до «Изабеллы», врезалось в обшивку кормы.

Чертыхаясь, Контрерас велел прибавить еще парусов.

Взобравшись на волну, перекатившись через гребень, «Изабелла» пропала из виду.

– Уйдет, – простонал Контрерас.

– Никто не уйдет, – отозвался боцман.

– Это еще почему?

«Магдалена», мотаясь из стороны в сторону, тяжело шла на высокий вал.

– Потому что дальше смерть, – старик перекрестился.

Ворон слышал про такое от старых моряков. Йохансен рассказывал ему о местах, где Господь играет в ладоши. Степан юнцом приставал к капитану с расспросами. Йохансен отмахивался: «Из видевших такое никто не выжил!»

Над ними простиралось глубокое, синее небо. Ветер стих. Громадные изумрудные валы крутились, выстраиваясь в круг. «Изабелла», беспомощно скользила по краю водоворота. Вслед за ней бессильно вертелась «Святая Магдалена».

Сорокапушечные корабли казались детскими игрушками.

«Изабелла» стояла на стене воды носом вниз. Перед отплытием Степан, как обычно, оставил у «Клюге и Кроу» подробное письмо с росписью своих земных дел. Он приложил к завещанию карту. После недавнего рейда на панамское побережье, Степан оставил команду гулять в кабаках. Взяв шлюпку, Ворон сплавал в известное лишь ему одному место.

–Зарытого там хватит на три поколения вперед, – Ворон закрыл глаза. «Изабеллу» с бешеной скоростью тянуло в центр водоворота.

–Даже если и пройду долиной смертной тени, не убоюсь я, ибо Ты со мной..., – палуба потрескивала под ногами.

Рядом с ними рушилась вниз «Святая Магдалена». Испанский корабль тонул в мешанине обломков, в бьющихся парусах. Перед смертью Контрерас успел пожалеть, что никто и никогда не узнает, как он догнал великого Куэрво.

Степан заставил себя доползти до румпеля:

–Я обещал, – сказал он себе, – обещал ей вернуться.

Отыскав ветер, «Изабелла» выбиралась к далекому, едва видимому диску солнца.

–Добавить парусов! – велел Ворон.

Они перевалили через гребень последней волны, впереди открылось спокойное море. Передав румпель помощнику, привалившись к борту корабля, Степан заснул.

«Изабелла» стояла у незнакомой пристани. Среди топких берегов катила воды могучая, расходящаяся рукавами река. Над головой еле пробивалось северное солнце.

На мачте развевался незнакомый Степану флаг, белый, с косым голубым крестом святого Андрея. На палубе стояла Белла, легкая, рыжеволосая. Она держала на руках Вороненка, темноволосяго, зеленоглазого мальчишку:

–Вырос—то как, – улыбнулся Степан. Он замер, заметив рядом с Беллой покойную Марью.

– Ты, братец, не утопишь нас? – задорно крикнула она.

– Будешь болтать, ссажу на берег, – пригрозил Степан, помогая взойти на корабль отцу с матерью.

Петька махал им с пристани.

–Попутного ветра, Степа!

Ворон мягко, как учил его Йохансен, нажал на румпель.

– Капитан!

– А? Что? Где? – он сощурил заспанные глаза.

– Светает, ваша вахта, – помощник покашлял.

– Пусть кофе принесут, если на камбузе живые остались..., – Степан погладил нагретое осенним солнцем дерево румпеля:

– Спасибо, милая, – шепнул он то ли кораблю, то ли еще кому—то.

«Изабелла» шла на восток, где в золотом сиянии восхода лежала Англия.

Пролог

Астрахань, февраль 1566

Пробираясь между наметенными ветром сугробами, Петя плотнее запахнул косматый тулуп. Свистела вьюга, над головой висело черное небо. Вокруг, казалось, не осталось ничего, кроме холода. Даже старики не помнили такой суровой зимы. Лед на Хвалынском море встал в начале ноября, они чудом успели вернуться из Дербента. Атаман Данила Гребень сказал Пете:

– Не зря я вас подгонял. Если бы промедлили, пришлось бы обратно посуху идти через пески. Там мы бы все головы и сложили.

В окне горницы горела свеча. Сняв тулуп, Петя засыпал сени снегом. Отряхнув валенки, юноша поставил их в угол. Ему вспомнились обещание Федора Васильевича.

– На море теплее, – усмехнулся он.

Маша с подсвечником выглянула из—за двери.

– Закрой, простудишься.

Она несмело улыбнулась. Подбирая слова, девушка сказала: «Не очень холодно».

В горнице было прибрано, на столе лежало шитье и тетради с книгами. Маша собрала обед, в очередной раз удивив Петю. Сегодня она приготовила рыбу с орехами:

– Где она только в конце зимы орехи раздобыла, – подумал Воронцов—младший.

– Договорился я обо всем. Довезу тебя до Керчи, передам надежному человеку, дойдете морем до Стамбула, а дальше он разберется.

– В Стамбуле обратно в гарем? – Маша уставилась в пол.

Воронцов разъярился. Ему надоела зима, разлука с Марфой, Астрахань, и огромная, враждебная страна за окном. Больше всего ему надоела девчонка, вывезенная из Дербента, за которую он теперь должен был отвечать.

– Я тебе сколько раз говорил, забудь это слово! Ты едешь в Лондон, где нет никаких гаремов. Ты христианка, разве в Грузии есть гаремы?

– У турок есть, – в ее глазах блеснули слезы.

Петя заставил себя сдержаться:

– Ты едешь с достойными людьми, никто тебя пальцем не тронет, клянусь честью. Я не могу взять тебя с собой на север. Я сам не знаю, как с женой выберусь отсюда. В Лондоне живет мой старший брат, он о тебе позаботится.

Маша исподлобья взглянула на него. Девушка сказала с гортанным акцентом: «I wish I would be home, but I have no home».

– Умница, видишь, как ты говоришь бойко и читаешь неплохо. Сейчас письмом займемся, и все наладится. Все будет хорошо.

На Дербент они пошли в начале осени. Данило Гребень взял Петю на флагманскую косовую. Воронцов сел за гребца. Большую часть пути они проделали под парусами, но ветер был переменным. Иногда он стихал, и тогда в дело вступали весла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.